

2020. Т. 11. № 2

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Исторические науки

- 07.00.02 – Отечественная история
- 07.00.03 – Всеобщая история
- 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы
исторического исследования
- 07.00.15 – История международных
отношений и внешней политики

Политические науки

- 23.00.01 – Теория и философия политики,
история и методология
политической науки
- 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии
- 23.00.03 – Политическая культура
и идеологии
- 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального
развития
- 23.00.05 – Политическая регионалистика.
Этнополитика
- 23.00.06 – Конфликтология

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007

ISSN 2500-2988

LOCUS

PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2020. Vol. 11. No. 2

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list
of the leading peer-reviewed scholarly
journals the Higher Attestation
Commission of The Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation recommended
to PhD candidates and those working
for their habilitation who wish to publish
the results of their research

The journal has been published
since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be
accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Алексей Брониславович Ананченко – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*).

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*).

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*).

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета.

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания.

Джованни Савино – PhD (история); научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия; профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва.

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; страшний научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль.

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Head of the Department of Modern Russian history, the Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*editor in chief*).

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*deputy editor*).

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor of the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*executive secretary*).

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University.

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies, Moscow.

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Head of the Department of Political Studies of Russia and the Former Soviet Union of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Associate Professor of the Department of Socio-Political Research and Technology of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr (Alek) D. Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher of the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel.

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher of the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor of the Chair «Computer Law», National Research Nuclear University «Moscow Engineering Physics Institute» (MEPhI).

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow State Pedagogical University.

Andrey V. Maniolo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Chair of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of World History of the Institute of Human Sciences, Moscow City University.

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University.

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies «Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies», Lomonosov Moscow State University.

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom.

Giuseppe Savino – PhD in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy.

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk.

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head of the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University.

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Т.Л. Лабутина

Великий князь Павел Петрович
в восприятии английских послов. 11

А.В. Зайцев

Ю.Г. Буртин и его попытка
выдвижения А.Т. Твардовского
в депутаты Верховного Совета СССР
(по архивным источникам) 23

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В.С. Калмыков

Тактика римского легиона
против эллинистических армий:
превосходство римлян
или ошибки эллинистических полководцев? 40

М.В. Кузьмина

Образ англичан и Англии
во французских литературных произведениях
периода Столетней войны. 57

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Ю. Захаров

Профессор Н.В. Минаева:
портрет в контексте эпохи.
К 90-летию со дня рождения 72

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ

С.Б. Маргулис

К вопросу о теоретических основах
и историческом развитии радикального ислама
как политической идеологии 88

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

A.A. Зыков

Становление трансграничного сотрудничества России:
дальневосточный аспект 106

T.Z. Мансуров

Отношение молодежи
к проектам национального развития
Республики Южная Осетия 119

H.B. Шахмин

Евразийский проект
в многополярной системе координат:
постановка вопроса 135

Contents

RUSSIAN HISTORY

T.L. Labutina

- Grand Duke Pavel Petrovich
in perception of the British ambassadors 11

A.V. Zaitsev

- Yuri Burtin and his failed attempt
to nominate A.T. Tvardovsky
a deputy of the Supreme Soviet of the USSR
(based on to archival sources) 23

GENERAL HISTORY

V.S. Kalmykov

- Tactics of the Roman legion
against the Hellenistic armies:
The superiority of the Romans
or the mistakes of the Hellenistic commanders? 40

M.V. Kuzmina

- The English and England in the French literature
during the Hundred Years War 57

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY

AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

V.Yu. Zakharov

- Professor N.V. Minaeva:
The portrait in the context of the epoch.
To the 90th anniversary of her birth 72

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

S.B. Margulis

- On the theoretical foundations
and historical development
of radical Islam as a political ideology 88

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>A.A. Zykov</i>	
Formation of cross-border cooperation of Russia: The Far East aspect	106
<i>T.Z. Mansurov</i>	
Youth attitude to the formation of national development projects of the Republic of South Ossetia	119
<i>N.V. Shahmin</i>	
The Eurasian project in a multi-polar system of coordinates: Formulation of the problem.	135

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-11-22

Т.Л. Лабутина

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Великий князь Павел Петрович в восприятии английских послов

В статье речь идет о восприятии английскими послами сына императрицы Екатерины II – великого князя Павла Петровича. В исторической литературе данная проблема прежде не являлась предметом специального исследования. Автор подчеркивает, что будущий наследник российского престола представлял для правящих кругов Великобритании далеко не праздный интерес, и потому послы самым внимательным образом наблюдали за его поведением, а также окружением, в особенности за теми людьми, которые могли оказывать на него влияние. Особое внимание дипломаты уделяли характеру, образованию, личной жизни великого князя, его взаимоотношениям с императрицей. Хотя оценки послов не всегда отличались объективностью, они во многом дополняют и расширяют представления наших современников об императоре Павле I в бытность его великим князем.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, XVIII век, Екатерина II, Павел I, английские послы при русском дворе

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Лабутина Т.Л. Великий князь Павел Петрович в восприятии английских послов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 11–22. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-11-22

T.L. Labutina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Grand Duke Pavel Petrovich in perception of the British ambassadors

The article deals with the perception by the British ambassadors of the son of Empress Catherine II – Grand Duke Pavel Petrovich. In historical literature, this issue has not previously been the subject of special research. The author emphasizes that the future heir to the Russian throne was far from idle interest for the ruling circles of Great Britain, and therefore the ambassadors carefully watched his behavior, as well as the people around him, especially those who could influence him. Diplomats paid special attention to the character, education, personal life of the Grand Duke, and his relationship with the Empress. Although the opinions of the ambassadors were not always objective, they greatly complement and expand the views of our contemporaries about Emperor Paul I when he was Grand Duke.

Key words: Russia, Great Britain, XVIII century, British ambassadors at the Russian Court, Catherine II, Paul I

CITATION: Labutina T.L. Grand Duke Pavel Petrovich in perception of the British ambassadors. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 11–22. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-11-22

В последние годы одним из востребованных направлений в отечественной исторической науке сделалась имагология (от лат. *Imago* – образ), которая изучает восприятие народами друг друга, а также механизмы формирования внешнеполитических стереотипов. В русле данного направления нами были проделаны исследования, результаты которых опубликованы в ряде научных изданий [5; 6]. Данная статья является своеобразным продолжением начатых изысканий.

Обращаясь к дипломатической переписке британских послов при дворе Екатерины II [7], мы обратили внимание на то, что все дипломаты в донесениях, помимо служебной информации, сообщали в Лондон

о многом, что они видели в России. Впечатления о Екатерине II, ее внутренней и внешней политике, министрах и придворных, обычаях и нравах русских людей, а также неординарных событиях в жизни страны – все это нашло отражение в их депешах, отправляемых на родину. Безусловно, прежде всего послы останавливались на характеристиках самой императрицы, а также ее ближайшего окружения. Не был обойден вниманием дипломатов и сын Екатерины – великий князь Павел Петрович. Будущий наследник российского престола представлял для правящих кругов Великобритании далеко не праздный интерес, и потому послы самым внимательным образом наблюдали за поведением великого князя, а также его окружением, в особенности за теми людьми, которые могли оказывать на него влияние. Заметим, что в исторической литературе данная проблема прежде не являлась предметом специального исследования. Нас, в первую очередь, интересовало, какие черты характера великого князя выделяли дипломаты, как они воспринимали отношения императрицы с сыном, видели ли в Павле Петровиче будущего российского императора, наконец, насколько объективными были их оценки?

Одним из первых английских послов, оставившим свои заметки о великом князе, оказался граф Бэкингэмшир. В то время, когда он прибыл в Россию, в 1762 г., цесаревич был еще ребенком и не играл заметной роли при дворе Екатерины II. Возможно, поэтому Бэкингэмшир в своих мемуарах написал о нем немного, упомянув, что великий князь «хорош фигуруй и элегантно танцует», «живо все воспринимает» и отличается хорошей памятью. Дипломат также отметил, что Павел Петрович, хотя и не выказывает особого прилежания, тем не менее, «имеет лучшие познания, чем обычно имеют принцы в его возрасте» [3, с. 123]. Поскольку его учителя «способны и усердны», а императрица «не дает ему особой поблажки» [Там же], он сможет достичь значительных успехов, заключал Бэкингэмшир.

Посол Чарльз Кэткарт о великом князе сообщал: Павел Петрович «подает большие надежды, а здоровье его скорее нежное, чем слабое, и, по всей вероятности, укрепится с годами при большей свободе и движении» [4, с. 14]. Дипломат заметил, что императрица старается ему угодить и «публично» обращает на сына гораздо большее, чем прежде, внимание. Приближенные Екатерины оказывают великому князю особую честь. В их числе граф Григорий Орлов, который относится к нему «с особенной внимательностью» [Там же, с. 34].

Большое внимание характеристике великого князя уделил дипломат Роберт Ганнинг. Первое знакомство с ним позволило послу составить представление о его характере и наклонностях. «Полагают, что

великому князю небезызвестно то положение, в котором он находится, – докладывал Ганнинг в Лондон в депеше от 28 июля 1772 г. – Беспечность и необдуманность... не составляют его недостатков, но критические обстоятельства, его окружающие, до того развили в нем природную скрытность... что он, по-видимому, ничем не интересуется и не обращает внимания ни на что, кроме пустых забав» [4, с. 300]. Ганнинг полагал, что воспитанием великого князя «постыдно или вернее преднамеренно пренебрегали», объясняя это «ленивым и пристрастным к наслаждениям направлением Панина, который за исключением честности и бескорыстия не обладает ни одним качеством, желательным для его воспитанника» [Там же].

Об образовании великого князя подробно извещал официальный Лондон известный дипломат Джеймс Гаррис. С самого детства, писал он, Павел Петрович был поручен заботам графа Никиты Панина, а также дворянину из Лифляндии господину Остервальду, ныне занимающему должность сенатора. На взгляд Гарриса, оба наставника не составили «правильной системы образования» подопечного и не получили на этот счет никаких указаний от императрицы, которая «оказалась менее внимательной и заботливой относительно успехов воспитания своего сына» [8, с. 1502] по сравнению с заботой об образовании подданных. В результате, великий князь ознакомился лишь с немногими предметами. Так, от Остервальда он получил «весыма основательные понятия» о внутреннем управлении империи, а от графа Панина «порядочное знание» [Там же] новейшей истории Европы. Учителя читали ему лекции по искусству, а также знакомили с философскими учениями. Однако великий князь, на взгляд Гарриса, «мало воспользовался этими стараниями» [Там же]. Поскольку Павел, по его мнению, от природы «был неловок и угловат в манерах» [8, с. 1503], то большую часть времени он предпочитал уделять танцам, верховой езде и французскому языку. И именно в этих предметах он достиг «значительной степени совершенства» [Там же].

В какой мере информация Гарриса об образовании цесаревича Павла Петровича была объективной? Согласно исследованиям историков, первым воспитателем Павла был дипломат Федор Бехтеев. В 1760 г. по указанию императрицы Елизаветы Петровны главным наставником юноши был назначен Никита Иванович Панин, обладавший обширными познаниями и разделявший идеи Просвещения. Именно он обозначил весьма обширный круг тем и предметов, которые должен был изучать его воспитанник. Панин выбрал также учителей-предметников. Так, Закон Божий преподавал митрополит Платон; Дж. Миллико обучал музыке, а Гранже – танцам. Однако этим образование великого

князя не ограничивалось. Ему преподавали историю, географию, арифметику, астрономию, иностранные языки (французский, немецкий, латинский, итальянский), русский язык, рисование, фехтование. Не без влияния графа Панина Павел ознакомился с трудами французских просветителей: Вольтера, Дидро, Монтескье. По мнению историков, к учебе у Павла были неплохие способности, у него было развито воображение, он любил проводить время за чтением. В целом, образование Павла Петровича, на взгляд исследователей [11; 12], было лучшим, какое только можно было получить в то время.

Отмечая недостатки в образовании Павла Петровича, Гаррис в то же время признавал достоинства воспитания, привитые ему наставниками. Благодаря внимательному отношению к его нравственности, их наставления «исправили много природных недостатков», и великий князь «сделался гораздо лучшим человеком» [4, с. 300], чем если бы оказался предоставлен самому себе. Павел отличался умеренностью в пище и питье и, благодаря этойдержанности, считал англичанин, он укрепил свой от природы слабый организм.

После того, как великий князь достиг совершеннолетия, отношение к нему со стороны императрицы заметно изменилось, что не осталось незамеченным дипломатами. «В последнее время он (Павел) встречает со стороны императрицы внимание, с которым она не привыкла относиться к нему, – свидетельствовал Роберт Ганнинг, – что доказывает, что ее опасения усиливаются» [Там же]. Павел надеялся, продолжал дипломат, что ему наконец-то будет предоставлена «некоторая независимость и составлен двор» [Там же], однако этого не произошло, и его воспитатель Никита Панин продолжал сохранять ту же власть, какая ему до этого принадлежала. Екатерина всерьез опасалась, что ее сын станет предъявлять права на власть. В России не существует «разделения власти», а потому, пояснял Ганнинг, когда великий князь получит власть, он должен получить ее «всеселом» [4, с. 376]. И если императрица «будет действовать осторожно, но в то же время энергично, то время это весьма удалено, в противном случае она находится в критическом положении» [Там же].

Совершеннолетие великого князя разбудило надежды недоброжелателей императрицы, считавших, что он должен занять трон на законных основаниях. И вскоре Павел почувствовал к себе расположение этих людей. Послы иностранных государств внимательно наблюдали за развитием событий. Французский просветитель Д. Дидро, находившийся в это время при дворе Екатерины II, рассыпаясь в комплиментах императрице, не забывал и о великом князе. «Лесть его (Дидро. – Т.Л.) относительно великого князя была также сильна, – свидетельствовал

Ганнинг, – но к чести этого молодого принца он оказал ей не менее презрения, чем отвращения к его пресловутым и зловредным принципам философии» [4, с. 340]. Между тем, французы продолжали плести интриги. Ганнинг в секретном послании в Лондон от 5 января 1773 г. сообщал: французские эмиссары «намекали нескольким лицам» [Там же], что интересы России требуют вступления на престол великого князя. Императрица полагает, будто новые министры Франции и Испании едут в Россию «с надеждой на возможность революции» [Там же]. Однако Ганнинг был иного мнения. Он считал, что Екатерина II нашла способ повлиять на сына, дав согласие на его брак. Дипломат предлагал своему руководству занять более активную позицию по отношению к великому князю как к наследнику престола: «Не следует ли заранее оказать внимание этому молодому принцу, который склонен к лести и может быть расположен в нашу пользу, по крайней мере, в настоящую минуту, знаками отличия и внимания и бездельными подарками, как например английские экипажи, лошади и т.д.?» [Там же].

Ганнинг обращал внимание на то, что некоторые друзья великого князя советовали ему «не щеголять» популярностью, которую он приобрел, и он подчинился этому совету весьма неохотно. Посол поведал об одном инциденте, который произошел в ноябре 1773 г. Павлу Петровичу подали на ужин блюдо сосисок, «кушанье, до которого он большой охотник» [4, с. 389], в котором он обнаружил стеклянные осколки. Великий князь вскочил из-за стола и, взяв с собой блюдо, отправился в покой императрицы, где «с величайшим раздражением высказал ей, что этот случай доказывает ему намерение его отравить» [Там же]. Императрица, продолжал посол, «была чрезвычайно поражена этим подозрением, так же, как и небрежностью прислуги, послужившей единственным поводом к тому» [Там же]. Между тем, она выразила «сильное беспокойство» не самим происшествием, а реакцией на него сына, посчитав его высказывания «ребяческими и неосторожными» [Там же]. Тем не менее, после случившегося Екатерина приняла решение отправиться с великим князем в Царское Село, где у нее будет больше времени и возможностей «изучить образ мыслей сына» [4, с. 390].

В начале 1774 г. отношения императрицы и великого князя заметно улучшились. На взгляд Ганнинга, Павел Петрович это доказал прежде всего своим обращением с господином Дидро, хотя «многоречивые комплименты» последнего, равно, как и его «отвратительные мнения», внушили ему «столько же презрения, как и ужаса» [Там же, с. 397]. В то же время императрица предприняла меры, чтобы ограничить возможные контакты великого князя с народом. В секретном послании от 16 марта 1775 г. Ганнинг извещал госсекретаря: «Популярность, заявленная

великим князем в день, когда он ездил по городу во главе своего полка, разговаривал с простым народом и позволял ему тесниться вокруг себя так, что толпа совершенно отделяла его от полка, и явное удовольствие, которое подобное обращение доставило народу, как полагают, весьма не понравилось (императрице. – Т.Л.), и потому будут приняты меры к тому, чтобы великий князь не имел более подобного случая показаться народу» [4, с. 451].

Особое внимание послы уделяли семейной жизни великого князя. Павел Петрович был женат дважды. В первый раз он женился в 1773 г. на великой княжне Наталье Алексеевне, урожденной принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской. Императрица однажды заявила, что обязана великой княгине за то, что «ей возвращен ее сын» [Там же, с. 409] и что она докажет ей свою признательность за такую услугу. И, действительно, свидетельствовал Ганнинг, Екатерина «никогда не пропускает случая приласкать… принцессу, которая, обладая даже меньшим умом, чем великий князь, несмотря на то, приобрела над ним сильное влияние» [Там же]. Ганнинг пришел к выводу: общество жены «составляет единственное отдохновение великого князя», и желание приобрести популярность, «замечаемое в великом князе в продолжение некоторого времени», теперь «совершенно исчезло» [Там же]. Дипломат подчеркивал: великий князь «не имеет никакого характера», легко подвержен влиянию других лиц, и этим пользуется императрица, которая выбирает из его окружения людей, способных в значительной степени внушить ему те мысли, которые она считает нужным [4, с. 410].

Посол Джеймс Гаррис также отмечал, что до своего брака Павел Петрович находился «в самом полном повиновении» у императрицы и был окружен только теми лицами, которых она ему назначила, и «если он имел некоторую сыновнюю привязанность, то происходила она больше из страха, чем из сердечного чувства» [8, с. 1503]. После женитьбы оказывать влияние на великого князя стала его супруга, сумевшая, на взгляд Гарриса, «отыскать искусство управлять им» [Там же]. И вскоре Павел удалил из своего окружения тех немногих друзей, которых до этого выбирал сам, и с тех пор, продолжал дипломат, «его общество, его развлечения, даже самые чувства, все вполне подчинилось его жене» [Там же]. Однако подобное подчинение супруге, на взгляд англичанина, не принесло радости великому князю: «нрав его из живого и быстрого сделался грустным, тяжелым и апатичным» [Там же].

Примечательно, что в одной из своих депеш Гаррис обратил внимание на отношения великой княгини с графом Андреем Разумовским, который был у нее «близким человеком» [Там же]. Дипломат полагал, что граф получал указания «вместе с большей частью своего дохода»

от французских министров [8, с. 1503]. Естественно, подобное поведение невестки не могло не вызвать осуждения императрицы, однако, замечал Гаррис, «слова ее оставались совершенно безуспешными: молодая принцесса была властолюбива и решительна» [Там же]. Неизвестно, к чему могло привести соперничество между этими дамами, рассуждал посол, если бы ни внезапная кончина великой княгини. Она скончалась при родах вместе с младенцем 15 апреля 1776 г. Британская исследовательница И. де Мадариага подчеркивала, что по слухам, ходившим при дворе, ребенок был от любовника княгини, А.К. Разумовского. Возможно, предполагала историк, догадываясь о любовной связи невестки, императрица и не выказала особой печали по поводу ее кончины [2, с. 550]. Что касается Павла Петровича, то он горевал недолго. Уже спустя три месяца состоялась его помолвка с принцессой Софией Доротеей Бюртембергской, дочерью Фридриха II (в православии – Марией Федоровной). Встречу великого князя с будущей женой устроил в Берлине сам Фридрих Великий. Павел был пленен статной блондинкой с приятным лицом.

О новой супруге великого князя Гаррис отзывался довольно лестно. Ее характер, полагал он, «совершенно противоположен нраву прежней... Она кротка, приветлива и глубоко проникнута понятием о супружеских обязанностях» [8, с. 1504]. Под ее влиянием великий князь сделался разговорчивым, веселым и «чаще проявляет личную волю» [Там же]. Великая княгиня «постоянной служливостью» и вниманием заслужила привязанность Павла, который «очень ее любит» [Там же]. «В настоящую минуту они совершенно счастливы друг другом, но я опасаюсь, – приходил к заключению Гаррис, – что счастье их не может быть продолжительно посреди двора, столь безнравственного и так странно составленного» [Там же]. Великая княгиня должна обладать необыкновенной «долей твердости и добродетели» [Там же], полагал дипломат, чтобы обойти многочисленные искушения, которые встретятся ей на пути.

Надо отметить, что Джеймс Гаррис внимательно наблюдал за жизнью наследника российского престола. В депеше госсекретарю от 3 октября 1778 г. он писал: «Вот уже несколько времени, как я обещал сообщить вам все сведения, которые мне удастся получить относительно способностей и характера наследника империи» [8, с. 1502]. Касаясь политических предпочтений Павла Петровича, дипломат подметил их непостоянство, утверждая, что «его политика теперь клонится на сторону Пруссии столько же, как прежде он оказывал сочувствия Франции» [Там же, с. 1504]. Причину тому Гаррис усматривал во влиянии Панина, который инициировал поездку Павла в Берлин. Не менее ощутимым

в принятии решения о путешествии в Пруссию оказалось также «особое расположение» [8, с. 1504] великой княгини к своему семейству в этой стране.

Гаррис приходил к заключению о том, что Павел Петрович, «не будучи одарен высшими способностями... обладает достаточной долей понятливости, чтобы управлять страной» [Там же]. А для этого ему остается только «справиться с некоторым непостоянством в привязанностях и нерешительностью в действиях» [8, с. 1505], что посол относил к молодости великого князя, а также к зависимому его от императрицы положению [Там же].

Впрочем, спустя полгода Гаррис изменил свое мнение о способностях великого князя управлять Российской империей. Павел Петрович, «вследствие природной застенчивости и непостоянства нрава, которое не слаживается с летами, – приходил к заключению Гаррис, – окажется неспособным управлять этой огромной и буйной империей» [9, с. 153–154]. По-видимому, того же мнения придерживалась и императрица, когда решила сделать своим престолонаследником старшего внука Александра, о чем посол докладывал в Лондон в декабре 1782 г. [10, с. 876].

Отношения Екатерины II с сыном оставались сложными. В ряде своих депеш Гаррис обращал внимание на полную подчиненность, даже в мелочах, великокняжеского двора императрице. Без ее разрешения никто не имеет доступа к великокняжеской чете, писал дипломат в депеше 1 октября 1778 г. Фавориты Екатерины относились к молодым супругам с высокомерием и равнодушием. «С великим князем и великой княгиней Потемкин и его партия обращаются, как с лицами, не имеющими никакого значения, – докладывал Гаррис в Лондон 29 января 1779 г. – Великий князь чувствует это пренебрежение» [9, с. 146]. Посол обращал внимание на «обидное равнодушие» [Там же] Екатерины к сыну и невестке.

Подтверждением тому могли послужить описанные Гаррисом 22 ноября 1782 г. события, связанные с возвращением великокняжеской четы из Европы. Они путешествовали инкогнито под именами графа и графини Северных (дю Нор), посетили Италию, где удостоились аудиенции папы римского, и Францию. Их путешествие продолжалось 428 дней. Между тем, прием, который они встретили после длительного отсутствия, оказался более чем прохладным. «Свидание между императрицей и их императорскими высочествами произошло совершенно частным образом, без посторонних свидетелей, – сообщал Гаррис. – Продолжалось оно не более нескольких минут и, вероятно, ни с той, ни с другой стороны не было выражено большой радости или нежности» [10, с. 872]. Вечером состоялся прием, на котором им представили иностранных министров. Затем великокняжеская чета навестила

графа Панина и 20 минут провела с императрицей. «Из всего, что я мог узнать, — писал Гаррис, — я заключил, что они также недовольны приемом, им оказанным, как императрица сожалеет об их возвращении, и взаимное неудовольствие, преобладающее с обеих сторон, вероятно, произведет неприятные сцены» [10, с. 873].

Ухудшению отношений Екатерины с велиокняжеской четой могло способствовать также то обстоятельство, полагал Гаррис, что во время путешествия они «сделали огромный долг» [Там же], который невозможно скрыть от императрицы. И это еще больше усилило то раздражение и ту «неестественную вражду», которые «существуют между ними» [10, с. 873–874]. Не исключено, что немалую часть долга составили расходы на наряды великой княгини. Возвращаясь из Европы, писал Гаррис, Мария Федоровна привезла с собой не менее 200 сундуков, «наполненных газом, лентами и другой подобной дрянью» [Там же, с. 867]. Заметим, что сведения, приведенные послом, вызвали сомнения у автора комментариев к его корреспонденции, утверждавшего, что «государыня Мария Федоровна, напротив, и сама не любила тратиться на наряды, и не допускала к тому окружающих ее лиц» [Там же, с. 868].

Как бы то ни было, но после возвращения из заграничного путешествия поведение великого князя и великой княгини претерпело изменения. «Они ведут почти уединенный образ жизни, — свидетельствовал Гаррис, — исключили из своего общества всех своих прежних любимцев и, по-видимому, хотят впредь руководиться в своих поступках одной только волей императрицы» [Там же, с. 876]. Задаваясь вопросом, чем объяснялась подобная перемена в поведении велиокняжеской четы, дипломат высказывал предположение, что, во-первых, они нашли графа Панина «слишком ослабевшим», чтобы он мог поддержать их или дать совет; а, во-вторых, они убедились, что почти все лица, которые их сопровождали во время путешествия, «их выдали» [Там же]. Однако решающим стало известие о намерении императрицы устраниć великого князя от наследства, передав престол своему старшему внуку. Впрочем, продолжал Гаррис, какими бы причинами не были вызваны перемены, поведение велиокняжеской четы сделалось «благоразумным и основательным» [Там же]. Однако это не изменило отношения к супругам со стороны императрицы. Она «так сильно предубеждена против них, что их поведение нисколько не встречает с ее стороны того одобрения, которого бы заслуживало. Теперь она называет их сдержанными, молчаливыми и рассерженными, говорит, что их испортили заграничные связи и... они уже не могут вернуться к обычаям своей страны. Словом, — заключал Гаррис, — она заранее решила, что будет ими недовольна, а потому угодить ей уже невозможно» [10, с. 877].

Справедливости ради стоит отметить, что при всем сложном характере отношений Екатерины с сыном она не скучилась в расходах на его содержание и те прихоти, к которым великий князь был привязан. Как отмечал польский ученый К. Валишевский, Павел получал 175 тыс. руб. в год для себя и 75 тыс. руб. для своей жены, не считая денег, отпускаемых на его двор. Исследователь заключал, что с материальной стороны Павел «был обставлен очень прилично» [1, с. 23]. Тем не менее, великий князь постоянно нуждался в деньгах и, чтобы раздобыть их, прибегал даже к «таким постыдным средствам, как соглашение с поставщиками императрицы» [Там же]. Ученый объяснял это тем, что управляющий нагло обворовывал Павла, бедные родственники Марии Фёдоровны его обирали, и сам он разорялся на бесполезные постройки и тратил безумные деньги на свою дорогую и смешную игрушку – гатчинскую армию.

Итак, как мы могли убедиться, английские послы внимательно наблюдали за жизнью и деятельностью будущего наследника престола. Они изучали его характер, останавливались на взаимоотношениях с императрицей, давали оценки его поступкам. Особое внимание послы уделяли образованию, семейной жизни Павла Петровича, а также его окружению. И хотя их характеристики не всегда отличались объективностью, они позволяют существенно дополнить и расширить представления наших современников об императоре Павле I в бытность его великим князем.

Библиографический список / References

1. Валишевский К. Павел I. M., 2003. [Waliszewski K. Pavel I [Le Fils de la grande Catherine, Paul I]. Moscow, 2003.]
2. де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. M., 2002. [de Madariaga I.M. Rossiya v epohu Ekateriny Velikoy [Russia in the age of Catherine the Great]. Moscow, 2002.]
3. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XII: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено из английского государственного архива и архива Министерства Иностранных Дел. Ч. 1. СПб., 1873. [Diplomatic correspondence of English ambassadors and envoys at the Russian court. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. XII: Diplomatic correspondence of English ambassadors and envoys at the Russian court, from 1762 to 1769 inclusive. Reported from the English State Archive and the archive of the Ministry of Foreign Affairs. Part 1. St. Petersburg, 1873.]
4. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XIX: Дипломатическая переписка английских послов и посланников

при русском дворе, с 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено из английского государственного архива и архива Министерства Иностранных Дел. Ч. 2. СПб., 1876. [Diplomatic correspondence of English ambassadors and envoys at the Russian court. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. XIX: Diplomatic correspondence of English ambassadors and envoys at the Russian court, from 1762 to 1769 inclusive. Reported from the English State Archive and the Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Part 2. St. Petersburg, 1882.]

5. Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. [Labutina T.L. *Anglichane v dopetrovskoy Rossii* [The English in Russia since Peter the Great]. St. Petersburg, 2011.]
6. Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. [Labutina T.L. *Britantsy v Rossii v XVIII veke* [The British in Russia in the 18th century]. St. Petersburg, 2013.]
7. Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. [Labutina T.L. *Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie* [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. St. Petersburg, 2019.]
8. Лорд Мальмсбюри в России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. I. № 6. С. 1465–1512. [Lord Malmesbury in Russia during the reign of Catherine II. *Russkiy arhiv*. 1874. Vol. I. No. 6. Pp. 1465–1512. (In Russ.)]
9. Лорд Мальмсбюри в России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. I. № 7. С. 143–186. [Lord Malmesbury in Russia during the reign of Catherine II. *Russkiy arhiv*. 1874. Vol. I. No. 7. Pp. 143–186. (In Russ.)]
10. Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. II. № 11. С. 737–897. [Lord Malmesbury (Harris) in Russia during the reign of Catherine II. *Russkiy arhiv*. 1874. Vol. II. No. 11. Pp. 737–897. (In Russ.)]
11. Песков А.М. Павел I. М., 2000. [Peskov A.M. *Pavel I* [Paul I]. Moscow, 2000.]
12. Порошин С.А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь «Записок С.А. Порошина»). 1765 г. // Русский архив. 1869. Вып. 1. № 8. С. 349–440. [Poroshin S.A. One hundred and three days from the childhood of Emperor Paul I (Unreleased copybook “Notes of S.A. Poroshin”). 1765. *Russkiy arhiv*. Vol. I. No. 8. Pp. 349–440. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 20.02.2020, принята к публикации 08.05.2020
The article was received on 20.02.2020, accepted for publication 08.05.2020

Сведения об авторе / About the author

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор; старший научный сотрудник Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва

Tatyana L. Labutina – Dr. Hab. in History, main researcher at the Center “History of cross-culture communications of the West and East”, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

А.В. Зайцев

Костромской государственный университет,
156005 г. Кострома, Российская Федерация

Ю.Г. Буртин и его попытка выдвижения А.Т. Твардовского в депутаты Верховного Совета СССР (по архивным источникам)

В публикации использованы ранее неизвестные архивные документы из фондов Государственного архива новейшей истории Костромской области, связанные с историей исключения Ю.Г. Буртина из кандидатов в члены КПСС за несанкционированную властью попытку выдвижения кандидатуры А.Т. Твардовского кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР на выборах 16 марта 1958 г. После окончания Ленинградского государственного Буртин в августе 1954 г. по распределению уехал в г. Буй Костромской области, где в течение восьми лет преподавал русский язык и литературу в Школе рабочей молодежи. А в 1958 г. он предпринял самоотверженную попытку выдвижения А.Т. Твардовского в Верховный Совет СССР. Целью статьи является верификация существующей информации и введение в научный оборот новых архивных материалов, которые дополняют и расширяют наши представления о месте и роли «шестидесятников» (на примере Буртина) в контексте политической истории советского общества. Основными методами исследования являются системный метод, исторический подход, элементы методологии компаративного анализа и социокультурного подхода к исследованию жизни и деятельности одного из видных представителей российской интеллигенции второй половины XX в. Материалы статьи подтверждают наличие в советском обществе в среде интеллигенции опосредованного (латентного) сопротивления системе власти, методологии выдвижения кандидатов и проведения выборов в высшие эшелоны власти. Данное обстоятельство подтверждает объективно назревшую уже в постсталинском обществе необходимость глубокого реформирования избирательной системы, как и всей политической структуры страны.

Ключевые слова: Ю.Г. Буртин, А.Т. Твардовский, депутат, Верховный Совет СССР, выборы, кандидат в члены КПСС, партийное собрание, бюро горкома партии, Школа рабочей молодежи, город Буй Костромской области

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Зайцев А.В. Ю.Г. Буртин и его попытка выдвижения А.Т. Твардовского в депутаты Верховного Совета СССР (по архивным источникам) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 23–39. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-23-39

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-23-39

A.V. Zaitsev

Kostroma State University,
Moscow, 156005, Russian Federation

Yuri Burtin and his failed attempt to nominate A.T. Tvardovsky a deputy of the Supreme Soviet of the USSR (based on to archival sources)

The publication used previously unknown archival documents from the collections of the State Archive of the Latest History of Kostroma Region related to the history of the exclusion of Yuri Burtin from candidates for membership of the CPSU for an unauthorized government attempt to nominate A.T. Tvardovsky as a candidate for deputy of the Supreme Soviet of the USSR in the March 16, 1958 elections. After graduating from Leningrad State University, within the state program of job distribution in August 1954 Burtin was sent in the town of Bui, Kostroma Region, where he taught the Russian language and literature at the Working Youth School for eight years. And in 1958 he made a selfless attempt to nominate A.T. Tvardovsky to the Supreme Soviet of the USSR. The purpose of this article is to verify existing information and introduce into the scientific circulation new archival materials that complement and expand our understanding of the place and role of the "sixties" (on the example of Burtin) in the context of political history of Soviet society. The main research methods are the systemic method, the historical approach, elements of the comparative analysis methodology and sociocultural approach to the study of the life and work of one of the prominent representatives of the Russian

intelligentsia of the second half of the 20th century. The materials of the article confirm the presence in Soviet society among the intelligentsia of indirect (latent) resistance to the system of power, the methodology of nominating candidates and holding elections to the highest echelons of power. This confirms the need for deep reform of the electoral system, as well as the entire political structure of the country, which has already objectively matured in post-Stalin society.

Key words: Yuri Burtin, A.T. Tvardovsky, deputy, Supreme Soviet of the USSR, elections, candidate for member of the CPSU, party meeting, bureau of the city Party committee, School of the working youth, the town of Buy of Kostroma region

CITATION: Zaitsev A.V. Yuri Burtin and his failed attempt to nominate A.T. Tvardovsky a deputy of the Supreme Soviet of the USSR (based on to archival sources). *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 23–39. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-23-39

21 апреля 1958 г. в одной из рабочих тетрадей А.Т. Твардовского появилась следующая запись: «Эпизод с “попыткой выдвинуть (снизу!) т. Твардовского в депутаты Верховного Совета СССР” где-то в Костромской обл[асти]. Так как затейник был один раз уже исключен из партии за эти штуки и возобновил это дело по восстановлении, то его исключили вторично и уже накрепко. А он говорит Дементьеву, что не будет просить о восстановлении» [23, с. 174]. Без сомнения, что под «затейником» здесь подразумевался Ю.Г. Буртин, бывший студент-дипломник А.Г. Дементьева, работавшего одновременно заместителем редактора журнала «Новый мир» и в Ленинградском государственном университете (ЛГУ). Скорее всего, информация об этом инциденте Твардовским была получена именно от Дементьева.

По утверждению В. Оскоцкого, Твардовский был хорошо осведомлен от Дементьева о содержании студенческой дипломной работы Буртина, посвященной его поэме «Страна Муравия», и, «ознакомившись с ней... воспринял ее не как ученическое сочинение студента, безоглядно влюбленного в его поэзию, а серьезной пробой пера в самостоятельном исследовании» [14, с. 344]. По воспоминаниям Буртина, «однажды, в конце 1953 года» он неожиданно для себя получил от Дементьева формально адресованное руководителю дипломного проекта, но фактически предназначеннное для студента-дипломника «письмо Александра Трифоновича с важными замечаниями», которые его поразили еще и тем, что маститый литератор советовал ему в своей работе «учесть, что колхозы нужны были государству, крестьянин же, будь его воля, вполне мог без них обойтись» [2, с. 37].

Вместе с тем, как выяснилось, эпизод с исключением Буртина из кандидатов в члены КПСС в рабочих тетрадях Твардовским был изложен произвольно. Видимо, и сам Дементьев, сообщивший об этом Твардовскому, имел о данном вопросе весьма смутные и недостоверные представления.

Н. Биуль-Зедгинидзе, исследовательница литературной критики в журнале «Новый мир», 23 июля 1986 г. при личной встрече с Буртиным подтвердила недостоверность этой информации. По словам Буртина, Твардовский был «не совсем точен в изложении этого инцидента», поскольку «первая попытка его выдвижения стоила Ю. Буртина лишь выговора по партийной линии, после второй попытки, предпринятой вслед за первой в ходе той же избирательной кампании, Ю. Буртин был исключен из кандидатов в члены партии» [1, с. 409].

Еще менее достоверно выглядят иные версии, связанные с изгнанием Буртина из кандидатов в члены партии, в изложении ряда других авторов. К примеру, ярославский журналист С. Гвоздев утверждает, что Буртина из партии «первый раз исключили в 1957 г. за попытку выдвинуть любимого поэта в депутаты областного Совета, но потом простили по молодости и глупости и восстановили со строгим выговором» [8]. А в 1958 г. вторично «костромской учитель русского языка и литературы... воспользовался своим конституционным правом и сам, без спросу выдвинул» Твардовского, за что незамедлительно был исключен «из коммунистической партии» [Там же].

Не вполне достоверные сведения об изгнании Буртина из рядов правящей партии содержатся и в статье В. Огрызко, опубликованной в газете «Литературная Россия». Автор так излагает свою версию исключения из кандидатов в члены КПСС буйского учителя: «Когда в 1958 году в стране началась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР, Буртин решил выдвинуть своего любимого поэта в депутаты от Костромской области. Его инициативу поддержали почти все учителя Буя. Но поскольку Буртин свое предложение с партийными органами не согласовал... его поступок был расценен как грубое нарушение партийной дисциплины. За проявленную самодеятельность ему сначала объявили выговор, а потом и вовсе исключили из кандидатов в члены КПСС» [13].

Чуть более адекватно выглядит изложение этой же истории в «Некрологе», написанном по случаю смерти Буртина одним из его бывших коллег по «Новому миру», а впоследствии редактором журнала «Континент» И. Виноградовым. По его словам, Буртин «дважды попытался – вопреки всем партийным указаниям – выдвинуть его (Твардовского. – А.З.) на собрании избирателей в депутаты Верховного Совета

СССР, за что поплатился сначала выговором, а потом и исключением из партии, восстанавливаться в которой впоследствии уже не пожелал...» [4, с. 10].

В своих воспоминаниях, получивших название «Исповедь шестидесятника», Буртин более подробно останавливается на этом эпизоде своей биографии. «Весной 1958 года я получил сначала партийный выговор, а чуть позже был и вовсе исключен из кандидатов в члены КПСС за “ревизионизм”, выразившийся в дважды повторенной попытке самовольного, без команды свыше, выдвижения Твардовского кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Правда, дело тут было не в самом Твардовском: появление в избирательном бюллетене любого второго кандидата являлось подрывом основ “социалистической демократии”» [2, с. 48].

Такова эта довольно запутанная и противоречивая история, связанная с существованием большого количества разнящихся друг от друга вариантов изгнания Буртина то из членов партии, то из кандидатов в члены КПСС в изложении как его самого, так и ряда других авторов. Мы же, на основе архивных документов, уточним хронологию и действительный ход событий, воссоздав этот малоизвестный эпизод из истории советской интеллигенции конца 1950-х гг.

Ю.Г. Буртин, после получения филологического образования в ЛГУ, был действительно направлен в г. Буй Костромской области. Здесь он был назначен учителем русского языка и литературы 8–10 классов Школы рабочей молодежи (ШРМ) № 8 станции Буй Северной железной дороги с 15 августа 1954 г. приказом начальника отдела учебных заведений Северной железной дороги [17]. В этой должности он проработал чуть более восьми лет, по октябрь 1962 г., т.е. до момента поступления в аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького. А годом раньше буйскому педагогу из железнодорожной ШРМ предстоялся отпуск без содержания для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру с 1 по 22 сентября 1961 г. включительно [5].

Приведенные документы свидетельствуют, что Буртин учителяствовал не в «обычной» ШРМ, подведомственной Буйскому городскому отделу народного образования, а железнодорожному ведомству. Дело в том, что 26 апреля 1936 г. Центральный Исполнительный Комитет СССР и Совет Народных Комиссаров приняли совместное постановление о передаче в ведение Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) общеобразовательных (начальных, неполных средних, средних и вечерних) школ, предназначенных для обучения работников железнодорожного транспорта и их детей [15]. С этого момента в СССР руководство железнодорожными школами осуществлял специально для

этого образованный Отдел учебных заведений в составе НКПС (затем – Министерства путей сообщения) «с региональными отделами образования, соответствующими региональным железным дорогам» [12, с. 406]. Это обстоятельство предоставляло подобным учебным заведениям некоторую автономию от местной исполнительной власти, но оставляло партийные организации в подчинении территориальных органов КПСС. Таким образом, ШРМ, где работал Буртин, не подчинялась местным органам советской власти, но по партийной линии входила в состав Буйской городской организации КПСС.

2 февраля 1957 г. Буртин на общем собрании первичной партийной организации ШРМ № 8 был принят кандидатом в члены КПСС. Рекомендации для вступления в партию ему были даны завучами двух железнодорожных школ г. Буй. Первая – Притчиной, членом КПСС с 1923 г., заведующей учебной частью ШРМ № 8, вторая – А.Н. Случановской, членом КПСС с 1946 г., заведующей учебной частью средней (также железнодорожной) школы № 13. Третья рекомендация была выдана Буйским горкомом ВЛКСМ. А 27 марта решение первичной организации о приеме нового члена партии было подтверждено на заседании бюро Буйского городского комитета КПСС [18, л. 110].

В соответствии с п. 18 действовавшей на тот момент редакции Устава КПСС, в качестве испытания устанавливался кандидатский стаж сроком в год. По окончании этого срока партийная организация была обязана рассмотреть вопрос о соответствующем кандидате на собрании. Если кандидат не смог, по тем или иным причинам, проявить себя, то в случае, если причины такого положения дел признавались уважительными, было возможно продление срока кандидатства. В тех же случаях, когда выяснялось, что «по своим личным качествам кандидат партии не достоин быть принятим в члены партии», организация принимала «решение об исключении его из кандидатов партии» [26, с. 620]. При этом такие решения первичек (в том или же другом варианте) вступали силу только после их рассмотрения на заседаниях бюро соответствующих горкомов либо райкомов Коммунистической партии [Там же, с. 620–621].

1 февраля 1958 г. (т.е. всего лишь за день до истечения кандидатского срока), собрание первичной организации ШРМ № 8 приняло решение об исключении из кандидатов в члены КПСС Буртина Юрия Гиршовича (так в официальных партийных документах писалось отчество Юрия Григорьевича Буртина). Протокол самого партийного собрания не сохранился. Однако из архивных документов о заседании бюро Буйского горкома КПСС от 2 февраля того же года вырисовывается следующая картина произошедшего [6, л. 17].

22 января в ШРМ № 8, по месту работы Буртина, проходило заседание педагогического коллектива. На нем он и внес предложение выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР поэта А.Т. Твардовского. При этом, как зафиксировано в протоколе заседания бюро Буйского городского комитета КПСС, «на замечания директора школы, секретаря партийной организации и ряда коммунистов о том, что выдвижение еще не началось и что это противоречит “Положению о выборах в Верховный Совет СССР” и инструкции Центрального Комитета партии о соблюдении сроков предвыборной кампании, Буртин ответил грубо, обозвав коммунистов т.т. Бородину и Жолткович, пытавшихся разъяснить Буртина его неправильное поведение, трусами и подхалимами» [6, л. 17].

Получив отказ в поддержке своей инициативы, Буртин не успокоился и 25 января «...в обход партийной, профсоюзной организации и дирекции школы пытался собрать собрание коллектива школы и провести выдвижение поэта Твардовского кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР» [Там же].

Вот после этого и состоялось собрание партийной организации ШРМ, где было принято следующее постановление: «За непартийное поведение, выразившееся в игнорировании партийной организации и оскорблении членов партии, исключить тов. Буртина из кандидатов партии» [Там же].

Однако бюро Буйского горкома КПСС от 2 февраля 1958 г. (официально включенное в протокол заседания бюро городского комитета КПСС от 21 февраля 1958 г.) с решением первичной организации не согласилось и вынесло следующее постановление, состоящее из двух пунктов:

«1. Учитывая недостаточную политическую зрелость тов. Буртина, решение общего собрания партийной организации школы рабочей молодежи № 8 от 1-го февраля 1958 года об исключении т. Буртина Юрия Гиршовича из кандидатов в члены КПСС отменить.

2. Разъяснить тов. Буртину его неправильное поведение при выдвижении кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР» [20, л. 84].

Таким образом, Буртин за свою первую несанкционированную властью попытку выдвижения Твардовского кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР не только не был исключен из кандидатов в члены КПСС, но и вообще не понес никакого партийного взыскания, в т.ч. не получил пресловутого выговора, о котором пишет целый ряд авторов. Если, конечно, не считать фрагмента из постановления бюро Буйского горкома КССР о его «недостаточной политической зрелости». Но конфликтная ситуация с выдвижением Твардовского в депутаты

на этом не завершилась, а вышла на новый виток, продолжала развиваться, как со стороны партийных органов, так и со стороны инициатора этой неожиданной акции.

18 февраля 1958 г. к обсуждению вопроса, связанного с несанкционированной властью попыткой выдвижения кандидата в депутаты Верховного Совета СССР в буйской ШРМ № 8, подключается уже бюро Костромского областного комитета КПСС, которое вынесло на обсуждение вопрос «О серьезных недостатках в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР в Буйской городской партийной организации» [19, л. 199–201].

В констатирующей части принятого постановления, наряду с массой общих слов («слабо разъясняется внешняя и внутренняя политика», «агитационно-пропагандистская работа недостаточно связана с жизнью», «не обновлена наглядная агитация», «мало проводится на агитпунктах массовых мероприятий для избирателей» и других традиционных штампов и лозунгов, характерных для советского агитпропа [Там же, л. 199]), была и конкретика, значимая для нашего исследования. «Вследствие неудовлетворительного руководства подготовкой к выборам со стороны горкома КПСС стал возможным такой факт, когда в вечерней средней школе рабочей молодежи № 8 города Буя... был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР поэт Твардовский¹. Все эти серьезные недостатки в подготовке к выборам объясняются тем, что Буйский горком КПСС с большим опозданием начал проводить эту работу...

Секретари горкома КПСС т.т. Торгованов и Строганов нарушили принцип коллективного руководства, дав согласие на проведение в школе рабочей молодежи № 8 собрания по поддержанию кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР без обсуждения этого вопроса в бюро горкома КПСС» [Там же, л. 200–201].

Резолютивная часть постановления бюро обкома КПСС, состоящая всего лишь из четырех пунктов, по своей стилистике и фактологии мало чем отличается от его констатирующей части: «Обратить внимание бюро Буйского горкома КПСС на неудовлетворительное руководство подготовкой к выборам» (п. 1); «предложить горкому КПСС повысить идеино-политический уровень организационно-пропагандистской работы, организовать... обеспечить... улучшить... полнее использовать... больше внимания уделять...» (п. 2); «обязать Буйский горком КПСС развернуть широкую агитацию за избрание в депутаты Верховного Сове-

¹ Отметим, что в постановлении бюро Костромского обкома КПСС о попытке выдвижения опального (в то время) поэта и журналиста говорится как о свершившемся факте.

та... тщательно готовить митинги и собрания для встреч кандидатов в депутаты с избирателями...» (п. 3) [19, л. 201]. И, наконец, финальный пункт постановления: «4. Принять к сведению заявление секретаря горкома КПСС т. Торгованова, что бюро горкома КПСС обсудило факт неорганизованного проведения собрания в школе рабочей молодежи № 8, исправило допущенные ошибки и наказало лиц, виновных в этом деле» [Там же].

Через три дня после заседания бюро Костромского областного комитета КПСС, т.е. 21 февраля 1958 г., созывается заседание бюро Буйского горкома КПСС, где рассматривается по сути дела аналогичный вопрос: «О серьезных недостатках в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР в Буйской городской партийной организации» [16, л. 102–103]. В первом пункте постановления бюро Буйского ГК КПСС принимает постановление вышестоящего партийного органа «к неуклонному руководству и исполнению» [Там же, л. 102]. Во втором планируется проведение совещания секретарей партийных организаций, где должно пройти их ознакомление с постановлением бюро обкома КПСС и обсуждение хода подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. В третьем пункте говорится о проведении в течение пятидневного (!) срока партийных собраний или заседаний партбюро с обсуждением все той же пресловутой подготовки к выборам в ВС СССР и организации работы агитколлективов. И, наконец, принимается решение об отчете на очередном заседании бюро Буйского ГК КПСС зав. отделом агитации и пропаганды тов. Касаткина [Там же, л. 103].

После этого в первичных партийных организациях г. Буй действительно были проведены партийные собрания и заседания парткомов по предложенной повестке дня. Однако проведены они были формально, без понимания сути вопроса. К примеру, 23 февраля 1958 г. в первичной организации ШРМ № 8 прошло партийное собрание с повесткой дня о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР, на котором присутствовали 6 членов партии. В принятом по итогам обсуждения постановлении критика со стороны бюро горкома КПСС признается справедливой, в т.ч. и то, что агитаторы еще ни одного раза «не вышли на свои избирательные участки, не познакомили своих избирателей с биографиями т. Милевского и т. Косыгина» [21, л. 2–3].

Тем не менее, по итогам отчета на очередном заседании бюро Буйского ГК КПСС заведующего отделом агитации и пропаганды было констатировано «улучшение политической работы среди избирателей при подготовке к выборам в Верховный Совет СССР», хотя и «при наличии серьезных недостатков» [22, л. 123].

Однако, как выяснилось, Буртин не отказался от своих намерений, а продолжил несанкционированное партийными органами продвижение кандидатуры Твардовского, находившегося в то время в политической опале. Настырный учитель из буйской ШРМ повторил уже осужденное в партийных органах выдвижение своего любимого поэта, но на сей раз не в среде своих коллег, а учащихся школы: машинистов локомотивов, их помощников, путеукладчиков, ремонтников и других работников железнодорожной станции Буй.

В результате этих действий 2 апреля 1958 г. на собрании первичной организации ШРМ № 8 было повторно рассмотрено его персональное дело, по итогам чего вновь было принято решение об исключении Буртина из числа кандидатов в члены КПСС. На этот раз со следующей формулировкой: «Исключить... в связи с тем, что кандидатский стаж у него истек и что он проводил антипартийную линию в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР» [22, л. 122]. Здесь стоит обратить внимание, что к моменту проведения этого партсобрания выдвижение кандидатов в депутаты, их регистрация и агитация за них уже были завершены, да и сами выборы в Верховный Совет СССР прошли еще 16 марта 1958 г.

Еще более любопытно то, что бюро Буйского горкома КПСС рассмотрело вопрос об исключении Буртина из кандидатов в члены КПСС спустя почти два месяца после принятия решения первичной партийной организацией: 26 июня 1958 г. И вновь первым пунктом постановления бюро Буйского горкома КПСС отменило решение первичной организации КПСС ШРМ № 8. Но не по причине несогласия с фактом исключения, а потому что мотивировка причины, сформулированная первичной организацией, противоречила Уставу партии.

Поэтому во втором пункте постановления бюро Буйского горкома КПСС было зафиксировано следующее: «В связи с тем, что кандидатский срок у тов. Буртина истек, и что он по своим личным качествам не достоин быть принят в члены партии, исключить тов. Буртина Юрия Гиршовича из кандидатов в члены КПСС» [7, л. 39].

Отметим наиболее существенные противоречия и неточности в произвольном изложении истории исключения Буртина из кандидатов в члены КПСС, высказанные им самим, Твардовским, а также рядом других авторов.

Во-первых, официальное решение об исключении Буртина из кандидатов в члены партии было принято на заседании бюро Буйского горкома КПСС лишь 26 июня 1958 г. А Твардовский уже 21 апреля этого же года фиксирует «исключение “затейника”», т.е. Буртина, как свершившийся факт. Причем не из кандидатов в члены КПСС, а из членов

КПСС. Да еще и повторное. Хотя первое решение, принятое первичной парторганизацией, было отменено бюро горкома КПСС, а потому легитимной силы (говоря современным языком), так и не обрело.

Впрочем, и повторное исключение парторганизацией 2 апреля 1958 г., в соответствии с Уставом КПСС, вступало в силу лишь после утверждения его на бюро горкома КПСС, которое, как было сказано выше, так же, как и первое решение, было отменено. Хотя исключение из кандидатов в члены КПСС, пусть и с иной формулировкой, чем у первичной партийной организации, все-таки состоялось. И оспаривать данное решение смысла не имело.

Во-вторых, Буртин пишет, что он будто бы был исключен за «ревизионизм». Однако ничего подобного – как это было показано выше – не содержится ни в двух различных формулировках первичной парторганизации об его исключении из кандидатов в члены КПСС, ни во втором постановлении бюро Буйского ГК КПСС. Из кандидатов в члены партии Буртин официально исключался лишь единожды по причине несоответствия его личных качеств членству в КПСС, а также в связи с истечением срока его кандидатского стажа.

В-третьих, никакого выговора Буртину, вопреки утверждению его самого, а также других авторов, не выносилось. Ни первичной парторганизацией, ни бюро горкома КПСС. Тем более, что уставом КПСС такое взыскание по отношению к кандидатам в члены партии вообще не было предусмотрено.

В-четвертых, утверждение Буртина о том, что «**чуть позже**» (выделено нами. – А.З.) получения выговора он «был и вовсе исключен из кандидатов в члены КПСС», также вызывает, по крайней мере, недоумение. Между первым рассмотрением вопроса о его несостоявшемся исключении на бюро горкома (2 февраля 1958 г.) и реальным исключением из кандидатов члены партии на повторном заседании бюро (26 июня 1958 г.) прошло более четырех с половиной месяцев. Кстати, и на первом, и на втором заседании бюро Буйского горкома КПСС, как это официально зафиксировано в протоколах, Буртин присутствовал лично.

В-пятых, фраза Буртина о том, что «появление в избирательном бюллетене любого второго кандидата являлось подрывом основ “социалистической демократии”», также не соответствует действительности. Дело в том, что Конституция СССР и Положение о выборах в Верховный Совет СССР «не исключали проведения выборов на альтернативной основе. Правящая партия полностью контролировала все общественные организации. На собраниях рядовых граждан теоретически могли выдвигаться кандидаты, не получившие соответствующего предварительного одобрения со стороны партийных органов» [9, с. 45; 10].

«Советское избирательное законодательство не ограничивает число кандидатов в депутаты, выдвигаемых по избирательным округам. Однако в условиях советского строя, в котором нет антагонистических классов, не может быть и конкурирующих кандидатов, как нет у избирателей и противоположных интересов. Поэтому коммунисты и беспартийные выдвигают общего кандидата и в избирательный бюллетень по решению самих трудящихся включается один общий кандидат» [11, с. 59]. К этому следует добавить и слова «главного коммуниста» страны Н.С. Хрущёва, произнесенные им в сентябре 1958 г.: «Коллективы трудящихся выдвигают различных кандидатов, причем **число их не ограничено** (выделено нами. – А.З.). Каждый коллектив агитирует за своего кандидата. Затем собираются избранные демократическим способом доверенные лица коллективов трудящихся и путем голосования решают, какой наиболее достойный кандидат должен быть оставлен в списке на голосование. За него и голосуют избиратели» [25, с. 97].

Таким образом, формально появление в избирательном бюллетене более чем одного избирателя теоретически было возможно, хотя на практике и маловероятно. КПСС жестко контролировала ситуацию и просто не могла в силу мощного административного ресурса, которым она обладала, допустить появления в избирательных бюллетенях второго кандидата и проведения выборов на альтернативной основе. Заложником этой ситуации стал Бургин, решившийся пойти вопреки воле правящей партии и в условиях несвободных безальтернативных выборов провести конкурентную избирательную кампанию в масштабах одного из небольших избирательных округов СССР. И хотя эта идеалистически-романтическая попытка закончилась неудачей, но она более чем очевидно выразила латентно вызревавший тренд на реформирование избирательной системы, сформировавшейся еще в эпоху позднего сталинизма. Однако Хрущёв с его половинчатыми и противоречивыми реформами в политической сфере на это не пошел и сохранил сталинскую избирательную систему в прежнем виде: когда партия решает все, а люди выступают в роли послушных марионеток. Бургин попытался восстать против этой системы, за что и поплатился отлучением от КПСС.

Что касается Твардовского, то в июне 1958 г. (почти день в день с исключением Буртина из кандидатов в члены КПСС) он был возвращен из политической «опалы» и повторно назначен главным редактором «Нового мира». Буквально через два месяца после вторичного прихода Твардовского в «Новый мир», в сентябре 1958 г., Бургин написал ему письмо, в котором предлагал отрецензировать первую часть романа Ф.А. Абрамова «Братья и сёстры» и, тем самым, поддержать

«так жестоко побитого», по словам Буртина, автора знаменитой статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» [3, с. 249]. В этой статье, по выражению Буртина, впервые говорилось: «...хватит врать, хватит рисовать потёмкинские деревни и молочные реки в кисельных берегах, тогда как деревня бедствует страшным образом» [Там же]. Ответ, по словам Буртина, пришел мгновенно – на третий или четвертый день – с предложением написать отзыв [2, с. 113–114; 24, с. 140]. В итоге, рецензия на роман Абрамова появилась в четвертом выпуске «Нового мира» за 1959 г. [3, с. 248–251] и послужила началом постоянного сотрудничества Буртина в журнале, где за 1959–1970 гг. он опубликовал как в разделе литературной критики, так и в разделе публицистики четырнадцать своих работ.

Примерно в то же время, когда в «Новом мире» появилась первая публикация Буртина, Твардовский 1 марта 1959 г. был все-таки избран депутатом. Но не Верховного Совета СССР, а Верховного Совета РСФСР. И не от Костромской, а от соседней Ярославской области.

Всего же за «костромской период» своей творческой биографии, продолжавшейся в течение восьми лет (1954–1962 гг.), Ю.Г. Буртин опубликовал в центральных журналах 8 литературно-критических статей, в т.ч. две в «Новом мире» А.Т. Твардовского. Кроме того, в шестом номере журнала «Вопросы литературы» за 1960 г. им была напечатана обширная литературоведческая статья под названием «Из наблюдений за стихом А. Твардовского».

К этому следует добавить, что в 1967 г. Буртина пригласили на работу в журнал «Новый мир» редактором отдела публицистики, где он проработал вплоть до повторного разгрома редакции этого издания в 1970 г. и последовавшей вслед за этим смерти Твардовского [1, с. 113–157]. Таков этот, подтвержденный объективными фактами, ранее недостаточно изученный фрагмент из истории деятельности отечественной интеллигенции времен хрущевской «оттепели».

Библиографический список

1. Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» (1958–1970). М., 1996. [Biul-Zedginidze N. Literaturnaya kritika zhurnala «Novyj mir» (1958–1970) [Literary criticism of the magazine “New world” (1958–1970)]. Moscow, 1996.]
2. Буртин Ю.Г. Исповедь шестидесятника / Под ред. В.Г. Хороса. М., 2003. [Burtin Yu.G. Ispoved shestidesyatnika [Confession of the sixties]. V.G. Khoros (ed.). Moscow, 2003.]
3. Буртин Ю.Г. О наших братьях и сестрах [Рец. на кн.: Абрамов Ф. Братья и сестры: Роман] // Новый мир. 1959. № 4. С. 248–251. [Burtin Yu.G. About our brothers and sisters. Novyj mir. 1959. No. 4. Pp. 248–251. (In Russ.)]

4. Виноградов И. Памяти Юрия Буртина // Литературная газета. 2000. № 43. 25–31 октября. С. 10. [Vinogradov I. In memory of Yuri Burtin. *Literaturnaya gazeta*. 2000. No. 43. October 25–31. Pp. 10]
5. Выписка из приказа директора школы рабочей молодежи № 8 на ст. Буй Северной железной дороги № 112 от 1 сентября 1961 г. «О предоставлении отпуска без содержания для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру Буртина Ю.Г.» // Объединенный архив (г. Буй) отдела архивов службы управления делами Северной железной дороги. Ф. 36 (Школа рабочей молодежи № 8 на станции Буй Северной железной дороги). Оп. 1. Д. 3. [Vypiska iz prikaza direktora shkoly rabochej molodezhi № 8 na st. Bui Severnoj zheleznoj dorogi № 112 ot 1 sentyabrya 1961 g. «O predostavlenii otпуска bez soderzhaniya dlya sdachi vступitelnyh ekzamenov v aspiranturu Burtinu Yu.G.»] [Extract from the order of the director of the school of working youth No. 8 at St. Bui of the Northern Railway No. 112 of September 1, 1961 “On granting leave without content for passing entrance exams to graduate school of Burtin Yu.G.”]. Joint Archive (Bui) of the Archives Department of the Northern Railway Administration. F. 36 (School of working youth No. 8 at the Bui station of the Northern Railway). Inventory 1. Case 3.]
6. Выписка из протокола бюро Буйского горкома КПСС от 2 февраля 1958 года // Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 1019 (Протоколы заседаний бюро Буйского горкома КПСС). Оп. 1. Д. 263. Л. 17. [Vypiska iz protokola byuro Bujskogo gorkoma KPSS ot 2 fevralya 1958 goda] [Extract from the protocol of the bureau of the Buisk city committee of the CPSU of February 2, 1958]. State Archive of the Recent History of the Kostroma Region. F. 1019 (Minutes of meetings of the bureau of the Buisk city committee of the CPSU). Op. 1. D. 263. Sheet 17.]
7. Выписка из протокола № 14 заседания бюро Буйского горкома КПСС от 26 июня 1958 года // Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 263. Л. 39. [Vypiska iz protokola № 14 zasedaniya byuro Bujskogo gorkoma KPSS ot 26 iyunya 1958 goda] [Extract from protocol No. 14 of a meeting of the Bureau of the Buisk City Committee of the CPSU of June 26, 1958]. State Archive of the Recent History of the Kostroma Region. F. 1019. Inventory 1. Case 263. Sheet 39.]
8. Гвоздев С. Как поэт Твардовский ярославским депутатом был // Аргументы и факты. 2012. № 7. Аргументы и Факты – Ярославль. 15.02.2012. [Gvozdev S. As a poet Tvardovsky was a Yaroslavl deputy. *Argumenty i Fakty*. 2012. No. 7. Argumenty i Fakty – Yaroslavl. 15.02.2012. (In Russ.)].
9. Журавлев В., Фортунатов В. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. 2014. № 1. С. 39–49. [Zhuravlev V., Fortunatov V. Electoral system and elections in the RSFSR in 1937–1987. *Zhurnal o vyborah*. 2014. No. 1. Pp. 39–49. (In Russ.)]
10. Журавлев В., Фортунатов В. Избирательное законодательство и выборы в 1937–1987 годах // Сайт Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <http://www.rcoit.ru/lib/history/1918-1990/17084/> (дата обращения: 23.01.2020). [Zhuravlev V., Fortunatov V. Electoral legislation and elections in 1937–1987. Website of the Russian Center for Training in Electoral Technologies at the Central Election Commission of the Russian Federation. URL: <http://www.rcoit.ru/lib/history/1918-1990/17084/> (In Russ.)]

11. Ким А. Советская избирательная система. М., 1962. [Kim A. Sovetskaya izbiratel'naya sistema [Soviet Electoral System]. Moscow, 1962.]
12. Маслинский К. Учитель железнодорожной школы (к типологии советских педагогических сообществ) // Антропологический форум. 2016. № 16. С. 403–419. [Maslinsky K. Teacher of the railway school (on the typology of Soviet pedagogical communities). *Antropologicheskij forum*. 2016. No. 16. Pp. 403–419. (In Russ.)]
13. Огрызко В. Народолюбец эпохи Твардовского // Литературная Россия. 2012. № 7. 17 февраля. [Ogryzko V. People-lover of the Twardowski era. *Literaturnaya Rossiya*. 2012. No. 7. February 17. (In Russ.)]
14. Оскоткий В. «Реальная критика» новомирского шестидесятника. (О литературно-критическом и публицистическом наследии Юрия Буртина) // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 342–351. [Oskotsky V. “Real criticism” of the New World sixties. (On the literary-critical and journalistic heritage of Yuri Burtin). *Voprosy literatury*. 2005. No. 1. Pp. 342–351.]
15. Постановление ЦИК и СНК СССР от 26 апреля 1936 г. № 54/754 «О передаче в ведение Народного Комиссариата Путей Сообщения начальных, неполных средних и средних школ, обслуживающих детей железнодорожников» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. Постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. URL: <http://istmat.info/node/44902> (дата обращения: 23.01.2020). [Decree of the CEC and the Council of People's Commissars of the USSR of April 26, 1936 No. 54/754 “On the transfer to the jurisdiction of the People's Commissariat of Ways of Communication of primary, incomplete secondary and secondary schools serving children of railway workers”. *Postanovleniya Centrpl'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnyh Komissarov*. URL: <http://istmat.info/node/44902>].
16. Постановление бюро Буйского горкома КПСС от 21 февраля 1958 г. «О серьезных недостатках в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР в Буйской городской партийной организации» // Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 252. Л. 103. [Postanovlenie byuro Bujskogo gorkoma KPSS ot 21 fevralya 1958 g. «O sereznyh nedostatkakh v podgotovke k vyboram v Verhovnyj Sovet SSSR v Bujskoj gorodskoj partijnoj organizacii»] [Resolution of the Bureau of the Buisky City Committee of the CPSU of February 21, 1958 “On serious shortcomings in preparation for the elections to the Supreme Soviet of the USSR in the Buisky City Party Organization”]. State Archive of the Recent History of the Kostroma Region. F. 1019. Inventory 1. Case 252. Sheet 103.]
17. Приказ начальника отдела учебных заведений Северной железной дороги от 21 августа 1954 г. № 722 «О назначении Ю.Г. Буртина учителем русского языка и литературы 8–10 классов Школы рабочей молодежи № 8 ст. Буй Северной железной дороги» // Объединенный архив (г. Буй) отдела архивов службы управления делами Северной железной дороги. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. [Prikaz nachalnika otdela uchebnyh zavedenij Severnoj zheleznoj dorogi ot 21 avgusta 1954 g. № 722 «O naznachenii Yu.G. Burtina uchitelem russkogo yazyka i literatury 8–10 klassov Shkoly rabochej molodezhi № 8 st. Buj Severnoj zheleznoj dorogi»] [Order of the head of the Department of Educational Institutions of the Northern Railway of August 21, 1954

- No. 722 "On the appointment of Yu.G. Burtina, a teacher of Russian language and literature, grades 8–10 of the School of Working Youth No. 8 of Buy of the Northern Railway". Joint Archive (Buoy) of the Archives Division of the Northern Railway Administration. F. 36. Inventory 1. Case 2.]
18. Протокол заседания бюро Буйского горкома КПСС от 28 марта 1957 г. // Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 232. Л. 110–111. [Protokol zasedaniya byuro Bujskogo gorkoma KPSS ot 28 marta 1957 g. [The protocol of the meeting of the Bureau of the Buy city committee of the CPSU of March 28, 1957]. State Archive of the Recent History of the Kostroma Region. F. 1019. Inventory 1. Case 232. Sheets 110–111.]
19. Протокол заседания бюро Костромского областного комитета КПСС от 18 февраля 1958 г. «О серьезных недостатках в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР в Буйской городской партийной организации» // Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 765 (Протоколы заседаний бюро Костромского областного комитета КПСС). Оп. 7. Д. 7. Л. 199–201. [Protokol zasedaniya byuro Kostromskogo oblastnogo komiteta KPSS ot 18 fevralya 1958 g. «O sereznyh nedostakah v podgotovke k vyboram v Verhovnyj Sovet SSSR v Bujskoj gorodskoj partijnoj organizacii» [Protocol of a meeting of the bureau of the Kostroma Regional Committee of the CPSU of February 18, 1958 "On serious shortcomings in preparation for the elections to the Supreme Soviet of the USSR in the Buy city party organization"]. State Archive of the Recent History of the Kostroma Region. F. 765 (Minutes of meetings of the Bureau of the Kostroma Regional Committee of the CPSU). Inventory 7. Case 7. Sheets 199–201.]
20. Протокол заседания бюро Буйского горкома КПСС от 21 февраля 1958 г. // Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 252. Л. 83–84. [Protokol zasedaniya byuro Bujskogo gorkoma KPSS ot 21 fevralya 1958 goda [The protocol of the meeting of the Bureau of the Buy City Committee of the CPSU of February 21, 1958]. State Archive of the Recent History of the Kostroma Region. F. 1019. Inventory 1. Case 252. Sheets 83–84.]
21. Протокол № 3 открытого партийного собрания партийной организации средней школы рабочей молодежи от 26 февраля 1958 г. // Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 3068 (Первичная партийная организация городской школы рабочей молодежи. Протоколы партийных собраний). Оп. 1. Св. 1. Д. 1. Л. 2–3. [Protokol № 3 otkrytogo partijnogo sobraniya partijnoj organizacii srednej shkoly rabochej molodezhi ot 26 fevralya 1958 goda [Minutes No. 3 of the open party meeting of the party organization of the Secondary School for Working Youth of February 26, 1958]. State Archive of the Recent History of the Kostroma Region. F. 3068 (The primary party organization of the City School of Working Youth. Minutes of party meetings). Inventory 1. Certificate 1. Case 1. Sheets 2–3.]
22. Протоколы № 3–8 заседаний бюро Буйского горкома КПСС // Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 252. Л. 122–123. [Protokoly № 3–8 zasedanij byuro Bujskogo gorkoma KPSS [Minutes No. 3–8 of the Bureau of the Buy City Committee of the CPSU]. State Archive of the Recent History of the Kostroma Region. F. 1019. Inventory 1. Case 252. Sheets 122–123.]

23. Твардовский А.Т. Из рабочих тетрадей (1953–1960) / Публ. и примеч. М.И. Твардовской // Знамя. 1989. № 8. С. 122–181. [Twardowski A.T. From workbooks (1953–1960). Publ. and note M.I. Twardowskaya. *Znamya*. 1989. No. 8. Pp. 122–181. (In Russ.)]
24. Твардовский А.Т. Письма о литературе (1939–1970). М., 1985. [Twardowski A.T. Pisma o literature (1939–1970) [Letters on literature (1939–1970)]. Moscow, 1985.]
25. Хрущев Н.С. «Жить в мире и дружбе!» Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в США 15–17 сентября 1959 г. М., 1959. [Khrushchev N.S. «Zhit v mire i druzhbe!» Prebyvanie Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR N.S. Hrushcheva v SShA 15–17 sentyabrya 1959 g. [“Live in peace and friendship!” Stay of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR N.S. Khrushchev in the United States September 15–17, 1959]. Moscow, 1959.]
26. XIX съезд КПСС (5–14 октября 1952 г.). Документы и материалы. Устав Коммунистической партии Советского Союза. URL: http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 23.01.2020). [XIX s'ezd KPSS (5–14 oktyabrya 1952 g.). Dokumenty i materialy. Ustav Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [XIX Congress of the CPSU (October 5–14, 1952). Documents and materials. The Charter of the Communist Party of the Soviet Union]. URL: http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf].

Статья поступила в редакцию 06.02.2020, принята к публикации 26.03.2020

The article was received on 06.02.2020, accepted for publication 26.03.2020

Сведения об авторе / About the author

Зайцев Александр Владимирович – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, директор Межрегионального научно-просветительского центра имени И.А. Дедкова, Костромской государственный университет

Alexander V. Zaitsev – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Director of the Interregional Scientific and Educational Center named after I.A. Dedkov, Kostroma State University

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Всеобщая история

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-40-56

В.С. Калмыков

Московский педагогический государственный университет,
119991, г. Москва, Российская Федерация

Тактика римского легиона против эллинистических армий: превосходство римлян или ошибки эллинистических полководцев?

В статье рассматриваются сражения римской армии против армий эллинистических государств. Даётся анализ тактики римской и эллинистических армий. В качестве примеров выбраны сражения при Гераклее с армией царя Пирра, а также сражения при Баграде под командованием спартанца Ксантиппа против армии Карфагена. Отдельно рассматриваются сражения римлян с македонцами в период Второй Македонской войны. Определяются причины побед и поражений римской и эллинистической армий. Сделан вывод о том, что Римская республика побеждала благодаря своему упорству, большим человеческим ресурсам и умелой дипломатии. Эллинистические полководцы прекрасно знали римскую тактику и ее особенности, но не до конца поняли суть римского общества и государства. Это было их главной ошибкой.

Ключевые слова: битва при Баграде, битва при Гераклее, битва при Киноскефалах, Пирр Эпирский, Римская республика, Филипп V Македонский, эллинизм, Эпир

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Калмыков В.С. Тактика римского легиона против эллинистических армий: превосходство римлян или ошибки эллинистических полководцев? // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 40–56. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-40-56

V.S. Kalmykov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Tactics of the Roman legion against the Hellenistic armies: The superiority of the Romans or the mistakes of the Hellenistic commanders?

The article discusses the battles of the Roman army against the armies of the Hellenistic states. The analysis of the tactics of the Roman and Hellenistic armies is given. The battles at Heracles with the army of King Pyrrhus, as well as the battles at Bagrad under the command of the Spartan Xanthippus against the army of Carthage are presented as examples. Special attention is given to the battles of the Romans with the Macedonians during the Second Macedonian War. The reasons for the victories and defeats of the Roman and Hellenistic armies are determined. It is concluded that the Roman Republic won thanks to its perseverance, great human resources, and skillful diplomacy. The Hellenistic generals knew Roman tactics and their features very well but did not fully understand the essence of Roman society and the state. That was their major mistake.

Key words: battle of Bagrad, battle of Heracles, battle of Kinoskofaly, Pyrrhus of Epirus, Roman Republic, Philip V of Macedon, Hellenism, Epirus

CITATION: Kalmykov V.S. Tactics of the Roman legion against the Hellenistic armies: The superiority of the Romans or the mistakes of the Hellenistic commanders? *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 40–56. (In Russ.)
DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-40-56

Когда римляне начали завоевание Восточного Средиземноморья, их армия столкнулась с эллинистической военной системой, созданной Александром Македонским и его наследниками. Римские легионы и их тактика на поле боя оказалась более совершенной, чем тактика эллинистических армий, и это принесло римлянам победу. Однако при детальном исследовании ряда сражений данное утверждение не является бесспорным. Следует отметить, что впервые римская армия

и эллинистическая военная система столкнулись во время похода царя Пирра в Италию. Чтобы понять сильные и слабые стороны римской и эллинистической военных систем, следует рассмотреть ряд сражений, которые помогут определить причины побед и поражений римлян. Начать надо с похода царя Пирра в Италию, когда римский легион и македонская фаланга впервые встретились в бою. Причины этого похода рассмотрены в отдельной статье [7], а в данной работе нас интересует армия Пирра, ее тактика и состав.

Какова же была численность армии Пирра, с которой он начал поход в Италию? Плутарх пишет, что царь Эпира «погрузил на прибывшие из Тарента грузовые суда двадцать слонов, три тысячи всадников, двадцать тысяч пехотинцев, две тысячи лучников и пятьсот пращников» [12, с. 443]. Современный исследователь А.В. Банников, считает, что изначально в армии Пирра было 60 боевых слонов, но «в Италию отправились около 20 слонов, поскольку часть животных были старыми и небоеспособными» [2, с. 187]. Наличие боевых слонов было главным козырем Пирра, они были своего рода «чудо-оружием» того времени. Р.В. Светлов дает несколько другие цифры по численности эпирской армии. Он пишет, что в Италию отправились 20 тыс. тяжелой пехоты и пельтастов (средней пехоты), 2500 легковооруженных пехотинцев и 3 тыс. всадников, а также 20 боевых слонов [14, с. 191]. Получается, что общая численность армии Пирра составила 25 500 воинов. Для данной эпохи – это компактная армия, но царь Эпира надеялся на воинские контингенты итальянских племен и Тарента. Весной 280 г. до н.э. транспортный и военный флот Пирра вышел в море. Поход в Италию начался. Что касается тактических приемов, которые применял Пирр и его офицеры, то, как пишет английский историк Дж. Петриковски, «в это время фаланга оставалась своего рода пассивно-агрессивным центром войска, конница находилась на крыльях, чтобы броситься в молниеносную атаку, на слабое место в порядках противника» [11, с. 113].

Теперь рассмотрим состояние римской армии, которая противостояла Пирру. Следует отметить, что армия Рима того времени еще не достигла вершины своего развития и находилась в процессе становления. Основной боевой единицей римской армии был легион. Он состоял из 300 всадников, 3 тыс. солдат тяжелой пехоты и 1200 солдат легкой пехоты. Легион насчитывал 30 тактических единиц (манипулов), которые строились в три ряда в шахматном порядке. Таким образом, строй легиона представлял собой шахматную доску [3, с. 28]. Данный боевой порядок был достаточно гибким и позволял манипулам маневрировать на пересеченной местности, а также наращивать силу удара. Как отмечает Петриковски, «главное новшество легионов заключалось в том, что

небольшие группы воинов, из которых состояла боевая линия, могли передвигаться независимо друг от друга» [11, с. 176]. Но, пожалуй, самым важным был тот факт, что во время военной кампании каждый легион римлян поддерживал контингент латинских или итальянских союзников Рима. Английский историк А. Голдсурти пишет: численность пехоты союзников равнялась численности легионной пехоты, а численность конницы превышала легионную в два раза [3, с. 28]. В итоге получается, что к 4200 пехотинцам римского легиона следует прибавить 4200 пехоты союзников, а также 600 всадников. Всего, вместе с союзными контингентами, численность одного легиона могла достигать 10 тыс. воинов. Как правило, консульская армия состояла из двух легионов, с учетом сил союзников – это 20 тыс. воинов. По нормам того времени, римляне выставляли значительные силы, имея в запасе еще армию второго консула. Фактически, римские легионы были своего рода стержнем, вокруг которого выстраивались союзные отряды пехоты и конницы.

При консule Марке Фурии Камилле солдатам стали выплачивать денежное содержание во время боевых действий. Это позволило проводить военные кампании в зимний период [10, с. 11]. Однако, как считает Голдсурти, римскую армию нельзя считать профессиональной, поскольку после окончания войны легионы подлежали роспуску [3, с. 28–29]. Эту точку зрения разделял и соотечественник Голдсурти Ф. Эдок, отмечая, что «республиканская армия в своей массе была непрофессиональной» [17]. Конечно, роспуск армии в мирное время не способствовал повышению профессионализма солдат и офицеров, но частые войны, которые вели римляне, позволяли иметь большое количество опытных воинов.

Светлов пишет, что римская армия была приспособлена для сражений с племенами Италии, в первую очередь, галлами и самнитами. Что касается построения легиона в три линии, то, по его мнению, «красивый шахматный строй римлян» было очень трудно сохранить на пересеченной местности [14, с. 199–200]. С этим утверждение можно согласиться, поскольку, скорее всего, манипулы могли сомкнуть свой строй при фронтальной атаке противника, чтобы сохранить его монолитность. Вторая и третья линия манипул легиона служила для оказания помощи первой линии, если противник прорывал или теснил ее. Из этого действительно можно сделать вывод, что римская военная система была предназначена для противостояния племенам Италии, поскольку строй римского легиона хорошо держал фронтальные атаки галлов и самнитов, изматывая их в ходе боя. Эдок прямо утверждал, что именно против галлов, которые атаковали лавиной, и был создан боевой

порядок легиона [17]. Слабым местом римской армии была конница. Но, как отмечает Светлов, при такой манере ведения боя она имела явно вспомогательный характер [14, с. 205]. Также он отмечает, что римляне для маневра своими военными силами использовали систему военных дорог, которую старались расширить при первой возможности [Там же, с. 207].

Итак, что же представлял собой римский солдат того времени? Это был опытный воин, знающий свое место в строю манипула и легиона, дисциплинированный и стойкий, а главное, верный своему городу. Как справедливо писал Эдок, от римского солдата требовались стойкость и умение повиноваться приказам, а также вера в своих командиров [17]. Именно с такой армией пришлось встретиться Пирру в бою.

Теперь рассмотрим более подробно армию эпирского царя. Светлов указывает, что до нас не дошло подробное описание эпирской армии и ее внутренней структуры [14, с. 193]. Можно предположить, что в военном строительстве Пирр ориентировался на армию Александра Македонского, которая служила образцом для наследников великого завоевателя. Основу армии составляла тяжелая пехота, сражающаяся в строю фаланги. Дискуссионным является вопрос, была ли эта фаланга македонского типа, с глубиной в шестнадцать рядов, или обычная – в восемь рядов. Для македонской фаланги требовалась высокая выучка воинов и умение действовать длинным копьем – сариссой. Пирр имел возможность создать македонскую фалангу, наняв македонских воинов и обучив эпиротов. В качестве средней пехоты выступали пельтасты, вооруженные коротким копьем, щитом и мечом, они могли действовать как в сомкнутом, так и в рассыпном строю. Пельтасты служили для прикрытия и поддержки фаланги в бою. Конница Пирра состояла из фессалийских наемников, являющихся лучшими всадниками Эллады, и эпирских гетайров, представляющих царскую гвардию. Конница и боевые слоны являлись ударным кулаком армии Пирра, в то время как фаланга представляла собой, образно говоря, «наковальню». В тактике эпирский царь отдавал предпочтение фланговым кавалерийским ударам, с опорой на тяжелую пехоту. Эту тактику разработал еще Филипп II Македонский и усовершенствовал его сын Александр.

Также, как считает Светлов, Пирр применял расчлененный боевой порядок тяжелой пехоты и «...был склонен к выделению резерва и постепенного ввода в бой своих частей» [Там же, с. 196]. По мнению Петриковски, «нельзя сказать, что македонская система, представителем которой являлся Пирр, была неэффективной или устаревшей. Проблема македонской системы заключалась в заложенной в ней хрупкости и зависимости от качества руководства» [11, с. 176]. Однако

и римская армия не могла похвастаться умелым руководством на поле боя, поскольку каждый год происходила смена командования в связи с выборами новых консулов. С точки зрения профессионализма, вся эпирская армия была наемной и содержалась на средства царя. Ее воины были преданы Пирру и имели большой боевой опыт, но основным недостатком можно считать малочисленность именно эпирских контингентов. После прибытия в Италию, как пишет Плутарх, Пирр «увидел, что чернь в Таренте по доброй воле не склонна ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать башни и пирушек» [12, с. 443–444]. Данная ситуация свидетельствует о том, что надежда Пирра на поддержку эллинов Италии оказалась беспочвенной и ему пришлось провести насильственный набор солдат в свою армию [Там же].

Проявилось и такое уязвимое место эллинского гражданского общества, как нежелание защищать свой полис и нести тяготы военной службы, что, естественно, сужало мобилизационную базу войска эпирского царя.

В середине лета 280 г. до н.э. Пирр и римляне впервые встретились на поле боя. Это произошло у р. Сирис, в 30 км от г. Гераклея [14, с. 214–215]. Римлянами командовал консул Левин, войска которого опустошали Луканию и вели наступление на Тарент. Интересен тот факт, что эпирский царь «послал к римлянам вестника, предложив им без войны получить от италиков законное удовлетворение, а его, Пирра, сделать при этом судьей и посредником» [12, с. 444]. В сложной ситуации Пирр попытался применить стандартную практику эллинской дипломатии и решить спорный вопрос путем переговоров при помощи посредника. Однако римская дипломатия была совершенно другой, она опиралась на реальные победы в войне, а не на посредничество третьей стороны. Консул Левин ответил, «что римлянам его посредничество не нужно, а война с ним не страшна» [Там же].

Каковы же были силы противоборствующих сторон? Светлов оценивает численность римской армии в 40 тыс. пехоты и 2500 конницы. Что касается армии Пирра, то она состояла из 30 тыс. пехотинцев, 3500 всадников и 20 боевых слонов [14, с. 214–215]. Петриковски утверждает, что у эпирского царя было около 30 тыс. воинов, а численность римлян определить сложно, но их армия, несомненно, была больше, чем армия Пирра [11, с. 175]. Получается, что римляне имели численное преимущество, но армия эпирского царя, скорее всего, превосходила римскую по качеству управления и выучки. Выступив в поход, Пирр расположился лагерем между городами Пандосия и Гераклея. При осмотре римского лагеря Пирр сказал своему приближенному Мегаклу: «Порядок

в войсках у этих варваров совсем не варварский» [12, с. 444]. Данная фраза показывает отношение эллинов к римлянам, считавших последних варварами, но также и уровень осведомленности эллинистических правителей о римском государстве и его армии. Этот уровень был явно недостаточным. Пирр все же решился дать «варварам» бой.

Р.В. Светлов считает, что консул Левин первым начал переправу через р. Сирис, стремясь обойти армию Пирра [14, с. 215]. Как пишет Плутарх, царь Эпира предвидел эту возможность и поставил на берегу реки охранение и собирался напасть на римскую армию во время переправы. Однако Пирр решил дождаться союзников, что являлось ошибкой, поскольку «римляне, чтобы не дать Пирру выполнить задуманное, поспешили начать переправу» [12, с. 444]. Надо отдать должное римскому консулу, сумевшему завладеть инициативой и попытавшемуся окружить армию эпирского царя. Пирр был очень встревожен таким поворотом событий и «приказал своим военачальникам построить пехоту и держать ее в боевой готовности, а сам во главе трех тысяч всадников поскакал вперед, надеясь застигнуть римлян до того, как они, переправившись, встанут в боевой порядок» [Там же]. Это было единственное правильное решение на тот момент. Эпирскому царю надо было выиграть время для построения своей пехоты в фалангу, а также помешать римлянам переправиться через реку.

По мнению Светлова, конница Пирра атаковала конницу римлян, а затем отступила по приказу, заманивая противника [14, с. 216]. Плутарх пишет, что царь Эпира сражался в первых рядах своей конницы, но видя, что она отступает, «послал за пехотой и выстроил ее в фалангу» [12, с. 445]. Скорее всего, конница Пирра дала своей пехоте время построиться в боевой порядок, а также расстроила ряды конницы врага. После переправы римская пехота столкнулась с пехотой противника, построенной в боевой порядок. Плутарх пишет, «что семь раз противники поочередно то обращались в бегство, то пускались в погоню за бегущими» [Там же]. Как отмечает Светлов, бой пехоты не мог быть очень долгим, но был очень ожесточенным [14, с. 217]. Поэтому утверждение Плутарха можно считать преувеличением. По всей видимости, римская пехота провела несколько фронтальных атак против эпирской фаланги, но не смогла пробить ее строй. Если фаланга была македонского образца, то пробить ее строй или потеснить ее было практически невозможно. Именно этим объясняется ожесточенность сражения.

Исход боя решила фланговая атака фессалийской конницы и боевых слонов. Плутарх сообщает, что «в конце битвы римлян сильно потеснили слоны, так как римские кони не выносили вида этих чудовищ и мчались вместе со всадниками вспять... а Пирр, напав во главе

фессалийской конницы на пришедших в замешательство противников, обратил их в бегство и многих перебил» [12, с. 445]. Банников дает высокую оценку Пирру как полководцу, отмечая, что он понял, как эффективны слоны против конницы и использовал их сильные стороны против вражеской армии [2, с. 190]. Однако не все так просто в оценке роли боевых слонов. В данном сражении римская армия продемонстрировала стойкость и упорство своей пехоты во фронтальной атаке, но римские командиры не смогли парировать фланговый удар Пирра, который был нанесен в стиле Александра Македонского. Конница и боевые слоны использовались в качестве молота, а наковальней была эпирская пехота, построенная в фалангу. Даже если у Пирра не было бы боевых слонов, то римская конница все равно была бы разбита фессалийцами и римляне пропустили бы удар во фланг и были вынуждены отступить.

Слоны, несомненно, сыграли свою роль, в первую очередь, психологическую, а также напугали лошадей римской конницы, но приписывать им основную причину поражения римлян неверно. Победа была одержана благодаря полководческому таланту Пирра, выучке его воинов и грамотному управлению армией на поле боя. Однако Петриковски считает, что в сражении при Геракле «превосходство Пирру обеспечили скорее решительность и упорство его пехоты», а также боевые слоны [11, с. 183]. Данная точка зрения несколько приижает тактику эллинистических армий. Пирр превзошел римлян в маневре на флангах, а боевой строй фаланги успешно противостоял натиску римской пехоты. Сам же Петриковски признает тот факт, что римские пехотинцы не смогли прорвать фалангу [Там же, с. 197].

Каковы же были итоги данного сражения? Плутарх, ссылаясь на более ранних историков, пишет: «Дионисий сообщает, что в битве пало без малого пятнадцать тысяч римлян, Иероним утверждает, что только семь, Пирр же потерял, согласно Дионисию, тринадцать тысяч человек, согласно Иерониму – меньше четырех тысяч, но зато самых сильных и храбрых» [12, с. 445]. Скорее всего, верны цифры Иеронима, поскольку потеря 13 тыс. воинов означала, что армия Пирра практически утратила боеспособность. Однако эпирский царь мог после этого сражения вести наступательные военные действия против римлян, что было бы невозможно при таких больших потерях. Светлов, исследовавший походы Пирра, оценивает как наиболее реальные потери его армии в 4–7 тыс. чел. [14, с. 219]. Также он отмечает, что эпирскому царю было трудно восполнить потери своей армии с точки зрения пополнения, поэтому широко известные слова о «пирровой победе» можно приложить и к этой ситуации [Там же]. Банников считает, что армия Пирра потеряла 4 тыс. солдат, а римляне 7 тыс. убитыми, фактически

повторяя цифры Иеронима, и, таким образом, определяя их как наиболее достоверные [2, с. 192].

Что касается тактических приемов, то Пирр использовал все достижения эллинистической военной мысли, такие, как удары конницы по флангам противника и использование боевых слонов против вражеских всадников, и именно это принесло ему победу. Римляне проявили упорство и дисциплину, а также умение наносить фронтальные удары по вражеской пехоте. Однако они плохо прикрывали свои фланги, а римская пехота так и не смогла прорвать эпирскую фалангу. В дальнейшем римская армия встретилась в бою с армией Пирра при Аускуле и Беневенте, данные сражения подробно рассмотрены нами в отдельной статье [7, с. 45–47].

Однако после окончания похода Пирра в Италию римская военная система прошла проверку на эффективность в период Первой Пунической войны 264–241 гг. до н.э. В этой войне римская тактика первоначально демонстрировала свое превосходство над армией Карфагена, но в сражении при Баграде в 255 г. до н.э. римляне потерпели сокрушительное поражение. Данное сражение примечательно тем, что карфагенянами командовал спартанец Ксантипп, являющийся ярким представителем эллинистической военной школы. Как пишет Аппиан, «карфагеняне стали просить лакедемонян прислать к ним военачальника, полагая, что они несут поражения вследствие отсутствия надлежащей военной власти. Лакедемоняне послали им Ксантиппа» [1, с. 140]. Полибий отмечает, что Ксантипп был прекрасным военным профессионалом и, проанализировав причины поражения карфагенян, сделал вывод, что те «...понесли поражения не от римлян, но от себя самих благодаря неопытности своих вождей» [13, с. 167]. Скорее всего, Ксантипп хорошо знал римскую тактику и ее особенности, а также видел сильные и слабые стороны римской армии. Он понял, что можно победить римлян, используя слабости их тактики и боевого построения. Римский писатель Фронтин отмечал: Ксантипп «обратил внимание, что африканцы, превосходившие противника конницей и слонами, взираются на холмы, а римляне, сила которых в пехоте, занимают равнины» [15]. Проще говоря, спартанец увидел, что римская армия плохо держит фланговые удары из-за слабости своей конницы и больше всего полагается на фронтальную атаку тяжелой пехоты.

Когда Ксантипп прибыл в Карфаген, карфагеняне были уже несколько раз разбиты римским консулом Марком Атилием Регулом и находились на грани полного поражения. Им удалось сформировать последнюю армию, численностью в 12 тыс. пехоты, 4 тыс. конницы и 100 боевых слонов [5, с. 144]. Римские легионы и армия Карфагена встретились в сражении у р. Баград. Как пишет Аппиан, римская армия во время

марша к реке подвергалась нападению вражеской легкой пехоты, которая поражала солдат с крутых холмов камнями и стрелами [1, с. 140]. Спартанец применил тактику изнурения противника до генерального сражения, что было очень эффективно в данной ситуации. Какова же была численность римской армии? Скорее всего, она состояла из четырех легионов, легковооруженной пехоты и конницы, общей численностью, как считает М.Б. Елисеев, около 30 тыс. чел. [5, с. 154]. Данные подсчеты приблизительны, но ясно, что римляне превосходили карфагенскую армию по количеству тяжелой пехоты, уступая в коннице. Также следует отметить отсутствие у римлян боевых слонов.

На что надеялся Ксантипп, решаясь на генеральное сражение с римлянами? В первую очередь, на свое тактическое превосходство и умение управлять войсками. А также на то, «что он одолеет уставшего и пострадавшего в пути врага и что сама ночь окажет помощь победителю» [1, с. 140]. Елисеев отмечает, что Ксантипп был настолько уверен в своих силах, что не стал препятствовать переправе римской армии через Баград [5, с. 146].

Каков же был план сражения спартанского полководца? Это можно понять после анализа боевого построения карфагенской армии. По сообщению Полибия, слонов он поставил в одну линию впереди всей армии, а «фалангу карфагенян выстроил в тылу их на умеренном расстоянии. Одну часть наемников он поместил на правом фланге; другая часть, самая легкая, вместе с конницей заняла место впереди обоих флангов» [13, с. 168]. Из этого видно, что Ксантипп собирался обойти римскую армию с флангов, а в центре сдерживать натиск римской пехоты слонами и фалангой тяжелой пехоты. По мнению Елисеева, «стратег планировал слаженным ударом кавалерийских масс смять римских всадников, зайти легионам в тыл и уничтожить их комбинированным ударом» [5, с. 147]. В этом ударе принимали участие все рода войск карфагенской армии. Ничего сложного в этом плане сражения не было, Ксантипп реализовывал полное взаимодействие конницы, боевых слонов, а также тяжелой и легкой пехоты на поле боя. Именно в этом заключалась тактика эллинистических армий, надо было просто уметь ее применять.

Что касается римлян, то, «страшась нападения слонов, которого они ожидали, римляне выставили вперед легковооруженных, в тылу их поместили один за другим многочисленные манипулы, а конницу разместили на обоих флангах» [13, с. 168]. Из этого построения ясно, что римский консул надеялся на мужество и упорство римской пехоты. Полибий, будучи профессиональным военным, отмечает, что римляне «всю боевую линию... сделали короче сравнительно прежней, зато глубже» [Там же]. Таким образом, римский командующий пытался отразить

атаку слонов, надеясь, что они завязнут в плотных боевых порядках римской пехоты. Однако Регул допустил ошибку в боевом построении. Как считает Полибий, «против неприятельской конницы, во много раз превосходившей их собственную», римляне не приняли никаких мер [13, с. 168]. Данная ошибка, которая заключалась в игнорировании фланговых ударов противника, допускалась римскими командирами уже не в первый раз. Римляне традиционно надеялись на фронтальную атаку своей тяжелой пехоты и ее стойкость. В принципе, тактика римского легиона была шаблонной и могла иметь успех только против слабого в тактическом плане противника.

Ксантипп начал сражение по всем канонам эллинистической военной науки. Он приказал вести слонов в атаку, а «коннице велел окружить неприятеля с обоих флангов и напасть на него» [Там же]. Эта тактика была стандартной для эллинистических армий: слоны и фаланга – «наковальня», а конница – «молот». Конница карфагенян опрокинула римскую кавалерию, которая «обратилась в бегство». Что касается римской пехоты, то ее левый фланг «ударил в правый фланг карфагенян, принудил его к отступлению» и гнался за ними до самого лагеря [13, с. 169]. Часть римских манипул сумела прорваться сквозь линию боевых слонов, где они «натолкнулись на наемную стройную фалангу карфагенян и были истреблены» [Там же]. Из этого описания можно сделать вывод о том, что фланги римской армии были опрокинуты атакой карфагенской конницы, а римская тяжелая пехота, пробившись через линию боевых слонов, не сумела опрокинуть тяжелую пехоту карфагенян и оказалась между фалангой и слонами. Римская пехота оказалась в полном окружении вражеской конницы и положение римлян «стало безнадежным» [Там же]. Попытка римской пехоты вырваться из окружения привела к ее полному уничтожению. Как пишет Полибий, «так как отступление совершилось по равнине, то часть римлян была раздавлена слонами и конницей, около пятисот человек, бежавших вместе с консулом Марком, скоро попали в руки неприятелей» [Там же]. Всего из римской армии, по данным Полибия, спаслись «около двух тысяч человек» [Там же]. Это означало полное уничтожение римских сил в Африке. Данные цифры римских потерь подтверждает и Аппиан, писавший, что «из 30 тысяч человек, которых вел Атилий, немногие с трудом бежали в город Аспиду» [1, с. 141]. Такого позорного поражения римляне не терпели очень давно.

Что касается карфагенской армии, то ее потери составили «около восьмисот наемников, поставленных против левого неприятельского фланга» [13, с. 169]. Именно такие цифры приводит Полибий, скорее всего, они верны, правда, без учета раненых. Можно ли доверять

этим цифрам? Полибий был практически современником описываемых событий, а также профессиональным военным, поэтому он мог иметь довольно точную информацию о потерях обеих сторон. Учитывая его симпатии к римлянам, он не был заинтересован в занижении потерь карфагенской армии. Итог этого сражения показывает полное превосходство эллинистической тактики. Елисеев считает, что «стратагемы эллинов восторжествовали над римской военной школой» [5, с. 155]. Боевой порядок легиона, состоящий из трех линий манипул, был бессилен против монолитной фаланги и фланговых ударов конницы. В принципе, это было продемонстрировано еще царем Пирром, надо было только уметь пользоваться этими преимуществами эллинистической тактики. Конечно, на пересеченной местности римские манипулы были более маневренными, чем фаланга, но Ксантипп правильно выбрал место битвы, что позволило нивелировать данное преимущество римлян.

Однако полномасштабное столкновение римской и эллинистической военных школ произошло в ходе Второй Македонской войны, длившейся с 200 до 197 гг. до н.э. По итогам поражения македонской армии в битве при Киноскефалах делается вывод о полном превосходстве римской тактики и боевого порядка легиона над македонской фалангой и эллинистической военной системой. Что же представляла собой македонская армия царя Филиппа V? Основой военной структуры служила знаменитая македонская фаланга, куда набирали воинов только из свободных крестьян. Помимо фаланги, существовал корпус пельтастов, которые представляли собой пехоту, способную сражаться как в плотном, так и рассыпном строю. В отличие от воинов фаланги, которых выпускали по домам в мирное время, пельтасты несли службу постоянно [8, с. 3–4]. Легкая пехота была представлена наемниками, в основном, это были фракийцы и иллирийцы, а также критские лучники. Македонская конница набиралась из среды аристократии и была одной из лучших. Однако по причине высокой стоимости снаряжения и коней ее численность уменьшилась до 2 тыс. всадников [Там же, с. 5]. В принципе, македонская армия была адекватна тем задачам, которые ставил перед ней Филипп V. Она обладала большим военным опытом и отработанной тактикой, но, как считает Петриковски, была истощена непрерывными войнами [11, с. 254].

Что касается римской армии, то структура легиона осталась неизменной, его основой служила тяжелая пехота, дополненная легковооруженными велитами и конницей. Однако в ходе войны с Ганнибалом римляне научились парировать фланговые удары, а также сами наносить удары по флангам противника. Война с Македонией не рассматривалась римскими политиками как тяжелая. По оценке Тита Ливия, «она

не могла сравниться с предшествующей ни по опасности, ни по доблести вражеского вождя, ни по мужеству и упорству солдат» [9, с. 5]. Конечно, данная оценка демонстрирует определенную самоуверенность римлян, но после победы над Ганнибалом они имели на это право. Надо отметить и тот факт, что римские политики больше надеялись на свою дипломатию и старались создать коалицию против Македонии из полисов Эллады. Поскольку, как пишет Плутарх, «Македонская держава давала Филиппу достаточно войска для одного сражения, но в случае длительной войны все пополнение фаланги, снабжение деньгами и снаряжением, убежище, где можно укрыться, зависели от греков» [12, с. 419]. Фактически, Рим мог спокойно вести затяжную войну против Македонии, изматывая противника. Поражение римлян в одном из сражений не приводило к катастрофе римского государства. Македонский царь, в отличие от римлян, был ограничен в ресурсах, поэтому первое проигранное генеральное сражение вело к катастрофе всей Македонии.

Однако война состоит не только из генеральных сражений, а также и из мелких стычек и засад, в которых македонская армия сумела потрепать римские легионы. М.Б. Елисеев считает, что Филипп V «был блестящим мастером маневренной войны и тактических засад» [4, с. 221]. В битве при Оттолобе он поймал римлян в тактическую ловушку. Вышедшие на фуражировку из лагеря римские воины оказались на равнине. Увидев, что они разбрелись и потеряли боевой порядок, царь Македонии «быстро выдвинул на середину равнины всю свою конницу и тех пеших критян, что были особо скоры на ногу» [9, с. 31]. Римляне оказались отрезаны от лагеря и подверглись избиению македонской конницей и критскими лучниками. Даже такой патриот, как Ливий, указывает, что «преимущество было на стороне македонян» [Там же]. Римский консул был вынужден вывести тяжелую пехоту из лагеря, чтобы спасти своих воинов от уничтожения. К сожалению, Филипп V увлекся участием в схватке и не сумел помешать этому маневру римлян. Елисеев считает, что это была главная ошибка македонского царя, подражавшего Александру Великому [4, с. 225]. Ливий откровенно признает, что, «если бы македоняне не так увлеклись преследованием, они, наверное, завершили бы славной победой не только это сражение, но и всю войну» [9, с. 32]. В этой стычке македонская конница и критские лучники показали свое превосходство над легкой пехотой римлян. Римские командиры оказались не способны противостоять засадам и стремительным атакам вражеской конницы при поддержке лучников. Однако у македонской армии не оказалось инициативных офицеров, которые могли без царя принимать самостоятельные решения. Македонская конница

могла быть поддержана в атаке собственной пехотой, но она осталась в лагере [9, с. 33]. Такие ошибки римляне не прощали.

Что же касается римской тактики боя с метанием пилумов и последующим переходом в рукопашную схватку, то при осаде г. Атрака она не особенно помогла им против македонской фаланги. Как сообщает Ливий, пролом в городской стене оказался очень узким, поэтому «когда македоняне, сомкнувшись, выставили копья необычайной длины и плотно сдвинув щиты, образовали подобие черепахи», римляне «тщетно кидали в них дротики, а когда обнажили мечи, то не смогли не сойтись в рукопашную, ни перерубить копья врага» [9, с. 56]. Из данного эпизода ясно, что римские солдаты не могли успешно атаковать фалангу в лоб. Если ее фланги были надежно прикрыты, то такая атака была полностью неэффективна.

Окончательный вердикт, чья тактика является лучшей, дало сражений при Киноскефалах в 197 г. до н.э. Обе стороны готовились к решительному сражению на Фессалийской равнине. Численность македонской армии в этой битве достигала 16 тыс. фалангитов, 2 тыс. пельтастов, 2 тыс. фракийских и 1500 греческих наемников, а также 2 тыс. македонских и фессалийских всадников [11, с. 254]. Что касается римской армии консула Тита Квинкция Фламинина, то у него было 12 тыс. тяжелой пехоты, 5 тыс. легкой пехоты и 2400 всадников. Также в римскую армию входили 6 тыс. пехотинцев и 400 всадников этолийских союзников [6, с. 8]. Помимо этого, у римлян было 10 боевых слонов, присланных нумидийским царем [11, с. 254]. Обе армии были примерно равны по силам, превосходство римлян в коннице нивелировалось высоким качеством македонских и фессалийских всадников. Теперь все зависело от качества управления армией в ходе сражения.

По сообщению Ливия, «перевалив через холмы, которые называются Киноскефалы, македоняне разбили лагерь и выставили сильную охрану из пехотинцев и всадников» [9, с. 78]. Сама же битва «заявилась между дозорными римлян и македонян» [Там же]. Для македонского царя она была вынужденным и неожиданным решением. Филипп V считал, что «все делается опрометчиво, что ему не нравится ни место, ни время сражения» [9, с. 79]. Однако избежать сражения он не мог, поэтому вся надежда царя была на стремительную атаку правого фланга македонской армии на левое крыло римлян. Данное сражение разбиралось многими авторами, как древними, так и современными историками, из чего вырисовывается следующая картина. Ливий отмечает, что «на правом фланге местность благоприятствовала царю: он занимал высоты и в сражении одерживал верх» [Там же, с. 80]. Этот факт подтверждает и Плутарх: «На правом крыле преимущество было на стороне Филиппа,

который бросил свою фалангу на римлян и погнал их вниз по склону холма, они не выдержали натиска сомкнутых щитов и силы удара сарисс» [12, с. 422]. Петриковски отмечает, что «правое крыло Филиппа безостановочно теснило левое крыло римлян» [11, с. 262]. Я.И. Зверев пишет, что римляне не смогли пробить строй фаланги и были полностью разбиты на левом фланге [6, с. 10]. Однако левый фланг македонской армии еще не развернулся из походного порядка в боевой. Это отмечает Ливий, указывая на тот факт, что «подоспевшая фаланга, выстроенная скорей для похода, чем для сражения, едва вышла на кряж» [9, с. 80]. В результате, между правым и левым флангами македонской армии образовался разрыв, который не был прикрыт ни пехотой, ни конницей. Именно в этот промежуток между частями фаланги и направил свой удар римский консул. «Квинкций... направил удар именно против фаланги, не выстроившейся еще к бою, хотя видел, что на правом фланге римляне отступали» [Там же]. Римский командующий грамотно использовал ошибку македонского царя и его офицеров.

Обращает на себя внимание тот факт, что македонская фаланга на левом фланге не была построена в боевой порядок, что, несомненно, помогало римлянам вести ближний рукопашный бой. Плутарх пишет о том, что римляне нанесли свой удар там, «где неприятельский строй был растянут» и «холмистая местность мешала образовать фалангу и сомкнуть на всю глубину ряды» [12, с. 422]. Если бы разрыв между частями фаланги был прикрыт пельтастами или конницей, то катастрофы можно было избежать, но Филипп V и командир его левого фланга допустили ошибку в развертывании армии, что и привело к поражению македонцев. Петриковски считает, что «все мелкие просчеты в дисциплине и командовании македонской армией привели ее к разгрому» [11, с. 263]. Также надо учитывать, что римляне «пустили вперед словнов» и они привели часть левого фланга македонской армии в замешательство [9, с. 80]. Римляне продемонстрировали инициативу младших командиров на поле боя. «Один из военных трибунов, действуя сообразно обстоятельствам... совершил быстрый обход и зашел в тыл правому крылу врага» [Там же]. Из этих фактов ясно, что римляне полностью использовали все ошибки македонского царя и его офицеров. Было ли это превосходством тактики легиона и манипул над македонской фалангой и эллинистической тактикой? Скорее всего, это было превосходство консула Фламинина в умении управлять армией на поле боя, а также стойкости римской пехоты. Даже такой римский патриот, как Ливий, отметил, что «никакой строй не сохранит порядок от замешательства, подвергшись удару с тыла» [Там же]. Римские легионы также не могли выдерживать такие удары.

Что касается итогов сражения, то македонцы потеряли 8 тыс. убитыми и 5 тыс. пленными [12, с. 422]. Такова была цена ошибки Филиппа V в управлении армией. С.Н. Чернявский, например, считает, что Фламинин лучше умел «командовать большими массами войск» [16, с. 201]. Итогом данного сражения нельзя считать превосходство римской тактики над эллинистической военной системой, в первую очередь, оно показало, что римляне не прощают ошибок на поле боя. Следует отметить и то, что македонская армия была истощена многолетними военными кампаниями, а качество ее офицерского состава сильно упало. Даже если бы македонский царь и одержал победу, римляне собрали бы еще одну армию и послали ее на войну против Македонии. Римская республика побеждала благодаря своему упорству, большим человеческим ресурсам и умелой дипломатии. Эллинистические полководцы прекрасно знали римскую тактику и ее особенности, но не до конца поняли суть римского общества и государства. Это было их главной ошибкой.

Библиографический список / References

1. Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002. [Appian of Alexandria. Rimskaya istoriya [Roman history]. Moscow, 2002.]
2. Банников А.В. Эпоха боевых слонов. СПб., 2012. [Bannikov A.V. Epokha boyevykh slonov [Age of war elephants]. St. Petersburg, 2012.]
3. Голдсворт А. Во имя Рима. Люди, которые создали империю. М., 2006. [Goldsworthy A. Vo imya Rima. Lyudi, kotoryye sozdali imperiyu [In the name of Rome. People who created an Empire]. Moscow, 2006.]
4. Елисеев М.Б. Римско-македонские войны. Легион против фаланги. М., 2016. [Yeliseyev M.B. Rimsko-makedonskiye voyny. Legion protiv falangi [Roman-Macedonian wars. Legion against the phalanx]. Moscow, 2016.]
5. Елисеев М.Б. Первая Пуническая война. М., 2018. [Yeliseyev M.B. Pervaya Punicheskaya voyna [The First Punic war]. Moscow, 2018.]
6. Зверев Я.И. 2-я Македонская война: битва при Киноскефалах // Войн. 2001. № 5. С. 8–12. [Zverev Ya.I. 2nd Macedonian war: Battle of Cynoscephalae. Voin. 2001. No. 5. Pp. 8–12. (In Russ.)]
7. Калмыков В.С. Поход царя Пирра в Италию как первое столкновение Рима с эллинистическим миром // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 3. С. 35–50. [Kalmykov V.S. The campaign of king Pyrrhus to Italy as the first clash of Rome with the Hellenistic world. Locus: People, Society, Cultures, Meanings. 2018. No. 3. Pp. 35–50. (In Russ.)]
8. Кузьмин Ю.Н. Армия эллинистической Македонии в III–II вв. до н.э.: история и военная организация // Войн. 2002. № 9. С. 2–8. [Kuzmin Yu.N. Army of Hellenistic Macedonia in the III–II centuries BC: History and military organization. Voin. 2002. No 9. Pp. 2–8. (In Russ.)]
9. Ливий Тит. История Рима от основания города. Т. 3. М., 1993. [Livy Titus. Istorija Rima ot osnovaniya goroda [History of Rome from the Foundation of the city]. Vol. 3. Moscow, 1993.]

10. Паркер Г.М. История легионов Рима. От военной реформы Гая Мария до восхождения на престол Септимия Севера. М., 2017. [Parker H.M.D. Istorya legionov Rima. Ot voyennoy reformy Gaya Mariya do voskhozhdeniya na presto Septimiya Severa [The Roman legions]. Moscow, 2017.]
11. Петриковски Д. Великие сражения эпохи эллинизма. М., 2018. [Pietrykowski J. Velikiye srazheniya epokhi ellinizma [Great Battles of the Hellenistic World]. Moscow, 2018.]
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1994. [Plutarch. Sravnitelnyye zhizneopisaniya [Parallel Lives]. Vol. 1. Moscow, 1994.]
13. Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. [Polybius. Vseobshchaya istoriya [The Histories]. Vol. 1. St. Petersburg, 1994.]
14. Светлов Р.В. Войны античного мира: Поход Пирра. М., 2003. [Svetlov R.V. Voynы antichnogo mira: Pokhod Pirra [Wars of the ancient world: Pyrrhus campaign]. Moscow, 2003.]
15. Фронтин Секст Юлий. Военные хитрости. (Стратагемы). СПб., 1996. [Frontinus Sextus Julius. Voyennyye khitrosti. (Stratagemy) [Strategematon]. St. Petersburg, 1996.]
16. Чернявский С.Н. Филипп V. Взлет и падение эллинистической Македонии. М., 2018. [Chernyavskiy S.N. Filipp V. Vzlet i padeniye ellinisticheskoy Makedonii [Philip V. The Rise and fall of Hellenistic Macedonia]. Moscow, 2018.]
17. Эдкок Ф. Военное искусство греков, римлян, македонцев. М., 2012. [Adcock F. Voyennoe iskusstvo grekov, rimlyan, makedontsev [Greek and Macedonian art of war]. Moscow, 2012.]
18. Юстин Юниан Марк. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historia Philippicae». СПб., 2005. [Justin (Marcus Junianus Justinus Frontinus). Epitoma sochineniya Pompeya Troga «Historia Philippicae» [Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus]. St. Petersburg, 2005.]

Статья поступила в редакцию 15.01.2020, принятa к публикации 30.04.2020

The article was received on 15.01.2020, accepted for publication 30.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков имени В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Vitaliy S. Kalmykov – PhD in History; associate professor at the Department of Ancient History and Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: newlofty@mail.ru

М.В. Кузьмина

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Образ англичан и Англии во французских литературных произведениях периода Столетней войны

Статья посвящена тому, как и почему образы англичан во французских литературных произведениях периода Столетней войны получили то или иное отображение. Столетняя война стала катализатором процесса формирования французской нации и национального самосознания. Французские авторы, чьи произведения анализируются, принадлежали к разным возрастным и социальным группам, имели разный образовательный уровень, а время их творчества охватывает период с конца XIV в. и до первой половины XV в. Именно такой довольно длительный временной отрезок позволяет увидеть динамику в развитии национального чувства французских авторов. Чувство родины, которая у каждого была своя (Шампань, Нормандия), у них переплется с осознанием себя подданными французского короля. В этом смысле можно говорить о переносе патриотического чувства по отношению к отдельно взятой территории на Францию в пределах французского королевства в целом. Образ англичан как завоевателей, разоряющих французские земли, в представлениях некоторых из авторов, тем не менее, не смешивается с уважительным отношением к английской культуре.

Ключевые слова: англичане, французы, Столетняя война, Французское королевство, патриотизм, национальное чувство, французская литература

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Кузьмина М.В. Образ англичан и Англии во французских литературных произведениях периода Столетней войны // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 57–71. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-57-71

M.V. Kuzmina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

The English and England in the French literature during the Hundred Years War

The article is devoted to the question of how and why the images of the British in French literary works of the Hundred Years War period received their reflection. The Hundred Years War became a catalyst for the formation of the French nation and national identity. French authors, whose works are analyzed, belonged to different age and social groups, had different educational levels, and the time of their work covers the period from the end of the XIV century until the first half of the XV century. It is such a rather long period that allows us to see the dynamics in the development of the national identity of the French authors. The sense of homeland, which each had their own (Champagne, Normandy), they intertwined with the awareness of themselves subjects of the French king. In this sense, we can talk about the transfer of patriotic feelings in relation to a particular territory to France within the French kingdom as a whole. The image of the British as conquerors ravaging the French lands, in the views of some of the authors, however, does not mix with a respectful attitude to English culture.

Key words: the English, the French, the Hundred Years War, French kingdom, patriotism, national feeling, French literature

CITATION: Kuzmina M.V. The English and England in the French literature during the Hundred Years War. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 57–71. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-57-71

Литературных произведений, написанных во Франции в период Столетней войны и посвященных ее событиям и последствиям, большое количество. Это и прозаические сочинения, и поэтические, разной жанровой принадлежности и разного эстетического уровня. Любые литературные произведения, являясь плодом творческих усилий их авторов, тем не менее, отражают и реальный мир. Более того, они предполагают

наличие читателя, способного и оценить позицию автора, и соотнести ее со своей оценкой событий реальной жизни, порождают рефлексию, которая, в свою очередь, есть проявление личностного отношения к действительности, что важно и ценно при анализе любого исторического источника.

В этом смысле нас интересует не только концептуальный уровень художественного произведения, что подразумевает и поднимаемую в нем проблематику, и авторскую оценку, пафос, эмоциональную направленность, субъективное начало, но и художественный мир самого произведения, в котором интересны, прежде всего, взаимоотношения реального мира и личности, для которой творчество – способ самовыражения.

Не вызывает сомнения тот факт, что Столетняя война (1337–1453 гг.) стала катализатором национального чувства как у французов, так и у англичан. Однако страной, пострадавшей гораздо в большей степени как от военных действий, так и от сопровождавших войну бедствий и последствий войны, была Франция. Более того, возникшая в 1420 г. в результате заключения мира в Труа политическая ситуация поставила под угрозу существование Французского королевства как самостоятельного государства. Если еще в первой четверти XV в. негативное отношение населения захваченных районов Франции к англичанам основывалось в большей степени на конкретных злодеяниях, совершенных ими, на личной обиде от причиненного ущерба и от наносимых англичанами оскорблений, то восстания в Нормандии 1434–1436 гг. показали, что на первый план вышли именно патриотические чувства [1; 4, с. 54–73].

Война не могла не активизировать творческие порывы французских авторов, выразивших наполнявшие их эмоции в своих сочинениях. Отметим издание, вышедшее еще в 1841 г. во Франции, в котором целенаправленно были собраны произведения средневековых французских поэтов, для которых испытываемые ими патриотические чувства ко всей Франции – вполне определенное явление [11]. Как это ни покажется странным, но если Столетней войне – ее причинам, сражениям, участникам, последствиям – посвящено большое количество научных работ как в отечественной, так и в зарубежной историографии, то рассмотрению представлений французских авторов об англичанах – врагах французского королевства – как одному из индикаторов национальной идентичности, проведенному в сравнительном аспекте, не уделялось внимания (во всяком случае, в отечественной историографии). Современная западная историография по вопросу формирования национального и патриотического чувства, связанного, в частности, со Столетней войной, довольно многообразна, но, к сожалению, большая часть

исследований последних лет остается малодоступной для отечественных ученых. Однако можно назвать хорошо известные работы французских историков Жана Фавье, Колетт Бон, Жака Ле Гоффа, Бернара Гене, Франсуазы Отран, в которых вопросы формирования французской нации рассматриваются довольно полно.

Уже отмечалось, что французская литература (и проза, и поэзия) периода Столетней войны обширна, поэтому, учитывая формат статьи, ограничимся лишь немногими произведениями некоторых, наиболее известных, авторов (в том числе и анонимных), чья активная деятельность выпала на период с конца XIV в. и до второй половины XV в. Это дает нам возможность даже на столь ограниченном материале проследить динамику отношения к англичанам на протяжении почти 50 лет и получить хотя бы некоторое представление об отразившихся в литературных произведениях чувствах и настроениях.

Предметом анализа стали некоторые поэтические произведения Эсташа Дешана, Алена Шартье, Жана Шартье, Оливье Басселена и лишь одно прозаическое сочинение анонимного автора – «Спор герольдов Франции и Англии» («Le Débat des hérauts d'armes de France et d'Angleterre»), поскольку в нем очень выпукло представлены взгляды французского рыцарства на отношения Франции и Англии в этот период.

Поэтические произведения выбраны не случайно. Как известно, одно из определений поэзии – ритмически построенная речь (что сближает ее с фольклорными произведениями). Она рассчитана на сиюминутное смысловое впечатление от текста больше, чем проза, вызывает быструю ответную реакцию у слушателя и у читателя. В ней в концентрированном виде выражается эмоция и мысль. При этом отметим, что тема войны и отношения к врагу (вне темы чисто феодальной войны и рыцарского подвига) в литературе этого периода приобретает более сильное звучание и отклик.

Несколько особняком стоит «Спор между герольдами Франции и Англии». Точно неизвестно, кто является его автором, но написано оно в XV в., примерно в 1458–1461 гг., т.е. уже после окончания Столетней войны. Автор этого сочинения, вероятно, был нормандцем, или, конкретнее, жителем Руана. Издатели сочинения отмечают, что автор, возможно, был герольдом. В «Споре...» отразились традиционные и уже ставшие чуть ли не частью менталитета представления народов – французов и англичан – о себе самих и друг о друге, хотя это и спор представителей рыцарства, для которых, как правило, быть французом или англичанином – не самое главное достоинство. «Спор...» показал, что эти «привычные» образы французов и англичан, с присущими каждому народу особенными чертами, не исчезли и во второй половине

XV в., а, напротив, после Столетней войны, на фоне заката рыцарства, приобрели более яркое звучание (возможно, как форма ностальгического воспоминания об уходящей эпохе). Представляется, что такое противопоставление одной складывающейся нации другой – закономерный шаг на пути формирования любой национальной идентичности, выраженное в литературной форме.

Каждый из герольдов в «Споре...» высказывает свою точку зрения на то, какое из королевств достойно чести быть первым, выдвигая весомые, с их точки зрения, доводы. Отметим, что несмотря на политический, военный конфликт между двумя государствами, как пишут, несколько наивно, исследователи конца XIX в., «между двумя народами существовала определенная симпатия», которая, по их мнению, проявлялась, в частности, в том, что в период Средневековья Университет Парижа и Оксфорд обменивались студентами и профессорами, существовали коммерческие и литературные связи [9, р. XIV].

Действительно, тон спора между двумя герольдами довольно доброжелательный, отличается учтивостью, в которой угадывается стремление соответствовать рыцарскому кодексу поведения¹. Кроме того, как подчеркивает французский герольд, есть разница между войной за славу и войной всеобщей: *Ибо я говорю, что всеобщая война сама по себе – это война против своих соседей или родственников, а война за славу – это когда принципы идут на Восток воевать в далекую чужую страну за веру католическую, защищать ее или расширять ее влияние... а ваши хроники никак не упоминают, вели ли ваши предшественники или вы войну за славу на сушу или на море...*² (*Car je dis que guerre commune est en soy mesmes ou contre ses voisins et lignagiers, et guerre de magnificence est quand princes vont en ost conquerir et loingtaing et estrange païs, ou soy combater pour la foy catholique deffendre ou eslargin... vos chroniques n'en font nulle mencion, que voz predecesseurs ne vous fissez onques guerre de magnificence, ne par terre, ne par mer...*) [Там же, р. 12–14].

Далее следуют упреки в том, что в Англии нет такого количества знатных сеньоров, англичане, считающие себя королями на море, вовсе таковыми не являются, поскольку уже давно превратились в пиратов и грабителей, т.к. ведут морские войны не против еретиков, а против христиан [Там же, р. 22]. Герольд Франции в ответ на слова

¹ Как отмечает П. Мейер, во взаимных упреках Англии и Франции не было ничего, что может указывать на действительную антипатию, поскольку для рыцарей обеих стран участие в кровавых битвах – вполне естественное времяпрепровождение, дабы снискать славу и доказать свою доблесть, а проис текающие из войны бедствия, гибель людей – естественное продолжение войны [9, р. XVI].

² Переводы текстов источников даны в редакции автора статьи.

англичанина, восхвалявшего природные и людские богатства своего королевства [9, р. 34–37], заявляет, что на самом деле только во Франции есть все в избытке, даже людей церкви больше, чем в Англии, а уж французскую знать и вовсе нельзя сравнить с английской [Там же, р. 38–51]. Англичанам отказано даже в их идентичности: когда собирается христианское духовенство, то там представлено четыре народа: Франции, Испании, Ломбардии (Италии) и Германии; а вы вовсе не считаетесь народом (nacion)... вы всего лишь часть народа Германии³ (*quant le clergie Crestianté s'assemble, il y a quatre nations : France, Espagne, Lombardie et Almaigne ; vous n'estez point de nacion et estez soubz la nacion d'Allemaigne... et vous n'estez que ung member de nacion d'Allemaigne*) [Там же, р. 39–40], ведь саксонцы, иначе – англичане, – большие хвастуны, они охотно начинают войны, но не умеют их закончить (*j'ay dit que les diz Saxons, autrement diz Angloiz, sont grant vantoirs... et commencent volentiers guerres, mais ilz ne les savent finer...*) [Там же, р. 51].

Тем не менее, спор все же заканчивается довольно мирно: дама Благородное разумие (*Prudence*), к которой герольды обратились как к судье, никому не отдает пальму первенства. Другими словами, между представителями рыцарства соблюден некий паритет.

Иное звучание тема взаимоотношений «французов» и «англичан» приобретает в произведениях авторов, не принадлежащих к рыцарству. Известный поэт, философ, придворный французских королей Карла V и Карла VI – Эсташ Дешан (*Eustache Deschamps*) (настоящее имя – Эсташ Морель, 1346–1406, можно встретить даты 1404, 1407), родился в г. Вертию (Шампань), не принадлежал к богатому дворянству, образование получил в университете Орлеана и был весьма плодовитым автором. Как отмечают некоторые исследователи его творчества, он был по духу весьма близок к миру чиновников и городских буржуа [3, с. 139]. Отношение к английским завоевателям у него однозначно отрицательное, его суждения на их счет резки. Он, по мнению А.Б. Каплана, принадлежал к поколению людей, «впервые почувствовавших себя французами» [Там же]. Однако тот же исследователь, не подкрепляя свои выводы анализом произведений Дешана, называет его патриотизм (сложное понятие, имеющее специфический смысл в данный исторический период и требующее осторожного использования) «риторическим и декларативным» (!) [Там же, с. 143], т.е., по сути, обвиняет поэта в неискренности. Тем не менее, Эсташ Дешан подлинно переживает, что война разорила Францию:

³ Здесь имеется в виду то обстоятельство, что саксы произошли от германского племени.

*Tant ne dura la guerre d'Asyrie
Ne des Tartars, ou pais l'oulre mer,
Ne la loy Dieu ne fit plus dommagie
Que par ces deux pour la guerre mener
Pays destruis, les temples violer,
Ardoir, ravir et l'un l'autre requerre...
Pour le debat d'Angleterre et de France.⁴*

[Balade № 772]

В стихах Дешана нет уважительного отношения к захватчикам, язык его поэтических сочинений по своей экспрессивности приближается к языку простонародья. Так в балладе “Franche dogue, dist un Anglois” рефреном идут уничижительные слова, обращенные к англичанам: *Задерите⁵ свой хвост, задерите!:*

*– Franche dogue, dist un Anglois,
Vous ne faictes que boire vin,
– Si faison bien, dist li François,
Mais vous buvrez le henequen,
Roux estes com pel de mastin.
Vuillequot, de moy aprenéz
Quant vous yréz par [le] chemin :
Levez vostre queue, levez ! ...
N'aléz a piet, par le temps frois,
Porter vostre blé au moulin.
S'il pluet, troussez vo queue pres,
Autel facent vostre voisin.
Et ce vous pinciez le raisin.
Afin que vous ne vous crotéz,
Soit en France ou le Limosin,
Levez vostre queue, levez !⁶*

[Balade № 536]

⁴ Столько не будет длиться война ни в Ассирии, / ни в Тартарии, или в заморской стране, / Не по Божьему соизволению был нанесен такой урон, / как этими двумя, которые, чтобы вести войну, / страну разоряя, храмы грабить, сжигать, похищать, друг друга атакуют... / из-за спора Англии и Франции.

⁵ Можно слово *lever* перевести более мягким синонимом – *поднимите*, но в этом случае исчезнет необходимая для передачи создаваемого поэтом образа англичан острота.

⁶ – Французская собака, – говорит Англичанин, / Вы умеете только пить вино. / – Если оно хорошо сделано, – отвечает Француз, / А вы пьете пиво. / Рыжие вы, как кожа собачья. / Позаботьтесь о том, я вас научу, / Что когда пойдете по дороге: / Задерите свой хвост, задерите! <...> Не ходите пешком в холодную погоду, / Чтобы отнести ваше зерно на мельницу. / А если идет дождь, прижмите ваши хвост поближе к себе, / Как это и рядом идущий делает. / И если вы жмете пальцами виноград. / Чтобы не испачкаться, / Будь то во Франции или в Лимузене, / Задерите свой хвост, задерите!

Современникам Дешана по обеим сторонам Ла-Манша, очевидно, была знакома легенда, согласно одному из вариантов которой хвостатыми называли жителей Корнуолла, а затем это прозвище перешло и на всех англичан. Хвостами же корнуольцев Бог наградил за то, что они оскорбили Св. Томаса (Фому) Бекета, отрезав хвост у его лошади [2, с. 49–54]. Возможно, англичане носили волосы, забранные в хвосты, и это казалось французам забавным. К тому же здесь угадывается явный намек на Сатану. Поэт указывает на заносчивость и вызывающее поведение англичан, используя стилистически сниженную лексику. И очень сокрушился Дешан в другом стихотворении, написанном по поводу заключения с англичанами перемирия на 28 лет в 1394 г.: *...У нас мира не будет, пока они не вернут Кале! (Paix n'arez jà s'ilz ne rendent Calays)* [10, р. 272–275]. Кале вновь станет французским только в 1558 г.

Отметим тот факт, что Эсташ Дешан чтил Джейффи Чосера – своего современника (*Geoffroy Chaucier* в редакции Дешана). Он восхищался английским поэтом и посвятил Чосеру стихотворение (ок. 1385 г.), в котором всячески восхвалял его, сравнивая с Сократом и Сенекой, Пиндаром. Восхищался Дешан Чосером и как переводчиком: Чосер перевел на английский язык часть знаменитого «Романа о Розе»: *En bon anglais le livre translatas / ...Grand translateur, noble Geoffroy Chaucier* [Там же, Balade № 282]. Очевидно то, что Дешан не смешивал отношение к английским захватчикам-врагам и к ценимому им английскому поэту, поскольку и он, и Чосер принадлежали к одному культурному пространству, были поэтами и образованными людьми. Чосер учился не только у итальянских поэтов, но и у французских.

Более молодой современник Эсташа Дешана – Ален Шартье (ок. 1392 – ок. 1433) – выходец из Нормандии, из семьи буржуа г. Байё, учился в Парижском университете, был близок к королевскому двору. Ю.П. Малинин, посвятивший публицистическим произведениям Алена Шартье большую статью «Патриотические идеи Алена Шартье и итальянская гуманистическая мысль», считал, что именно в его прозе «с большой силой прозвучали идеи гражданственности и патриотизма» [5, с. 215]. Превознося Францию, французскую монархию и французов, под которыми в этот период чаще всего понимались подданные французского короля, Ален Шартье, в отношении которого, по мнению П.Ю. Малинина, пока остается открытым вопрос о возможных французских корнях его патриотических идей⁷ [Там же, с. 219], все же неподдельно близко переживал беды, обрушившиеся на Францию и ее народ,

⁷ Ю.П. Малинин отмечает сильное влияние на Алена Шартье идей итальянских гуманистов, в том числе и в том, что касается патриотического чувства [5, с. 218].

хотя и заключил эти переживания в несколько высокопарное по стилю стихотворение:

*Angloys, Angloys, chastiez vous
De l'ung promettre et l'autr faire,
Qui la trêve avez, comme foulz,
Rompue...
Car David pria Dieu deffaire
Ceux qui voullent guerre et non paix.
L'on doit juger selon les faictz.
...Les François n'aultres leurs voisins
Ne font point telles mirlifiques ;
Non font mesmes les Sarrasinz
Contre leur sermens auctentiques.
A Diex et aux gens détestable
Est foy mentie et traïson,
...Toujours vous voulez forvoier
Faisant ce qu'onques preux ne fist.⁸*

[11, p. 331–333]

Представляется, что пафос стихотворения Алена Шартье заключается в мысли, что предатели и лжецы, люди, лишенные доблести, коими являются, по его мнению, англичане, будут наказаны самим Богом. Другими словами, своими действиями «тупые (глупые)» (fouls), по его словам, англичане подтверждают то, что они отходят от Божеских установлений. В морально-нравственных критериях эпохи это серьезное обвинение:

*Pensez-vous que Dieu jamais souffre
Vos iniquités et injures,
Sans vous punir, quant le cas s'offre,
Comme ses autres créatures ?
Pas n'avez les têtes plus dures
Que les Bretons, le mercy Dieu !
Vieilles debtes viennent à lieu.⁹*

[11, p. 336]

⁸ Англичане, Англичане, стыдитесь / Одно обещать, а другое делать, /...Кто, имея перемирие, словно безумцы, / разрывают [его]... / Вот почему Давид молил Бога уничтожить / Тех, кто желал войны, а не мира. / Судить должны по делам. / Ни французы, ни другие их соседи, / Не занимались такой дребеденью; / Даже Сарацины так не поступали / Не нарушили истинные клятвы. / ...Ненавистные Богу и людям / Вера [ваша] есть ложь и предательство; /... Вы всегда хотите ввести в заблуждение / Делая то, что никакой доблестный человек не делает.

⁹ Вы полагаете, что Бог никогда не страдает / От ваших беззаконий и оскорблений, / Чтобы вас [за это] не покарать, когда представится случай, / Как всякое свое творение? / Нет более тупых голов, / чем у британцев, помилуй, Господи! / Старые долги придется платить.

Еще один Шартье – однофамилец Алена Шартье – Жан (1385/90–1464) – самый молодой из перечисленных поэтов, хроникер короля Карла VII, автор некоторых глав хроники “Réligieux de Saint-Denis”, монах аббатства Сен-Дени. Его перу принадлежит гневное стихотворение, адресованное англичанам, захватившим Нормандию и подошедшими близко к Парижу:

*Entre vous, Anglois et Normans,
Estant léans, dedans Pontoise,
Fuyez-vous-en, prenez les champs,
Oubliez la rivière d'Oise,
Et retournez à cervoise
De gouy vous estes tous nourris.
Sanglans, mesmeaux, puants, pourris.
...Vostre grant orgueil nous abatrons,
Soyez en seurs comme de mort.
Et bien les peaux vous fourbirons,
...Or retournez au vent du nort
Et ne parlez de combatre...
Au gibel... par la main du maistre
Passerez comme je vous compte.
Il est temps que vous rendiez compte.¹⁰*

[11, p. 325–327]

Все перечисленные поэты принадлежали к интеллектуальной эlite, чья аудитория была, вероятно, не слишком обширной, но, тем не менее, их творчество было востребовано, поскольку элитарный круг не был замкнутым. Так или иначе, их стихи переписывались и распространялись. То, что названные авторы были близки к королевскому двору Франции, также, вероятно, повлияло на их негативное отношение к англичанам, поскольку на уровне официальной позиции королевской власти образ англичан трактовался как образ «исконных врагов Франции»¹¹ [7; 8], хотя эта позиция не всегда выдерживалась строго в силу политических интересов.

Но были и другие поэты, такие, кого можно было бы назвать «простыми людьми», т.е. людьми незнатными. В Нормандии в первой половине XV в. жил и писал стихи человек, происхождение которого было весьма невысокое – он был владельцем сукновальной мельницы. И стихи его нельзя причислить к высокой поэзии. Речь идет об Оливье Басселене

¹⁰ Вы все – Англичане и Норманны, / находящиеся здесь у Понтуаза, / бегите отсюда в поля, забудьте реку Уазу, / и вернитесь к ячменному пиву, / которым вы все вскормлены. / Покрыты кровью, жалкие, источающие вонь, гниющие. / ... Вашу великую гордость мы низвергнем, / будьте уверены в этом, как и в гибели своей. / И хорошенко мы вам ваши шкуры начистим, / Так что возвращайтесь к себе на север / И не говорите о сражении... На виселицу... пойдете, как я полагаю. / ... Пришло время держать ответ.

¹¹ См., например, записи секретарей Парижского Парламента Клемана де Фокамберга и Николя де Бая.

(Olivier Basselin) (1403–1470). Оливье Басселен был главой своеобразного объединения т.н. *gallants, les compagnons galois* – веселых гуляк, живших в Нормандии, в г. Вир (Vire) на р. Во (Vaux) и сочинявших для развлечения веселые куплеты – т.н. *val-de-Vire* (отсюда испорченное «водевиль»). Здесь, в захваченной англичанами Нормандии, были мощные крестьянские восстания в 1434–1435 гг., организовывались партизанские группы для сопротивления английским солдатам [1], членом одной из которых был Оливье Басселен.

Стихи Басселена конкретны и просты. Поклонник вина, сидра, посвящавший им шутливые стихи, Басселен – любитель выпить¹², отказывает англичанам даже в праве пить вино, поскольку оно – напиток людей благородных, англичане же – настолько люди неблагородные, что достойны пить только пиво:

*Aussi je laisse la biere
Aux anglois et allemans
Et flamans
Qui ont l'ame roturiere.¹³*

[12, p. 97]

В другом стихотворении-песне Оливье Басселен восклицает: *...И большие ни слова об этих хвостатых англичанах. / Да будут прокляты абсолютно все их потомки! (...Il n'est plus mot de ces Englois couez. / Mauldicte en soyt trestoute la lignye! [12, p. 172]).*

Обращаясь к землякам, Басселен призывал:

*He ! cuidez-vous que je me joue,
Et que je voulsisse allez
En Engleterre desmourer ?
Ils ont longue coue.
Entre vous gens de village
Qui aymez le roy françois
Prenez chascun bon courage
Pour combattre les Englois.
Prenez chascun une houe,
Pour mieulx les descrasiner ;*

¹² Басселен писал:

*Si j'estoy un jour en France
Quelque officier de finance,
Verres, bouteilles, tonneaux
Seroient mes meubles plus beaux.*

[12, p. 101]

«Если бы я стал однажды во Франции / каким-нибудь финансовым чиновником, / стаканы, бутылки, бочки / были бы самым любимым моим имуществом».

¹³ Также оставляю пиво / англичанам, немцам и фланандцам, / душой неблагородным.

*S'yls ne s'en veuillent aller,
 Au mayns faictez leur la moue
 Ne craignez point, allez battre
 Ces godons,...
 Car ung de nous en vault quatre,
 Au mains en vault-il bien troys.
 Afin qu'on les esbafoue
 Autlant qu'en pourrez trouver,
 Faictez au gibet mener,
 Et qu'ennous les y encroue.
 Por Dieu ! se je les empoigne,
 Puis que j'en jure une foys,
 Je leur monstreray sans hoigne,
 De quel poisant sont mes doigtz.
 Ils n'ont laissé porc, ne oue,
 Ne guerne, ne guernellier,
 Tout enstour nostre cartier.
 Dieu s'y mect, mal en leur joue !¹⁴*

[12, p. 177]

Бесчинства англичан вызвали однозначно негативную реакцию жителей Нормандии, чьи настроения предельно ясно и выразил Оливье Бас-селен в своих стихах:

*Les Engloys ont faict desraison
 Au compagnons du Vau de Vire.
 Vous n'orrez plus dire chanson
 A ceux qui les soulloient bien dire.
 Nous prieron Dieu de bon cuer fin
 Et la doulce vierge Marye,
 Qu'el doint aux Engloys malle fin.
 Dieu le pere sy les mauldye !¹⁵*

[11, p. 302]

¹⁴ Эй! Вы считаете, что я радуюсь / И что я хотел бы уехать в Англию жить? / У них же длинный хвост. / И вы, сельчане, кто любит французского короля, наберитесь мужества, чтобы сражаться с англичанами. / Возьмите каждый мотыгу, / чтобы лучше их выкорчевывать. А если они не захотят сами уйти, / похороните их. / Не бойтесь, идите бить этих годонов (*godons* – испорченное от *goddammit*. – М.К.)... / Так как один из нас стоит их четырех или, по меньшей мере, трех. / Их надо уничтожать столько, сколько сможете найти, / Привести на виселицу, / Их там подвесить. / Ради Бога! Если я их схвачу, / И в этом я клянусь, / Я им покажу без обмана, / Насколько тяжелы мои руки. / Они не оставили ни свиньи, ни гусы, ни курицы, ни курятника во всей нашей округе. / Боже! Пошли горе на их головы!

¹⁵ Англичане оскорбили моих сотоварищей из Во де Вир. / Вы больше не осмелитесь говорить песни тем, кто привык их хорошо говорить («Говорить песни», возможно, означает «декламировать песни, протяжно рассказывать». – М.К.). / Мы будем молить Бога всем сердцем / И милую Деву Марию, / Чтобы Англичан ждал ужасный конец. / Господь – Отец наш – их проклянет!!

В этих незамысловатых, простодушных, но полных оскорбленного чувства любви к малой родине – *Vau-de-Vire*, ясно выражено чувство сопереживания всем, кто страдает от англичан. Совершенно очевидно, что оно замешано и на осознании себя подданным французского короля, за которого Басселен и его сотоварищи готовы сражаться. Англия же, напротив, в его представлении – страна, где живут не нормальные люди, а люди с хвостами. Мы не знаем, верил ли поэт буквально в эту легенду, столь распространенную среди жителей его края, или это непривычные прически англичан порождали дополнительные отрицательные коннотации, но перенос враждебного отношения к англичанам на их страну очевиден.

Образ самой Англии в поэтических опусках указанных авторов не имеет определенной характеристики, но он также прочно связан с отношением к англичанам, разорявшим французские земли и увозившим награбленное добро за море – в Англию. И, поскольку не всем авторам удалось посетить эту страну (кроме, пожалуй, Эсташа Дешана и Алена Шартье), то их представления об этом островном государстве основываются на мифологии и рассказах тех, кто там побывал. Но отрицательное отношение к англичанам – врагам Франции – переносится и на их королевство.

Подводя итог, отметим, что пафос представленных сочинений французских авторов конца XIV в. – первой половины XV в. заключается в остром переживании несчастий, обрушившихся на Францию, в идее неизбежной победы Франции над Англией.

Если в «Споре герольдов Франции и Англии» позиция строится на традиционных взаимных претензиях, без ярко выделенного эмоционального компонента, то стихотворные произведения остальных авторов имеют достаточно выраженную патриотическую позицию, характеризуемую, в т.ч., использованием сниженной лексики и прямых угроз в адрес врагов-англичан. Поэтическая форма произведений усиливает эмоциональный эффект. Можно констатировать, что за 50 лет рефлексия авторов по поводу войны и английского присутствия на французской земле претерпела закономерные изменения и свидетельствует о таком этапе, когда уже можно говорить, хотя и с оговорками, о формировании французского национального чувства, объединяющего всех подданных короля Франции. И если былая рыцарская солидарность, которая все-таки угадывается в «Споре...», и дворянская учтивость сдерживают резкие выпады и в отношении друг друга, и в отношении Франции и Англии в целом, то в произведениях поэтов, не связанных с рыцарством, гневное чувство и неприятие англичан-захватчиков можно охарактеризовать не только как выражение патриотических настроений,

но и как предтечу национального самосознания, когда *nation*, понимаемая в этот период как совокупность «уроженцев одной территории, которых объединяет и общность происхождения, и язык» [6] постепенно становится «нацией» в современном понимании слова, хотя окончательное оформление ее будет еще очень не скоро.

По мнению исследователей, патриотизм и связанные с ним чувства существовали, прежде всего, на ментальном и эмоциональном уровнях [5, с. 224], но свое материальное воплощение они имели в том числе и в литературных произведениях. Чувства, связанные с острым переживанием страданий малой родины – места рождения, переносились на Французское королевство в целом – Францию – землю французского короля, поскольку именно подданство являлось ключевым моментом самоидентификации в этот исторический период. Как писал Ю.П. Малинин, эти патриотические идеи были отчетливо монархического толка, что вполне естественно для этого периода [Там же, с. 220]. Выражение патриотических чувств, неотъемлемой частью которых была и неприязнь по отношению к англичанам, степень их эмоциональности у разных авторов зависели от многих факторов: от их социального статуса, образовательного уровня, непосредственного столкновения с ужасами войны. Люди, не пострадавшие непосредственно от разорения, военных столкновений, не потерявшие семью, всегда воспринимают войну несколько отстраненно, хотя и не безразлично. Отношение к англичанам основывалось не только на переживании страданий от того, что родной дом, родной край разорены ими, но и, как уже отмечалось, имело в своей основе монархическое чувство, т.е. чувство верности французскому королю и, соответственно, его королевству – Франции.

Библиографический список / References

1. Бароне В.А. Восстания в Нормандии в 1434–1436 гг. // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). URL: http://www.nivestnik.ru/2004_2/06.shtml (дата обращения: 18.03.2018). [Barone V.A. Revolts in Normandy in 1434–1436. *New Historical Bulletin*. 2004. No. 2 (11). URL: http://www.nivestnik.ru/2004_2/06.shtml (In Russ.)]
2. Баринг-Гоулд С. Мифы и легенды Средневековья. М., 2009. [Baring-Gould S. Mify i legendy Srednevekovja [Myths and legends of the Middle Ages]. Moscow, 2009.]
3. Каплан А.Б. Эсташ Дешан // Вестник культурологии. 2008. № 3. С. 139–144. [Kaplan A.B. Eustache Deschamps. *Bulletin of Cultural Studies*. 2008. No. 3. Pp. 139–144. (In Russ.)]
4. Кузьмина М.В. Проблемы формирования понятий «национальное чувство» и «национальное самосознание» (по материалам французских источников XIV–XV вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018.

- № 4. C. 54–73. [Kuzmina M.V. Problems of formation of concepts “national feeling” and “national consciousness” (on materials of the French sources of XIV–XV centuries). *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2018. No. 4. Pp. 54–73. (In Russ.)]
5. Малинин Ю.П. Патриотические идеи Алена Шартье и итальянская гуманистическая мысль // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 215–230. [Malinin Yu.P. Patriotic ideas of Alain Chartier and Italian humanistic thought. *Kultura i obshchestvo Italii nakanune Novogo vremeni*. Moscow, 1993. Pp. 215–230. (In Russ.)]
6. Dictionnaire ancien français (Moyen Âge). URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/dmf/nation> (accessed 18.03.2018).
7. Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris (1400–1417). Publié par A. Tuetey. 2 vols. Paris, 1885–1888.
8. Journal de Clément de Fauquembergue, greffier du Parlement de Paris (1417–1435). Publié par A. Tuetey avec la collaboration de H. Lacaille. 3 vols. Paris, 1903–1915.
9. Le débat des hérauts d’armes de France et d’Angleterre, suivi de The debate between the heralds of England and France by John Coke. Édition commentée par L. Pannier et achevée par M. Paul Meyer. Paris, 1877.
10. Oeuvres complètes d’Eustache Deschamps. URL: www.diachronie.be/deschamps/balades (accessed 18.03.2018).
11. Recueil de chants historique français depuis XIIe siècle au XVIII siècle avec des notes et une introduction par Leroux de Lancy. Première série XIIe–XVe siècles. Paris, 1841.
12. Vaux-de-Vire d’Olivier Basselin, poète normand de la fin du XIVe siècle, suivi d’un choix d’anciens vaux-de-vire, de bacchanales et de chansons, poésie normandes soit inédites, soit devenues excessivement rares; publié avec des dissertations, ds notes et des variantes par M. Louïs Du Bois. Caen, Paris, Londres, 1821.

Статья поступила в редакцию 22.10.2019, принята к публикации 07.02.2020

The article was received on 22.10.2019, accepted for publication 07.02.2020

Сведения об авторе / About the author

Кузьмина Маргарита Владимировна – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и России, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

Margarita V. Kuzmina – PhD in History; Senior Researcher at the Center “History of cross-culture communications of the West and East”, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: kuzmmargarita@yandex.ru

Историография,
источниковедение
и методы исторического
исследования

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-72-87

В.Ю. Захаров

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация;

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
125993 г. Москва, Российская Федерация

Профессор Н.В. Минаева:
портрет в контексте эпохи.
К 90-летию со дня рождения

В статье рассматриваются основные вехи биографии доктора исторических наук, профессора Н.В. Минаевой, почти полвека проработавшей на историческом факультете МПГУ (МГПИ им. В.И. Ленина), в контексте истории ее семьи, во многом отразившей драматические и трагические страницы советской эпохи. Автор делится своими впечатлениями от общения с Н.В. Минаевой, повествует о чертах ее характера, жизненной позиции, особенностях как преподавателя и ученого. Впервые приводится систематизированная библиография ее научных работ.

Ключевые слова: Н.В. Минаева, биография, Московский педагогический государственный университет, историография, история общественной мысли

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Захаров В.Ю. Профессор Н.В. Минаева: портрет в контексте эпохи. К 90-летию со дня рождения // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 72–87. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-72-87

V.Yu. Zakharov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation;

Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow, 125993, Russian Federation

Professor N.V. Minaeva: The portrait in the context of the epoch. To the 90th anniversary of her birth

The article deals with the main milestones of the biography of Doctor of History, Professor N.V. Minaeva, who worked at the Faculty of History of Moscow Pedagogical State University for almost half a century in the context of the history of her family, which largely reflected the dramatic and tragic pages of the Soviet era. The author shares his impressions of communication with N.V. Minaeva, tells about her character traits, life position, her as a teacher and a scientist. For the first time, a systematic bibliography of her scientific works is provided.

Key words: N.V. Minaeva, biography, Moscow State Pedagogical University, historiography, history of social thought

CITATION: Zakharov V.Yu. Professor N.V. Minaeva: The portrait in the context of the epoch. To the 90th anniversary of her birth. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 72–87. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-72-87

На 2019 г. приходятся две памятные даты, связанные с жизнью и деятельностью известного российского ученого, доктора исторических наук, профессора Нины Васильевны Минаевой, проработавшей почти полвека (с 1960 г. по 2009 г.) на историческом факультете Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (позже Московский педагогический государственный университет): 90 лет со дня рождения и 10 лет со дня смерти. Нина Васильевна в силу присущей ей скромности и особенностей характера не любила рассказывать о себе. В общении со своими учениками, одним из которых был автор этой статьи, она никогда не акцентировала внимание на своей биографии,

частной жизни и своих достижениях, предпочитая обсуждение научных проблем, в то же время проявляя по отношению к ученикам чуткость и заботу. Лишь в конце жизни она изменила своему правилу и в 2007 г. издала книгу своих воспоминаний «Люди русского Сопротивления», рассказав об истории своей семьи и некоторых перипетиях научной и преподавательской деятельности. К сожалению, книга вышла небольшим тиражом и практически неизвестна широкому кругу читателей. Между тем биография Нины Васильевны Минаевой и история ее семьи настолько интересны, а порой драматичны и даже трагичны, настолько переплетены с противоречивыми событиями дореволюционной и советской эпохи, что представляют несомненный познавательный интерес. Поэтому автор счел возможным еще раз рассказать уже более широкому кругу читателей о замечательном человеке и ученом, с которым он имел счастье общаться на протяжении 15 лет, и имя которого бесспорно входит в золотой фонд профессорско-преподавательского состава исторического факультета МПГУ.

Нина Васильевна Минаева прожила долгую и насыщенную событиями жизнь. Родилась она 26 января 1929 г. в Архангельске. Отец Нины Васильевны, *Василий Васильевич Минаев* (1894–1949), происходил из семьи донских казаков. По семейному преданию, род Минаевых вел свое происхождение от знаменитого донского атамана Фрола Минаева, активного участника русско-турецкой войны 1677–1681 гг. и сподвижника Петра I по Азовским походам 1695–1696 гг.¹

Василий был последним, двенадцатым, ребенком в семье. От своего отца В.А. Минаева, унтер-офицера казачьих войск, а с 1877 г. учителя в станичной школе, Василий Васильевич Минаев унаследовал математические способности. Он окончил Михайловскую артиллерийскую Академию и, будучи офицером-артиллеристом, принимал участие в Первой мировой войне, а затем в Гражданской войне на стороне белых. Трагическую судьбу семьи Минаевых можно считать олицетворением поистине братоубийственного характера Гражданской войны. Из пятерых братьев Минаевых трое воевали на стороне белых, а двое – на стороне красных. Старший брат Николай, работавший машинистом на железной дороге, был расстрелян белыми за участие в перевозке частей Красной армии. Еще один брат, Леонид, наоборот, был убежденным сторонником белого движения, попал в плен и был расстрелян красными в Луганске. Иван Минаев был мобилизован в Красную армию и воевал в войсках Буденного. Михаил Минаев служил артиллерийским офицером

¹ Биографические сведения о жизни Н.В. Минаевой и ее семье в основном взяты из книги ее воспоминаний «Люди русского Сопротивления», посвященной памяти ее отца В.В. Минаева, ставшего жертвой сталинских репрессий, а также из личных бесед с ее дочерью К.В. Оскоцкой. Подробнее о происхождении семьи Минаевых и родителях Н.В. Минаевой см.: [11, с. 18–46].

в армиях Краснова и Деникина, эмигрировал в Турцию, долгое время жил в Чехословакии, а после Второй Мировой войны переехал в США, где и умер в 1961 г. Наконец, Василий Минаев, как уже было сказано, был участником белого движения [11, с. 26, 131–143].

В марте 1920 г. под Новороссийском Василий Минаев попал в плен к красным и был сослан в Архангельск. По мнению дочери Н.В. Минаевой К.В. Оскоцкой, столь мягкий приговор в отношении В.В. Минаева объясняется, скорее всего, молодостью и интеллигентностью попавшего в плен артиллерийского офицера. Вполне возможно, не обошлось и без доли везения. Как известно, в те жестокие времена с пленными особо не церемонились, достаточно вспомнить трагическую судьбу большинства пленных белогвардейцев в Крыму в конце 1920 г., хотя бывали и исключения. Видимо, случай с В.В. Минаевым и стал таким счастливым исключением.

С 1921 г. В.В. Минаев работал учителем математики, а затем директором местной школы, где и познакомился со своей будущей женой Антониной Петровной Таратиной (1891–1979), работавшей учителем истории. Ее отец, П.А. Таратин (1852–1930), был известен в кругах архангельской интеллигенции как крупный ученый-географ и секретарь Общества изучения Крайнего Севера, филиала Русского географического общества, был награжден в 1911 г. серебряной медалью за вклад в изучение Русского Севера. Своим детям он постарался дать лучшее образование. В 1916 г. А.П. Таратина и ее сестра окончили историко-филологическое отделение Высших женских Бестужевских курсов в Петрограде. Причем это был последний дореволюционный выпуск этого известного учебного заведения [Там же, с. 37–46].

Таким образом, Нина Васильевна Минаева по своему происхождению была потомственным интеллигентом в третьем поколении, а интерес к истории и другим гуманитарным наукам она унаследовала по линии матери. Нина Васильевна была третьим по счету ребенком, всего же в семье было пятеро детей: два сына и три дочери².

² В семье В.В. Минаева и А.П. Таратиной было пятеро детей: Алексей, Елена, Нина, Александр и Вера. Все они получили высшее образование и проявили себя в творческой деятельности в сфере науки, педагогики и культуры. Трое из них стали докторами наук. Оба брата Нины Васильевны работали в оборонной промышленности. Особых успехов добился старший брат Алексей (или Лесик, как его ласково звали в семье), окончивший Московский авиационный институт и долгое время работавший ведущим конструктором в КБ Микояна, ставший доктором технических наук, дважды лауреатом Государственной премии СССР и заместителем министра авиационной промышленности. Младший брат Александр окончил физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, стал крупным ученым, доктором физико-математических наук, действительным членом Российской Академии космонавтики. Старшая сестра Елена (Лили) окончила Государственный институт театрального искусства, работала актрисой в Ленкоме, а затем диктором Всесоюзного радио. Младшая сестра Вера окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и стала известной журналисткой [11, с. 9–10, 63, 212–229, 256–259].

В 1930 г. отец Нины Васильевны был арестован, видимо, по доносу одного из сослуживцев. Освобождение из-под ареста и закрытие дела по семейному преданию объясняется элементарным подкупом следователя. Тем не менее, семья Минаевых после этих событий поспешила продать дом в Архангельске и переехала в Москву, где жили их родственники [11, с. 50–51].

В Москве В.В. Минаев устроился на должность доцента, а затем и заместителя заведующего кафедрой высшей математики Института Цветметзолото. Судя по всему, ему удалось скрыть свое белогвардейское прошлое. Проверка при его устройстве на работу, если и была проведена, то явно поверхностно. На наш взгляд, этот эпизод в какой-то степени развеивает миф о всесилии органов ОГПУ–НКВД, во всяком случае, в то время. Может быть, сказалось и то, что переезд Минаевых из Архангельска в Москву совпал с начавшимися процессами индустриализации и коллективизации, сопровождавшимися массовой миграцией населения. Факт остается фактом: В.В. Минаеву удалось затеряться среди массы переселенцев и, по сути, начать новую жизнь.

С 1930 по 1940 г. семья Минаевых проживала на Первой Поклонной улице в Москве в районе современной Поклонной горы, где удалось купить полдома у местного домовладельца. Там и прошло детство будущего историка. Н.В. Минаева впоследствии вспоминала, что семья жила скромно, но очень дружно. Родители культивировали у детей тягу к знаниям и высокие культурные запросы [Там же].

В 1940 г. в связи с расширением Можайского шоссе дом Минаевых пошел под снос и им пришлось переселиться в Подмосковье в поселок Катуар (современный Лесной городок) примерно в 25 км по киевскому направлению железной дороги. Нине Васильевне с сестрой и братом приходилось каждый день ездить в московскую школу № 59, находившуюся в Староконюшенном переулке на Арбате.

Вскоре началась Великая Отечественная война. 9 июля 1941 г. В.В. Минаев вступил добровольцем в 5-ю дивизию Народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы и был отправлен на фронт. Дальнейшая судьба отца Нины Васильевны сложилась трагически. Дивизия, где он служил, попала в окружение под Вязьмой в начале октября 1941 г., и В.В. Минаев оказался в немецком плену. Он никогда не испытывал особых симпатий к советской власти. Поэтому, находясь в лагере для военнопленных под Минском, В.В. Минаев с группой единомышленников создал Всероссийскую национальную партию, которую рассматривал как своеобразную «третью силу» в борьбе с тоталитарными режимами, как в СССР, так и в Германии. Формально пойдя на сотрудничество с немцами, В.В. Минаев и его единомышленники были

освобождены и получили возможность свободно перемещаться по большей части Европы для вербовки сторонников. Воспользовавшись этим, они установили контакт с эмигрантскими белогвардейскими кругами, в том числе с наследником российского престола великим князем Владимиром Кирилловичем. Одновременно были установлены связи с антифашистским движением Сопротивления, прежде всего в Чехии и Словакии, куда В.В. Минаев в 1943–1944 гг. неоднократно приезжал и где встретил своего брата М.В. Минаева. Находясь на территории Словакии, В.В. Минаев, видимо, пытался заниматься и педагогической деятельностью. Во всяком случае, судя по его письмам семье уже после войны, в 1943 г. он был избран профессором по кафедре математики Братиславского университета и Братиславского политехнического института [11, с. 236–237].

По его словам, в 1944 г. ему удалось перебросить в Словакию более 150 бывших советских военнопленных для участия в готовившемся Словацком национально-освободительном восстании. О том, что он не был настоящим коллаборационистом, свидетельствует его арест гестапо в августе 1944 г. по подозрению в связях с заговорщиками, организовавшими покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. и в шпионаже в пользу Англии и СССР. В.В. Минаев был заключен в тюрьму Моабит в Берлине. Подозрения, видимо, не подтвердились, т.к. в апреле 1945 г. он был отправлен в лагерь для военнопленных офицеров под Берлином, где его освободили части советской армии в мае 1945 г. Однако на свободе он пробыл недолго. В августе 1945 г. после соответствующей проверки в фильтрационном лагере В.В. Минаев был приговорен военным трибуналом Группы оккупационных советских войск в Германии к 10 годам лишения свободы по статье 58-1 «б» УК РСФСР об измене Родине и отправлен в лагерь ГУЛАГа в Инту (Коми АССР)³.

В 1949 г. дело В.В. Минаева было отправлено в Москву для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам (скорее всего, органам МГБ стали известны сведения об антисоветской деятельности В.В. Минаева во главе Всероссийской национальной партии). Но до нового приговора, который, скорее всего, был бы расстрельным, он не дожил. 6 ноября 1949 г. В.В. Минаев умер в Бутырской тюремной больнице от острой сердечной недостаточности [Там же, с. 153].

³ В 1946 г. В.В. Минаеву, находившемуся в лагере в Инте, удалось установить связь со своей семьей. Нелегальная переписка между ними продолжалась с перерывами до 1948 г. С этого момента семья Минаевых ничего не знала о судьбе своего отца и мужа. Лишь в 1964 г. при оформлении зарубежной командировки Н.В. Минаева узнала о гибели своего отца в следственном изоляторе Бутырской тюрьмы. (Подробнее о пребывании В.В. Минаева в немецком плена, а затем в советских лагерях и Бутырской тюрьме см. [11, с. 84–198, 230–299].

В 1941 г. В.В. Минаев считался пропавшим без вести. Его жена и пятеро детей оказались в крайне тяжелом положении фактически без средств к существованию. Наиболее тяжелой была зима 1941/42 гг., которую семья Минаевых провела в Катуаре в летнем дачном домике, не приспособленном для проживания в условиях суровых холодов. Нина Васильевна впоследствии вспоминала, что это, наверное, был самый тяжелый год в ее жизни. От голодной смерти семью спасла помощь родственников, а также то, что сестры Минаевы устроились работать в мастерские по пошиву обмундирования и получили дополнительные продуктовые рабочие карточки. К тому же Нина Васильевна с сестрами Еленой и Верой пела в школьном хоре, который выступал с концертами в госпиталях, где девочек в знак благодарности кормили. Впоследствии Нина Васильевна Минаева была награждена медалью «За доблестный самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны» [1, с. 33].

В 1942 г. положение семьи Минаевых изменилось к лучшему. Маме Нине Васильевны, работавшей учителем истории в школе № 65, выделили для проживания пионерскую комнату. В ней семья Минаевых из шестерых человек и провела все военные годы. В 1946 г. Минаевы получили две отдельные комнаты в коммунальной квартире на улице Плющиха.

Нина Васильевна Минаева в 1942 г. возобновила обучение в женской школе № 76, которую и закончила в 1947 г. В том же году она поступила на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, который окончила с отличием в 1952 г. Впоследствии Нина Васильевна вспоминала, с каким воодушевлением она и ее однокурсники – дети военного времени – впитывали знания на лекциях выдающихся ученых: С.В. Бахрушина, К.В. Базилевича, Н.М. Дружинина, М.В. Нечкиной, П.В. Зайончковского и других. Именно тогда у Н.В. Минаевой зародился особый интерес к истории русской общественной мысли второй половины XVIII – первой половины XIX вв., впоследствии ставшей ее научной специализацией. Во многом это произошло под влиянием любимого преподавателя – профессора С.С. Дмитриева (1906–1991), специалиста по истории культуры и русской общественной мысли XIX – начала XX вв., лекции которого, по словам Н.В. Минаевой, создавали ощущение живого духа ушедших эпох и связи времен. Именно он стал научным руководителем Нины Васильевны во время ее учебы в аспирантуре. Память о своем любимом учителе Н.В. Минаева пронесла через всю жизнь. Она посвятила ему одну из своих последних монографий «Век Пушкина». В квартире Нины Васильевны всегда хранился портрет С.С. Дмитриева.

До поступления в аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова Н.В. Минаева работала учителем истории в школе № 59 Киевского района г. Москвы. Впоследствии всем своим ученикам она рекомендовала начинать научно-преподавательскую карьеру с работы в школе, вполне обоснованно считая, что она дает неоценимый опыт, расширяет эрудицию и кругозор, чего не может дать работа кабинетного ученого [1, с. 336–337].

В феврале 1958 г. после окончания аспирантуры Н.В. Минаева защищила кандидатскую диссертацию на тему «Петрашевцы и идеи утопического социализма» под руководством кандидата исторических наук, профессора С.С. Дмитриева [2].

В 1960 г. Н.В. Минаева становится преподавателем кафедры истории СССР (затем России) исторического факультета Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина, где проработала до самой смерти в 2009 г., т.е. почти полвека. Вначале она занимала должность ассистента (с 21 июля 1960 г.), затем старшего преподавателя (с 24 ноября 1962 г.); доцента (с 26 декабря 1966 г., звание доцента получила 12 июля 1977 г.); профессора (с 29 августа 1985 г., звание профессора получила 12 декабря 1986 г.) [1, с. 338].

В 1960-е гг. после небольшого перерыва, связанного с замужеством и рождением детей⁴, Н.В. Минаева продолжила заниматься изучением истории русской общественной мысли первой четверти XIX в., сначала революционно-демократического направления, затем либерального. В 1963 г. выходит ее первая книга «Грановский в Москве», написанная в жанре научно-популярного исследования [3].

С конца 1960-х гг. начинается новый этап в исследованиях Н.В. Минаевой. В центре ее научных интересов оказывается вопрос об идейных истоках политических и правовых взглядов декабристов, степени использования ими европейского опыта. Решению этой проблемы посвящены интересные статьи Нины Васильевны, вышедшие на рубеже 1960–1970-х гг. в которых она одной из первых в советской историографии доказала непосредственную связь политических проектов и планов декабристов с европейскими революциями начала 1820-х гг., особенно испанской [4; 5]. К середине 1970-х гг. круг научных интересов

⁴ Муж Нины Васильевны, Валентин Дмитриевич Оскоцкий (1931–2010), был известным литературоведом и публицистом, одним из ведущих сотрудников «Литературной газеты», членом редколлегии «Литературного обозрения», редактором газеты «Литературные вести», членом правления общества «Мемориал». Часто супруги работали совместно и в соавторстве написали несколько научных статей и рецензий. У супружеского Оскоцких-Минаевых было двое детей – старшая дочь Ксения Валентиновна и младший сын Василий Валентинович. Оба окончили факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Н.В. Минаевой постепенно эволюционировал от изучения идеологии петрашевцев через анализ идейных истоков западничества к рассмотрению идеологических предпосылок движения декабристов, т.е. с середины XIX в. сместился к рубежу XVIII–XIX вв.

В апреле 1984 г. Нина Васильевна Минаева защитила докторскую диссертацию на тему «Конституционные тенденции в политических проектах России начала XIX в.» (научный консультант – доктор исторических наук, профессор И.В. Порох, официальные оппоненты – доктора исторических наук Л.С. Семенов, А.Н. Цамутали, А.М. Станиславская). Избранная тема исследования в то время выглядела необычной и новаторской, т.к. для большинства советских историков, специализировавшихся на изучении проблем общественного движения и политической истории России первой четверти XIX в., было характерно негативное отношение к мировоззрению и инициативам, исходившим от самодержавия и дворянской аристократии. Видимо, поэтому тема диссертации Н.В. Минаевой не нашла понимания у руководства кафедры, где она работала, и ей пришлось проводить защиту на историческом факультете Ленинградского государственного университета.

Но вполне возможно, подобное отношение к Н.В. Минаевой на кафедре было уже давно. Оно ведет свое начало с эпизода, произошедшего в 1964 г., когда, получив отказ при оформлении командировки со своим мужем в Италию, она обратилась за разъяснением причин отказа в органы КГБ. Именно тогда она узнала о гибели своего отца и тех обвинениях, которые ему предъявились. Во время беседы с сотрудником КГБ ее упрекнули в сокрытии факта нелегальной переписки с отцом в 1946–1948 гг., но обещали не предавать этот факт огласке. Тем не менее, в начале следующего учебного года в сентябре 1964 г. Н.В. Минаеву вызвали в партком МГПИ и предъявили обвинение в сокрытии факта общения с «изменником Родины». На нее стали готовить «персональное дело», что могло привести к увольнению из института. Лишь вмешательство старшего брата, А.В. Минаева, занимавшего к тому времени высокое положение в авиационной промышленности, предотвратило такое развитие событий. Тем не менее, Н.В. Минаева получила клеймо «дочери изменника Родины», что фактически ставило крест на ее дальнейшей карьере. С этого момента и до конца 1980-х гг. Н.В. Минаевой чинились всевозможные препоны в ее научной и педагогической деятельности. Это и длительное неприсвоение звания доцента (хотя Н.В. Минаева работала в этой должности 11 лет с 1966 г. по 1977 г.); и препятствия в издании монографии в Москве (при наличии вузовского издательства ей пришлось договариваться об издании своей монографии в Саратове); и, наконец,

упоминавшаяся выше проблема с защитой диссертации по месту работы. Сюда же следует отнести и фактическое отсутствие поощрений со стороны руководства МГПИ. За все время работы Н.В. Минаева была награждена только грамотой (1963 г.) и двумя благодарностями (1962 г. и 1972 г.), причем последняя давалась всем сотрудникам вуза в ознаменование 100-летнего юбилея МГПИ. Остается только удивляться, как у Н.В. Минаевой хватило мужества и упорства не опустить руки, преодолеть все трудности и успешно защитить докторскую диссертацию, работе над которой она посвятила более 10 лет своей жизни [1, с. 338; 11, с. 15].

Материалы диссертации предварительно были опубликованы в нескольких научных статьях, в том числе в ведущих исторических журналах, а также в монографии «Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века», изданной в 1982 г. в Саратове и сделавшей имя Н.В. Минаевой известным в широких научных кругах [6–8].

Вторую половину 1980-х и 1990-е гг., наверное, можно считать расцветом ее научной и педагогической деятельности. В эти годы Н.В. Минаева вела активную педагогическую работу. В МПГУ она читала общий лекционный курс по истории России первой половины XIX в., а также многочисленные разработанные ею спецкурсы и спецсеминары. Среди них «Исторические портреты деятелей XIX столетия», «Конституционная мысль России в контексте европейской и американской правовой науки», «Русские реформаторы от Н.И. Панина до П.А. Столыпина», «Декабристы и европейские конституции», «Декабристы и американская конституция», «Россия и Европа. Российско-европейские общественные и культурные связи XVIII–XIX вв.», «Русская усадебная культура рубежа XVIII–XIX вв.», «История русского национального театра», «Русская идеалистическая философская школа», «История русской конституционной мысли XIX в.» и др. Лекции и семинары Н.В. Минаевой отличались внушительным объемом ценной исторической информации и стремлением раскрыть творческий потенциал студентов, подтолкнуть их к самостоятельной работе с историческими источниками и литературой.

Значительную часть времени Нина Васильевна уделяла работе с аспирантами и докторантами. Характерными особенностями педагогического почерка Нины Васильевны являлись отсутствие доктринерства, ненавязчивость, стремление предоставить ученикам возможно большую самостоятельность в их творческом поиске, но требуя при этом научной добросовестности, точности в использовании исторических источников, уважительного отношения к своим предшественникам.

В эти же годы Н.В. Минаева принимала активное участие в международных и всероссийских научных конференциях, в сотрудничестве вузов и других научных учреждений, как в нашей стране, так и за рубежом. Свидетельством высокого международного научного авторитета Нины Васильевны являлось ее приглашение в 1990 г. по рекомендации американских историков М. Раева и С. Уиттакер в Колумбийский университет США, где она прочитала курс лекций. В 1994 г. Н.В. Минаева приняла активное участие в российско-итальянской научной конференции «Российский конституционализм» при Институте российской истории РАН. В 1997–1998 гг. она прочла курсы лекций в десяти российских университетах на основе грантов Института «Открытое общество».

В 2000-е гг. Нина Васильевна продолжила активную научно-педагогическую работу, хотя состояние ее здоровья резко ухудшилось. Она являлась членом трех диссертационных советов в МПГУ под руководством Э.М. Щагина, А.А. Данилова и М.Ю. Лачаевой, постоянно приглашалась в качестве оппонента по диссертациям в других вузах

В 2004 г. Н.В. Минаева опубликовала книгу своих воспоминаний «Люди русского сопротивления», в которой рассказала об истории своей семьи и, прежде всего, о трагической судьбе своего отца В.В. Минаева. В книге приводится много ценной информации по ряду эпизодов новейшей российской истории, увиденных глазами очевидца. Прежде всего, это описание обстановки в Москве и поведения жителей в самые критические дни Московской битвы 16–20 октября 1941 г. накануне и во время введения осадного положения. Весьма интересны описания бытовых подробностей жизни москвичей и, особенно, представителей интеллигенции до, во время и после Великой Отечественной войны. Наконец, в книге опубликована подборка писем отца В.В. Минаева из лагеря в Инте, дающая важную информацию о быте политзаключенных, а также предпринимается попытка реконструировать по отрывочным данным программу Всероссийской национальной партии, созданной В.В. Минаевым во время пребывания в плену.

С 2005 г. началось плодотворное сотрудничество Н.В. Минаевой с издательством «Собрание», благодаря которому были опубликованы три монографии (в 2007–2010 гг.), ставшие своеобразным итогом творческих исканий ученого [12–14].

В конце своей жизни Н.В. Минаева отдала дань биографическому жанру, опубликовав в сборнике «Российский либерализм: идеи и люди», вышедшем в 2007 г., интересные психологические портреты Н.И. Панина, А.Р. Воронцова, А.А. Чарторижского и И.Д. Якушкина [9; 10; 15].

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о научном методе и личных качествах Нины Васильевны. Исходя из особенностей

ее научных работ и личного общения с ней как научным руководителем, могу отметить, что во главу угла она всегда и везде ставила принцип исторического объективизма и философского позитивизма. Главным для нее всегда был *письменный источник*. По ее мнению, только на основе тщательного изучения комплекса источников по выбранной теме, их перекрестного сопоставления, критического анализа и т.д. можно делать определенные выводы. Поэтому Нина Васильевна настороженно относилась к обсуждению умозрительных проблем, не основанных на достаточном количестве источников. В качестве примера приведу следующий случай. Однажды во время работы над моей диссертацией мы обсуждали монографию А.Н. Сахарова об Александре I, в частности то, что автор допускал возможность тайного отречения Александра I в 1825 г. (знаменитая легенда о Федоре Кузьмиче). Нина Васильевна поинтересовалась моим мнением. Я ответил, что исходя из психологических особенностей Александра I, его неоднократных высказываниях об отречении, чувство вины за участие в убийстве отца и неудаче реформ, которые могли хоть как-то это компенсировать, я тоже допускаю подобный исход событий. На что Нина Васильевна довольно резко возразила, что существует комплекс источников с описанием течения болезни и вскрытия тела Александра I, подписанных официальными лицами, включая его жену, лейб-медика и адъютанта. В распоряжении сторонников гипотезы об отречении таких источников нет, а значит, все их рассуждения – не на чем не основанные домыслы.

В этой же связи лежит и довольно противоречивое отношение Н.В. Минаевой к все более популярной в последнее время *теории альтернатив*. Несмотря на то, что большая часть ее работ была посвящена как раз анализу нереализованной конституционной альтернативы политического развития России первой четверти XIX в., тем не менее, она считала, что к рассуждениям на тему «что могло бы быть...» нужно относиться с крайней осторожностью, т.к. к они могут нас увести в область догадок и допущений, проверить истинность которых вряд ли представляется возможным.

Н.В. Минаева была противницей чрезмерных обобщений, требуя от своих учеников предельно конкретного анализа исторических фактов, основанных на *конкретных* источниках. Кроме того, Нина Васильевна всегда требовала тщательной проверки информации, полученной из работ других историков, видимо, помня случай, произошедший с ней на заре ее научной карьеры. В то же время она была сторонницей компаративного метода и использования в исторических исследованиях междисциплинарного подхода, признавая вполне обоснованным применение методов и разработок смежных гуманитарных наук, например,

теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений, политологии и др.

Н.В. Минаева была убежденной сторонницей академического стиля, не допускающего чрезмерных вольностей и эмоций. Ее научные работы отличаются четкими формулировками, немногословностью, использованием кратких предложений. При внешней малоэмоциональности, даже в какой-то степени, сухости стиля, каждая фраза несет в себе четкий смысл и исключает двусмысленность в понимании.

«Фирменным» признаком творчества Н.В. Минаевой было предельно корректное и уважительное отношение к трудам своих предшественников, даже если она и не была согласна с какими-то сторонами их концепций. Эту черту она всегда пыталась привить и своим ученикам. При этом корректность сосуществовала с предельной принципиальностью. Нина Васильевна никогда не кривила душой, не подлаживалась под конъюнктуру, не называла черное белым и наоборот, всегда высказывала собственное мнение, пусть и нeliцеприятное. С одной стороны, это сказывалось на ее карьере, но с другой стороны, эти качества Нины Васильевны, ее научная добросовестность способствовали росту ее авторитета и уважения к ней в широких научных кругах. Со многими ведущими историками у нее сложились не только профессиональные, но и дружеские отношения. Среди них следует отметить, прежде всего, профессоров В.А. Федорова и Н.А. Троицкого. С огромным уважением к Н.В. Минаевой относились А.А. Левандовский, Н.С. Киняпина, А.А. Данилов, Н.А. Прокурякова, А.Н. Медушевский, С.В. Мироненко.

Что касается личных качеств Нины Васильевны, то практически все, кто с ней общался, отмечали, прежде всего, ее интеллигентность и высочайший уровень внутренней культуры. Нина Васильевна обладала запоминающейся «профессорской» внешностью. Первое, что запоминалось при встрече с ней, – это на редкость одухотворенное лицо и доброта, светящаяся в глазах. Также к лучшим качествам Нины Васильевны относились удивительная тактичность, доброжелательность, внимательность к людям и уже упомянутая принципиальность.

В обычной жизни Н.В. Минаева была очень скромным и непрятязательным человеком. Жила с многочисленной семьей в малогабаритной трехкомнатной квартире, на дачу ездила на общественном транспорте, на работу предпочитала ходить пешком. Скромность и чувство собственного достоинства зачастую не позволяли ей обивать пороги кабинетов чиновников и требовать предоставления различных материальных благ. В результате Нина Васильевна оказывалась часто «обойденной» в решении, например, квартирного вопроса, или получения почетных

званий, которые она давным-давно заслужила. Забывая часто о себе, Нина Васильевна постоянно стремилась заботиться об окружающих. Качество, крайне редко встречающееся в наше время и достойное огромного уважения.

Нина Васильевна была великолепным педагогом, воспитавшим двух докторов и девять кандидатов наук. Уже на этом основании можно говорить о создании *научной школы* Н.В. Минаевой, связанной с исследованием проблем эволюции конституционных идей в России и Европе, идеологии легитимизма, истории правовой и общественно-политической мысли второй половины XVIII – первой половины XIX вв.

8 ноября 2019 г. на кафедре истории России Института истории и политики МПГУ состоялся научный семинар, посвященный 90-летию Нины Васильевны Минаевой, в котором приняли участие ее ученики, а также преподаватели кафедры, аспиранты, магистры и студенты.

Таким образом, дело, которому Н.В. Минаева посвятила практически всю жизнь, не забыто и нашло свое продолжение в работах ее благодарных учеников. Для всех нас, кто имел счастье знать Нину Васильевну и общаться с ней, она навсегда останется Человеком, Ученым и Учителем с большой буквы, о котором мы будем всегда хранить самые теплые воспоминания и сохранять к ней и ее семье чувство признательности и благодарности.

Библиографический список / References

1. Кунц Е.В., Яблоков С.А. Слово об учителе. Нина Васильевна Минаева (1929–2009) // Ключевые чтения 2011 г. Т. 1. В.О. Ключевский и познание русской истории. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2011. С. 336–354. [Kunts E.V., Yablokov S.A. Word about Teacher. N.V. Minaeva (1929–2009). *Kluchevskie chtenia 2011. Vol. 1. V.O. Kluchevskiy and Knowledge about Russian people.* Moscow, 2011. Pp. 336–354. (In Russ.)]
2. Минаева Н.В. Петрашевцы и идеи утопического социализма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1957. [Minaeva N.V. Petrashevtsy i idei utopicheskogo socializma [Petrashevtsy and the ideas of utopic socialism]. PhD theses. Moscow. 1957.]
3. Минаева Н.В. Грановский в Москве. М., 1963. [Minaeva N.V. Granovskiy v Moskve [Granovsky in Moscow]. Moscow. 1963.]
4. Минаева Н.В. Отражение опыта европейских революций 20-х гг. XIX в. в теории и тактике декабристов // Московский педагогический институт имени В.И. Ленина. Ученые записки. № 286. М., 1967. С. 45–65. [Minaeva N.V. The reflection of experience european revolutions in 1820-th years old in the theory and practice of Decembrists. *Moskovskiy pedagogicheskiy institut imeni V.I. Lenina. Uchenye zapiski.* № 286. Moscow, 1967. Pp. 45–65. (In Russ.)]

5. Минаева Н.В. К вопросу об идейных связях движения декабристов и испанской революции // Исторические записки. Т. 96. К 150-летию восстания декабристов. М., 1975. С. 60–78. [Minaeva N.V. For the question about connection of Decembrists with Spanish revolution. *Istoricheskie zapiski. K 150-letiu vosstaniya dekabristov*. Moscow, 1975. Pp. 60–78. (In Russ.)]
6. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм в России после Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 32–41. [Minaeva N.V. Governmental constitutionalism in Russia after Patriotic war 1812. *Voprosy istorii*. 1981. No. 7. Pp. 32–41. (In Russ.)]
7. Минаева Н.В. Конституционные тенденции в политических проектах России начала XIX в.: Автограф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1983. [Minaeva N.V. Konstitutsionnye tendentsii v politicheskikh proektaх Rossii nachala XIX veka [Constitutional tendentious in the political projects in Russia at the beginning of XIX century]. Dr. Hab. theses. Leningrad, 1983.]
8. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. [Minaeva N.V. Pravitelstvennyi konstitutsionalizm i peredovoye obshchestvennoe mnenie Rossii v nachale XIX veka [Governmental constitutionalism and progressive opinion in Russia at the beginning of XIX century]. Saratov, 1982.]
9. Минаева Н.В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 71–91. [Minaeva N.V. Nikita Ivanovich Panin. *Voprosy istorii*. 2001. No. № 7. Pp. 71–91. (In Russ.)]
10. Минаева Н.В. Миротворческие идеи внешнеполитического проекта А. Чарторыйского (1804–1807) // Миротворчество в России: церковь, политики, мыслители. От раннего Средневековья до рубежа XIX–XX вв. М., 2003. С. 139–159. [Minaeva N.V. Peaceable ideas of foreign policy project A. Chartoryzsky (1804–1807). *Mirovorchestvo v Rossii: tserkov, politiki, mysliteli. Ot rannego Srednevekova do rubezha XIX–XX vekov*. Moscow. 2003. Pp. 139–159. (In Russ.)]
11. Минаева Н.В. Люди русского сопротивления. М., 2004. [Minaeva N.V. Ludy russkogo Soprotivleniya [People of Russian resistance]. Moscow, 2004.]
12. Минаева Н.В. Век Пушкина. М., 2007. [Minaeva N.V. Vek Pushkina [The century of Pushkin]. Moscow, 2007.]
13. Минаева Н.В. М.М. Сперанский в воспоминаниях современников. М., 2009. [Minaeva N.V. M.M. Speranskiy v vospominaniyah sovremennikov [M.M. Speransky in memoirs of contemporaries]. Moscow, 2009.]
14. Минаева Н.В. Потаённая русская конституция. М., 2010. [Minaeva N.V. Potaionnaya russkaya konstitutsiya [The secret Russian constitution]. Moscow, 2010.]
15. Российский либерализм: идеи и люди (биографические очерки) / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. [Rossiyskiy liberalism: idei i ludy (biograficheskie ocherki) [Russian liberalism: Ideas and people (biographic stories). A.A. Kara-Murza (ed.). Moscow. 2007.]

Статья поступила в редакцию 20.12.2019, принятa к публикации 31.03.2020
 The article was received on 20.12.2019, accepted for publication 31.03.2020

Сведения об авторе / About the author

Захаров Виталий Юрьевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры истории, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Vitaly Yu. Zakharov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; Professor at the Department of History, Moscow Aviation Institute (National Research University)

E-mail: vz1974@yandex.ru

Политическая культура и идеология

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-88-105

С.Б. Маргулис

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571 г. Москва, Российская Федерация

К вопросу о теоретических основах и историческом развитии радикального ислама как политической идеологии

Целью статьи является краткий анализ теоретических основ радикального исламизма как политической идеологии и рассмотрение основных исторических этапов его формирования на примерах высказываний конкретных религиозно-политических деятелей. В рамках статьи приводятся основные положения теоретиков радикального ислама, на идеологической базе которых действуют современные экстремистские группировки, такие как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Хизбут-Тахрир» и многие другие. Автор обращается к Корану и сборнику хадисов «Муснад» Ахмада ибн Ханбала, а также трудам Ибн Таймии, Ибн Ваххаба, Хасана аль-Банны, Сейида Кутба, Абу-ль-Аля Маудуди и т.д., а также трудам отечественных и зарубежных ученых, занимающихся данной проблематикой. Первая часть статьи посвящена базовым постулатам радикального ислама, вторая сосредоточена на их практическом воплощении в политической практике мусульманских государств. По мнению автора, на протяжении истории исламский радикализм периодически получал существенное распространение как один из ответов мусульманского мира, с одной стороны,

© Маргулис С.Б., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

на внешнее давление, а с другой – на процессы, происходящие внутри самого исламского мира, которые определенная группа «ревнителей» трактовала как отступление от истинного смысла данной религии.

Ключевые слова: религия, радикальный ислам, исламизм, мусульмане, исламский фундаментализм, идеология

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Маргулис С.Б. К вопросу о теоретических основах и историческом развитии радикального ислама как политической идеологии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 88–105. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-88-105

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-88-105

S.B. Margulis

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, 119571, Russian Federation

On the theoretical foundations and historical development of radical Islam as a political ideology

The purpose of this article is the analysis of the theoretical foundations of radical Islamism as a political ideology and consideration of the main historical stages of its formation, on the examples of specific religious and political figures. The article presents the main principles of the theorists of radical Islam, on the ideological basis of which there are modern extremist groups such as "Islamic State", "Al-Qaeda", "Hizbut-Tahrir" and many others. The author addresses the Koran and the collection of Hadiths "Musnad" by Ahmad ibn Hanbal, as well as the works of Ibn Taymiyyah, Ibn Wahhab, Hassan al-Banna, Seyyid Kutub, Abu al-Al Al-Maududi, etc., as well as the works of local and foreign scholars in this research area. The article is divided into two main parts, the first of which is devoted to the basic postulates of radical Islam, the second is focused on their practical implementation in the political practice of Muslim States. The author came to the conclusion that throughout the history Islamic radicalism periodically received a substantial distribution as one

of the answers of the Muslim world, on the one hand, to external pressure, and on the other to the processes happening within itself that a certain group of "zealots" interpreted as the deviation from the true meaning of the religion.

Key words: Religion, radical Islam, Islamism, Muslims, Islamic fundamentalism, ideology

CITATION: Margulis S.B. On the theoretical foundations and historical development of radical Islam as a political ideology. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 88–105. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-88-105

Начиная со второй половины XX в. в мусульманском мире наметились существенные политические и социально-экономические изменения. В современном исламском социуме все больше стал проявляться феномен так называемого исламского радикализма или фундаментализма, причем в глобальном масштабе. На многих территориях компактного проживания мусульман возникло немалое число религиозно-политических организаций, группировок и сект, продвигающих идею установления подлинного исламского правления в отдельно взятой стране, регионе или мире в целом путем борьбы с «неверными». Подобные радикальные структуры активно действовали и продолжают действовать в таких регионах, как Ближний Восток, Центральная и Юго-Восточная Азия, Северный Кавказ и т.д. Многие группировки прибегают к откровенно экстремистским методам противостояния своим идеологическим противникам, обращаясь к так называемому малому или боевому джихаду, и становятся угрозой всему мировому сообществу. Для успешного противостояния мировому исламизму необходимо качественное научное осмысление идеологической базы фундаменталистов.

Целью настоящей работы является краткий анализ теоретических основ радикального исламизма как политической идеологии и рассмотрение основных исторических этапов его формирования, на примерах конкретных религиозно-политических деятелей.

Проблема радикального ислама рассматривалась в работах отечественных ученых: А. Игнатенко, Г. Милославского, И. Добаева, А. Коровикова, а также зарубежных специалистов таких, как Г. Фуллер, Д. Пайпс и др. Исламизм на Ближнем Востоке изучали П. Берген, Л. Райт, С. Демиденко, Г. Мирский. Ситуацию в Центральной Азии рассматривали А. Нанаева, Б. Бабаджанов, М. Олкотт и др. О фундаментализме в Юго-Восточной Азии писали Е. Канаева и Н. Рогожина. При этом, несмотря на достаточно большое количество научных трудов, тема не является достаточно изученной и требует дальнейших исследований.

Базовые постулаты исламского фундаментализма

Исламский радикализм как политическое явление в своем практическом воплощении привязан к конкретным социально-экономическим, культурным и иным реалиям мусульманского социума, в котором он возникает. Вместе с тем, исходя из ретроспективного анализа фундаменталистских движений в исламских государствах и обществах, можно сделать вывод, что все они в значительной степени опираются на общий идеино-смыс洛вой фундамент, основа которого была заложена еще в Средние века.

В настоящее время большинство исследователей сходятся во мнении, что истоки радикального ислама (ваххабизма, салафизма) следует искать в одной из мусульманских богословско-правовых школ (мазхабов), а именно в Ханбалитском мазхабе. Данная школа является одним из четырех официально признаваемых в суннитском мире мазхабов (наряду с маликитским, шиитским и ханафитским). Основателем данного течения является исламский юрист и богослов Ахмад ибн Ханбал (780–855). В его эпоху в Аббасидском халифате набирало силу течение мутазилитов («обособившихся»), адепты которого исходили из религиозной рациональности, в том числе рукотворности Корана. Насаждение халифом аль-Мамуном (786–833) мутазилитских постулатов, безусловно, сказалась на мировоззрении ибн Ханбала, который за свои традиционалистские убеждения и отказ признавать новые догматы даже получил два года тюремного заключения [2, с. 222]. Он учился у Мухаммада аш-Шафии (767–820), основоположника шафитской правовой школы, однако взгляды Ахмада ибн Ханбала были гораздо более консервативны. Это, вероятно, связано с тем, что во времена аш-Шафии, который к тому же в последние годы своей жизни вообще абстрагировался от политических вопросов, позиции мутазилитов в халифате не были столь сильны, как в эпоху ибн Ханбала (начиная с 813 г.).

Главным трудом имама Ахмада стал сборник «Муснад», содержащий более 30 тыс. хадисов [26]. При этом большинство исламоведов утверждают, что сам ибн Ханбал, хоть и считается уважаемым фахихом («знающим»), никогда не писал книг по фикху (исламскому праву) [25, р. 76]. То есть де-факто, как утверждает доктор наук в сфере мусульманского права Мединского Исламского Университета Шейх Амир Бахджат, он не составлял свой мазхаб [4]. И его фетвы (решения), на основе которых фактически и был сформирован ханбалитский мазхаб, были записаны его учениками, среди которых особое место занимает Абу Дауд (автор сборника хадисов («Сунан Абу Дауда») и сыновья Ахмада ибн Ханбала (Абдуллах и Салих). Это крайне важно,

т.к. позиция ибн Ханбала по многим вопросам, где мнения сторонников различных мазхабов принципиально различаются, достоверно неизвестна [25, р. 75]. Например, это касается вопроса поклонения могилам и чтения Корана над ними, что современными салафитами (по большей части сторонниками ханбалитского масхаба, хотя существуют и исключения) однозначно считается широком (многобожием) [15, с. 110]. В этом они регулярно обвиняют своих идеологических противников – суфииев, считая их фактически еретиками, ссылаясь в т.ч. и на самого ибн Ханбала. Однако в одном из хадисов «Муснада» имам Ахмад говорит о халифе Марване I (623–685), который увидел сподвижника пророка Мухаммеда Абу Айюбе (576–674), приложившего голову к могиле посланника Бога [26].

В целом, основные положения, которым должна следовать мусульманская община по ханбалитскому мазхабу, выглядят следующим образом. Прежде всего за базовую модель не только поведения мусульмана, но и подхода к толкованию Корана и Сунны, а также выведению из них иных религиозно-правовых положений и норм, должен быть взят пример самого пророка Мухаммада и его сподвижников. Необходимо стараться наиболее точно придерживаться их образа жизни. Толкование Корана и Сунны не должно производится путем рационализма и логики. Это их кардинально отличает от более либеральных ханафитов, которые считают нормальным использование кыяса, т.е. исламского аналога precedента – суждения по аналогии с ситуациями из Корана и Сунны, в вопросах, по которым в Священном писании не дается четкого ответа. Между течениями по этому вопросу существует спор. В частности, ханафиты аргументируют возможность использования кыяса 59 аятом, 4 суры Корана, в котором говорится «если же вы станете препираться о чем-нибудь, то обратитесь с этим к Аллаху и Посланнику, если вы веруете в Аллаха и Последний день» [17]. Ханбалиты же приводят слова сына имама Ахмада, Абдуллаха, который донес до мусульман позицию отца по данному вопросу. Он пишет о том, что даже «слабый хадис сильнее суждения» [1]. Различное отношение существует также и к иджме (согласованное мнение исламских правоведов по какому-либо вопросу), к которой ханбалиты фактически не прибегают вообще. Все последующие нововведения (бода), как в вопросах права и богословия, так и в бытовых аспектах, которые не находят прямого подтверждения в Коране, хадисах, а также среди согласного мнения первых трех поколений исламских авторитетов («праведных предков»), должны быть отвергнуты как ложные и искажающие религию. По их мнению, законно только то, что предписано Кораном и Сунной, и в первоначальном виде [15, с. 110].

Впоследствии идеи ибн Ханбала развили богослов Ибн Таймия (1263–1328). Он жил в достаточно тяжелый период для мусульманской общины Ближнего Востока, связанный с монгольскими завоеваниями. В 1268 г. его семья была вынуждена покинуть родной г. Харран и переселилась в Дамаск. Кроме того, в эту эпоху, как отмечал башкирский исламовед конца XIX – начала XX вв. Ризаитдин Фахретдинов, все чаще в Мамлюкском султанате ислам становился методом для спекуляций так называемыми «торговцами религией» [19, с. 24]. Эти факты безусловно повлияли на взгляды Ибн Таймии.

Его работы, в основном, были сфокусированы на трех базовых, по его мнению, положениях ислама. Во-первых, это принцип единобожия (таухид) в его наиболее радикальном проявлении: провозглашается не только, что Аллах единое и единственное божество, достойное поклонения (что в принципе разделяется всеми мусульманами), но и отвергается принципиальная возможность наличия каких-либо «звеньев» посредников между Богом и людьми, а любые проявления поклонения или почитания кого-либо в религиозном плане рассматриваются как проявление многобожия и отпадение от ислама. В отличие от имама Ахмада, он достаточно недвусмысленно обозначил позицию на этот счет. В книге «Маджму Аль-Фатава» он писал, что «признание единства Божества выражается в совершении поклонений исключительно Ему, без придания Ему сотоварищей в чем-либо, что касается божественности» [27]. Кроме того, в работе «Аль-Икна» он указал на то, что «кто вознесет молитву к мертвому, станет кафиром (“неверным”), даже если тот, кому направлена мольба, является праведным халифом. Кто сомневается в неверии такого человека, тоже неверный» [10, с. 240]. Ибн Таймия был убежден в том, что «целовать могилы, совершать обход вокруг них с целью поклонения и их взвеличивания и пытаться приблизиться к Аллаху посредством обетов и жертвоприношений запрещено» [19, с. 69].

Таким образом, указанная доктрина изначально вступает в жесткое противоречие, в частности, с практиками суфииев, среди которых был распространен куль святых, молитвы на могилах праведников и т.д. Большинство как отечественных, так и зарубежных ученых сходятся во мнении, что Ибн Таймия исключительно отрицательно относился к тарикатистам (ровно как и к друзам и алавитам), обвиняя их в ширке. И это в целом находит подтверждение в его трудах, в частности, он отрицает возможность мюридско-муршидских отношений (взаимосвязь ученика и его духовного наставника у суфииев), дервишество и т.п. [Там же, с. 81]. Хотя отдельные ученые, например, Яхья Мишот (Yahya Michot) указывают на то, что ибн Таймия порицал лишь

отдельные суфийские практики, но при этом с большим уважением относился ко многим духовным деятелям, стоявшим у истоков тарикатизма [24, р. 123].

Во-вторых, как уже отмечалось выше, ибн Таймия исключает возможность при толковании Корана и Сунны обращения к «философским методам» (калам), рационалистическому выведению новых правовых норм из положений связанных текстов, а также безоговорочному следованию мнению авторитетов существующих мазхабов. Ибн Таймия называет калам вариантом еретичества, из-за которого его адепты в конце жизни не могут найти себя и «оказываются в смятении». Он писал о том, что они либо встанут на «путь большинства», либо так и не смогут «познать истину» [27].

В-третьих, отрицаются как ложные любые нововведения в религиозной (к ним он относил и калам) и бытовой практике, которые не восходят ко временам основателя ислама и праведных предков. По мысли ибн Таймии, основная угроза «чистому исламу» состоит в допущении аллегорического или же, напротив, чрезмерно рационального понимания и истолкования священных текстов. Человеческий разум не способен во всем объеме постичь божественный замысел, значит, попытка рационалистического толкования и объяснения норм ислама, а тем более применение основанных на человеческом разуме методов по выведению новых правовых норм, неизбежно приводит к появлению искажающих религию нововведений и отдаляет мусульманскую общину от первоначального (истинного понимания) смысла указанных норм и текстов.

Ибн Таймия порицал мусульманских богословов и политических лидеров, которые, на его взгляд, отступили от истинного ислама. В целом, богослов с уважением относился к власти (как религиозной, так и политической), считая ее необходимой составляющей для стабильности общества, подкрепляя свои доводы строками из 62 аята 4 суры Корана [17]. Он говорил, что «носители власти бывают двух видов: эмиры и улемы; если они поступают правильно, то и люди поступают правильно. Правители могут не являться знатоками шариата, но тогда они прибегают к советам улемов. Именно надлежащее взаимодействие правителей и улемов позволяет осуществлять следование шариату» [11, с. 138]. При этом в «Маджму Аль-Фатава» он указывает на то, что люди имеют право свергнуть правителя, если тот является «неверным» [26]. Как отмечает Л.Б. Маевская, относительно того, можно ли обвинить в такфире конкретного человека, в трудах факиха наблюдается некая двусмысленность [10, с. 241], порождающая споры среди мусульманских правоведов.

Большое значение в своих работах Ибн Таймийя уделял также и понятию джихада (священной войны с неверными), которое, исходя из принципов и подходов, описанных выше, также во многом толковался им прежде всего в буквальном значении необходимости вооруженной борьбы с противниками ислама. В частности, в работе «Гурбату аль-Ислам» он пишет, что «ученые мусульман единогласно сошлись на том, что если группа отказывается выполнять некоторые обязательные, общеизвестные, явные положения ислама, то поистине, является обязательным сражаться с ними» [10, с. 241]. Ибн Таймия принимал непосредственное участие в сражении у Шахаба против монголо-татар, которых он считал «неверными» (даже тех, кто исповедовал ислам). Кроме того, он выносил тафир всем, кто причислял себя к мусульманам, но не соблюдал пять столпов ислама и иные общеизвестные правила поведения адептов этой религии. Джихад в отношение них он считал богоугодным делом. В то же время он утверждал, что совершившие ширка или куфра по незнанию могут быть оправданы Аллахом.

Стоит отметить, что подобный радикальный подход указанного автора, как впрочем, и ряда более поздних (включая современных идеологов исламского радикализма), совпал и во многом являлся реакцией мусульманского социума на внешнюю агрессию и переживаемый кризис. С учетом того, что ислам сам по себе тесно связан и практически неотделим от политики, рост «политических рисков» мусульманским государствам и обществам практически всегда являлся импульсом к развитию в них радикальных идей, призывающих «вернуть» ислам к его первоначальному виду и на этой основе вести вполне конкретную политическую и военную борьбу с враждебными как внешними, так и внутренними силами.

Некоторые аспекты практического воплощении исламских фундаменталистских идей в политической практике мусульманских государств

Кратко рассмотрев истоки и основные положения исламского фундаментализма, перейдем к историческому анализу конкретных примеров практического воплощения указанных идеологических построений в политической жизни мусульманских государств и обществ. Одним из первых и наиболее ярких деятелей, воплотивших идеи исламского фундаментализма, в частности, ибн Ханбали и ибн Таймии, стал Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1792) – основоположник ваххабизма и один из создателей саудовского государства во второй половине XVIII в. В своем основном труде «Китабат-Таухид» [27] (Книге

единобожия) аль-Ваххаб развивал идеи, в принципе, схожие с основными положениями ибн Таймий: отказ от всех нововведений, возврат к «истинному» единобожию, искоренение неисламских племенных традиций и обычаяев тогдашней Аравии. В частности, в подразделе 4 «О необходимости боязни ширка» он называет ширк самым страшным из грехов, который не может быть прощен Аллахом и совершивший его (мушрик) «приведет вечность в огне» [28]. Для доказательства своей позиции о недопустимости многобожия и идолопоклонства он приводит 13 аят 35 суры Корана, в которой сказано, что у них «нет власти над небесами и землей даже в размере с плеву финиковой кости» [17]. Его позиция выглядит более радикальной, чем у Ибн Таймии, который допускал возможность прощения этого греха в случае его совершения «в неведении».

В своих трудах он также порицает различные суеверия, ношения амулетов, поклонения святым и умершим, а не Аллаху и иные практики, присущие суфийским орденам.

Важным залогом успеха ваххабизма стала способность его основателя преподнести основные положения фундаментализма (в рамках ханбалитского мазхаба) в качестве политического инструмента. Аль-Ваххаб, в частности, призывал к искоренению социального неравенства, взяточничества, межплеменной вражды и других социальных пороков и установление «истинного» мусульманского правления на основе шариата, при котором всем членам исламского социума будут гарантированы равные права и достойные социально-экономические условия жизни, как во времена «золотого века» ислама. Проповедь ибн Абдалль-Ваххаба совпала также с постепенным началом упадка Османской империи – ключевого мусульманского государства того времени (османский султан носил титул халифа), которое постепенно начало превращаться в «большого человека Европы» и теряло контроль над своими владениями, в том числе в Северной Африке и на Аравийском полуострове. Аль-Ваххаб активно выступал против османского господства, используя религиозный фактор – с точки зрения ваххабизма религия турецких властей не является «чистым» исламом, т.к. слишком «засорена» нововведениями. Таким образом, в действительности османский султан не может носить титул халифа и не является законным лидером правоверных [11, с. 112]. Подобная радикальная и антитурецкая направленность проповеди аль-Ваххаба была поддержана рядом представителей арабской знати, в частности, рода аль-Сайд (Дирийский эмирят), которые, взяв на вооружение ваххабитскую идеологию, смогли объединить под своей властью значительную часть центральной Аравии к концу XVIII в.

Впоследствии радикальные исламские идеи стали находить все большее поддержки и в других частях мусульманского и арабского (как составной его части) мира. Во второй половине XIX в. он стал объектом колониальных устремлений ведущих государств Запада. Окончательное политico-экономическое разложение Османской империи и общий социально-культурный упадок на Ближнем Востоке и в Северной Африке поставил перед ведущими исламскими мыслителями вопрос о поиске причин такого бедственного положения и выработке адекватного ответа на имеющиеся угрозы и вызовы, причем как в религиозной, так и в политической плоскостях. Одним из первых ответов мусульманского мира стало сформированное под влиянием исламского деятеля второй половины XIX в. Джамаля ад-Дина Афгани (1838–1897) движение т.н. панисламизма, основой которого должно было стать создание своеобразного религиозно-политического союза мусульманских народов. Афгани видел в исламе единственное объединяющее начало для народов Востока. Только на основе ислама восточные общества могут гарантировать себе успешное социально-политическое и экономическое развитие, а также обеспечить себе освобождение (или защиту) от колониального гнета европейских держав.

По мнению Афгани, все мусульманские народы должны были приложить усилия для спасения «терпящего бедствия корабля ислама» [14, с. 112] на базе его панисламистской концепции. Самым главным в ней был отказ от идеологических парадигм, непригодных для развития мусульманского социума. Ислам, по мысли Афгани, сам является полностью самодостаточной не только религией, но и основой государственного строя и цивилизацией – универсальным решением для общества любой эпохи и стадии развития [6, с. 12].

Панисламизм Афгани был направлен, в первую очередь, на объединение усилий всей мусульманской уммы в борьбе с колониальной экспанссией Запада; он являлся исламским ответом на культурно-идеологический вызов европейской цивилизации, стремящейся навязать обществам востока чуждые для них ценности, а также на определенную унификацию самой исламской религии, преодоление разногласий между множеством различных течений и сект. Указанные цели в практической плоскости предполагали создание единой исламистской политической идеологии, которая впоследствии должна была найти свое воплощение в едином государстве, объединяющим всех мусульман [14, с. 113].

Однако в действительности надежды Афгани на объединение мусульманских обществ под знаменами ислама в борьбе против колонизаторов не оправдали себя. После крушения Османской империи Ближний

Восток был поделен на подмандатные территории – единого мусульманского (арабского) государства создать не удалось, продолжилась экспансия в регион западной, секулярной культуры. На этом фоне в мусульманской среде вновь стали активно развиваться радикальные политические идеологии на религиозной основе.

К относительно умеренному крылу исламистских идеологов относится основатель партии «Джамаат-и-Ислами» индийский религиозный деятель середины XX в. Абу-ль-Аля Маудуди (1903–1978), выдвинувший концепцию «исламского государства» на основе четырех основных принципов: власть в таком государстве принадлежит исключительно Аллаху (правительство выполняет функцию представителя/заместителя Бога на земле); основу законодательства составляют нормы шариата; любые вновь принимающие законы не должны противоречить шариату; государственные деятели не должны преступать границ, установленных религией [5, с. 113]. Оптимальной формой государственного устройства, по мнению Маудуди, является синтез теократии и демократии – во главе страны должны стоять «кулемы нового типа». Он считал, что исламское сообщество должно быть выше этнических, племенных, региональных, расовых различий, а тем более хозяйственных факторов [16, с. 121]. Установление подобного государства мыслилось им как результат революции, т.е. вооруженной борьбы. В данном контексте Маудуди поддерживал расширительную трактовку джихада и допускал его ведение не только в оборонительных, но и в наступательных целях для превентивного удара по «врагам ислама» [18, с. 118]. «Джихад, – как писал Маудуди, – представляет собой часть всеобщей защиты ислама и обозначает борьбу до последней капли крови... Джихад является такой же обязанностью мусульман, как ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, является грешником» [23, р. 48]. Несмотря на большое значение, придаваемое Маудуди разработке идеи джихада как вооруженной борьбы, в целом его практическая деятельность была больше сосредоточена на ненасильственных политических методах, таких как организация пропагандистской работы, участие в выборах, развитие исламского образования.

Гораздо с более радикальных позиций выступал основатель египетской организации «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна (1906–1949). Он жил в эпоху становления независимости египетского государства и его борьбы за полный суверенитет от британской короны. Позиция аль-Банны во много продиктована обстановкой, сложившейся в мире в общем, и в Египте – в частности. Это видно уже по предисловию к его работе «Путь джихада», написанному исламоведом и богословом Ама Фахми, где говорится о том, что «мусульманский мир сталкивается

с тиранней и несправедливостью и подвергается притеснениям со стороны ведущих военных и экономических держав» [20].

В отличие от концепций панисламизма Афгани и «исламского государства» Маудуди, которые являлись больше политическими идеологиями, делавшими упор на ненасильственные, пропагандистские методы, парадигма «Братьев-мусульман» отличалась направленностью на конкретные действия по борьбе с их идеологическими противниками, в том числе с активным применением насилия («Метод наш – убеждение и совет, а если это не помогает – то искоренение силой и устранивание») [8, с. 193]. Таким образом, у аль-Банны на первый план выходит понятие джихада [3, с. 29]. В труде «Путь джихада» он писал, что священная война является обязанностью для мусульманина и от нее ни в коем случае нельзя уклоняться. По его словам, Аллах наделил моджахедов («воинов джихада») исключительными духовными и иными качествами, которые помогут им победить. В труде аль-Банны говорится, что Господь щедро наградит мучеников и борцов за веру [20]. Важность борьбы с неверными он подтверждает строками из Корана и словами уважаемых исламских религиозных деятелей. В частности, сура 9 аят 29 Корана: «Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, которые не считают запретным то, что запретили Аллах и Его Посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственоручно платить дань, оставаясь униженными» [17] (существуют и иные трактовки данного аята). Или же 60 аят 8 суры: «Приготовьте против них сколько можете силы и боевых коней, чтобы устрашить врага Аллаха и вашего врага, а также тех, которых вы не знаете, но которых знает Аллах. Что бы вы ни израсходовали на пути Аллаха, вам будет возвращено сполна, и с вами не поступят несправедливо» [Там же].

Разделяя взгляды Афгани на универсальность ислама (ислам – это «вера и общество, мечеть и государство»), аль-Банна призывал к у становлению «исламского порядка» в государстве. Ислам должен стать не просто религиозным мировоззрением, но идеологией активного политического действия, направленным на борьбу с политическими оппонентами. Как говорил аль-Банна, «Мы призываем вас к исламу <...> правительство – часть его, а свобода – одна из религиозных обязанностей. Если кто-либо скажет вам: “Это политика”, скажите: “Это – ислам, и мы не признаем никакого разделения”» [3, с. 30].

Еще одной значимой фигурой, оказавшей существенной влияние на развитие исламского радикализма, является главный идеолог «Братьев-мусульман» египтянин Сейид Кутб (1906–1966). По мысли Кутба, весь мир разделен на два типа обществ: исламские, где социум живет по законам Шариата, и языческие, т.е. те, где люди сами

создают и устанавливают для себя законы и нормы поведения. Большинство современных государств являются языческими, причем в это число входят и те страны, которые формально причислят себя к исламским и где ислам установлен в качестве государственной религии, но в реальности не живут по законам Аллаха. Восстановить подлинную власть исламского закона в указанных обществах можно путем активной борьбы с невежеством (джахилией), которая распространяется через культуру, искусство, литературу, различные псевдорелигиозные культы, активно продвигаемые западным миром. Участие в борьбе с джахилией и теми людьми, кто способствует ее распространению, – обязанность каждого правоверного мусульманина.

Основой такой борьбы должен стать вооруженный джихад против неверных. Кутб на основе Корана выделяет несколько степеней джихада, при этом признавая наиболее совершенным и основным универсальный джихад против всех неверных, независимо от их отношения к исламу [14, с. 116]. Джихад носит вневременной и наднациональный характер и не может быть ограничен каким-либо конкретным историческим периодом, политической конъюнктурой или иными обстоятельствами. Универсальность и всеохватность ислама как религии, о чем уже упоминалось выше, объективно диктует также такие черты джихада, как активный и наступательный, а не сугубо оборонительный характер. Как писал Кутб в своей книге «Война, мир и исламский джихад», «Мусульманин должен жертвовать на пути Аллаха всей своей жизнью и достоянием ради утверждения идеалов, в которых для него не заключено никакой личной выгоды или корысти. Выбрав джихад и выйдя на поле брани, мусульманин уже оказывается победителем в великой схватке, составляющей суть джихада» [9].

Кутб считает необходимым также мирную проповедь и призыв к исламу, однако если это не помогает, необходим переход к вооруженной борьбе для установления подлинного «исламского порядка». Он, в частности, отмечал следующее: «Наша религия (ислам. – Б.М.) тождественная полной и всеобъемлющей революции против людской власти во всех ее проявлениях и разновидностях, включая все виды и типы государственного устройства. Она неуклонно восстает против любой системы, так или иначе основанной на человеческом авторитете, т.е. против любой формы узурпации власти человеком» [Там же].

Конечной целью данной борьбы должно стать уничтожение джихилии, установление новой социально-экономической и политической системы, в которой человек, полностью освобожденный от влияния языческих представлений и культурных наслоений, сможет в добровольном порядке выбрать ислам как единственную истинную религию.

Кроме того, возможность сочетания ислама с социализмом или демократией, что было актуально для Египта 1950–1960-х гг., он категорически отвергал: «Я не перевариваю речей тех, кто рассуждает о “социализме ислама”, “демократии ислама” и т.п., смешивая порядок, сотворенный богом, и порядки, созданные людьми. Ислам дает самостоительные, независимые решения проблем человечества. Он – интегральный метод и гармоническое единство, и введение в него любого постороннего элемента способно испортить его так, как включение ненужной детали в сложный механизм может привести весь механизм в негодность» [7, с. 191].

Труды Хасана аль-Банны и Сейида Кутба имеют неоднозначную репутацию в мусульманском мире. С одной стороны, большинством современных мусульман, особенно не разделяющих радикальные идеи, они воспринимаются скорее отрицательно и ассоциируются с религиозным экстремизмом. С другой стороны, ряд уважаемых исламских деятелей, являющихся адептами ханбалитского мазхаба и придерживающихся салафитских взглядов, которых вряд ли можно причислить к экстремистам, такие как саудовский религиозный деятель Абд аль-Азиз ибн Баз, албанский богослов Насируддин аль-Албани и хадисовет Хамуд ибн Укаля, указывают на полезность их трудов. Ибн Альбани даже говорил про Сейида Кутба: «мы чтим его за его джихад» [13].

В дальнейшем идеи исламского радикализма, признающего основным методом достижения своих политических целей вооруженную борьбу (джихад), нашли свое отражение в деятельности исламистских террористических группировок конца XX – начала XXI вв., наиболее значимой из которых стала «Аль-Каида». Лидер данной организации Усама бен Ладен вслед за Кутбом придерживался точки зрения о необходимости ведения «тотального джихада» против как западных государств, распространяющих в исламском мире секулярную идеологию и враждебную исламу культуру, так и против коррумпированных авторитарных режимов мусульманских государств, правители которых отступили от чистого ислама. Провозглашение вооруженной борьбы против «сионистов и крестоносцев» и их приспешников в мусульманских странах виделось основателям «Аль-Каиды» как первый шаг на пути к «очищению ислама» и началу построения нового справедливого общества, идеалом которого является первая мусульманская община времен «праведных предков». В 1998 г. он призывал к вооруженному джихаду против американцев: «Решение убить американцев и их союзников – гражданских и военных – является индивидуальной обязанностью каждого мусульманина, который может сделать это в любой стране» [21].

Кроме того, в идеологии бен Ладена важнейшее место занимает концепция мученичества и божественной награды участникам вооруженного джихада против неверных: «В загробном мире всем, посвятившим себя джихаду, уготовано особое место... Погибнуть по имя дела Аллаха – величайшая честь, которой удостоится только те, кто составляет цвет нации» [10, р. 192].

Глобальность понятия джихада более полно раскрывает в трудах другого идеолога «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири. В частности, в своей книге «Рыцари под знаменем Пророка» он указывает, что джихад является вооруженной борьбой против неверных в широком смысле, т.е. против всех сил, препятствующих распространению ислама и искажающим его. В список врагов «истинной веры» таким образом попали, помимо западных стран и России, также и ООН, дружественные неверным мусульманские режимы, транснациональные корпорации, международные информационные агентства, международные (гуманитарные) организации и т.д.

Подводя итог, можно констатировать, что на протяжении истории исламский радикализм периодически получал существенное распространение как один из ответов мусульманского мира, с одной стороны, на внешнее давление, а с другой – на процессы, происходящие внутри него самого, которые определенная группа «ревнителей» трактовала как отступление от истинного смысла данной религии. В своих теоретико-идеологических построениях исламские радикалы традиционно опираются на инструментарий, выработанный еще основателями ханбалитского мазхаба и рядом других авторитетных религиозных деятелей прошлого. Основными постулатами исламизма является призыв к «очищению» ислама и построения на его основе нового государства, идеалом которого является община верующих времен пророка Мухаммада и его сподвижников. При этом одним из основных способов достижения указанной цели является ведение вооруженной борьбы с неверными, которая трактуется в самом широком смысле, в т.ч. и в наступательном ключе (не только крайними радикалами, но и идеологами умеренного исламизма).

Библиографический список / References

1. Аввама М. Роль хадиса в расхождениях между имамами фикха. 6 урок. Можно ли практиковать слабые хадисы? 2015. URL: <https://azan.ru/durus/read/6-urok-mozhno-li-praktikovat-slabyie-hadisyi-nachalo-1656> (дата обращения: 28.03.2020) [Avvama M. Rol hadisa v raskhozdeniyah mezhdru imamami fikkha. Mozhnolipraktikovat' slabye hadisy? [The role of hadith in the differences between the imams of fiqh. Sixth lesson. Is it possible

- to practice weak hadiths?]. 2015. URL: <https://azan.ru/durus/read/6-urok-mozhno-li-praktikovat-slabyie-hadisyi-nachalo-1656>. (In Russ.)]
2. Алонцев М.А. “Ты не назвал Коран сотворенным”: Ахмад ибн Ханбал // Шаги. 2016. № 2 (2-3). С. 221–228. [Aloncnev M.A. “You did not call the Qur'an created”: Ahmad Ibn Hanbal. *Steps*. 2016. No. 2 (2-3). Pp. 221–228. (In Russ.)]
 3. Багдади А. Идейные источники и идеология исламского фундаментализма. М., 1998. [Bagdadi A. Idejnje istoki i ideologija islamskogog fundamentalizma [The ideological origins and ideology of Islamic fundamentalism]. Moscow, 1998.]
 4. Бахждат А. Имам Ахмад. Ханбалитский мазхаб // Научно-познавательный канал «Минхаджас-Сунна». URL: https://www.youtube.com/watch?v=o4fMxTeYVIY&feature=emb_title (дата обращения: 28.03.2020) [Bahzhdat A. Imam Ahmad. Hanbalitskij mazhab [Imam Ahmad. Hanbalith madhhab]. Minhaj Sunna. URL: https://www.youtube.com/watch?v=o4fMxTeYVIY&feature=emb_title (In Russ.)]
 5. Гареева Г. Исламский фундаментализм и опыт государственного строительства в Пакистане // Россия и мусульманский мир. 2001. № 12. С. 112–116. [Gareeva G. Islamic fundamentalism and the experience of state building in Pakistan. *Russia and the Muslim World*. 2001. No. 2. Pp. 112–116. (In Russ.)]
 6. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. [Zhdanov N.V. Islamskaya konsepcija miroporyadka [The Islamic concept of world order]. Moscow, 2003.]
 7. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988. [Ignatenko A.A. Halify bez halifata. Islamskie nepravitelstvennye religiozno-politicheskie organizacii na Blizhnem Vostoke: istoriya, ideologiya, deyatelnost [Caliphs without a Caliphate. Islamic non-governmental religious and political organizations in the Middle East: History, ideology, and activities]. Moscow. 1988.]
 8. Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х – начало 80-х годов XX в.) / Отв. ред. Л.Р. Полонская. М., 1986. [Islam v sovremennoj politike stran Vostoka (konec 70-h – nachalo 80-h godov XX v.) [Islam in the modern politics of the East (late 70's – early 80's of the XX century)]. L.R. Polonskaya (ed.). Moscow, 1986.]
 9. Кутб С. Война, мир и исламский джихад // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/voyna-mir-i-islamskiy-dzhihad> (дата обращения: 05.11.2019) [Qutb S. War, peace and Islamic Jihad. *Otechestvennye zapiski*. 2003. No. 5 (14). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/voyna-mir-i-islamskiy-dzhihad> (In Russ.)]
 10. Маевская Л.Б. Роль таクфира (обвинения в неверии) в учении Ибн Таймии // Modern Science. 2019. Vol. II. № 7. С. 236–245. [Mayevskaya L.B. The Role of Takfir (accusations of disbelief) in the teachings of Ibn Taymiyyah. *Modern Science*. 2019. No. 7. Pp. 236–245. (In Russ.)]
 11. Маточкина А.И. Обращение к идеям Ибн Таймии в новое и новейшее время // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. С. 111–119. [Matochkina A.I. Appeal to the ideas of Ibn Taymiyyah in the new and modern times. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2013. Pp. 111–119. (In Russ.)]

12. Маточкина А.И. Идеи социальной справедливости и равенства во взглядах Ибн Таймийи // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2019. № 1. С. 132–143. [Matochkina A.I. Ideas of social justice and equality in the views of Ibn Taymiyyah. *Asiatica*. 2019. No. 1. Pp. 132–143. (In Russ.)]
13. Отведение великого обмана от Сейид Кутба и Хасана аль-Банна. Ar-Rad.ru. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O7-wuKf5JUs> (дата обращения: 01.04.2020). [Otvedenie velikogo obmana ot Sejid Kutba I Hasana al'-Banna [Diverting the great deception from Sayyid Qutb and Hasan al-Banna]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O7-wuKf5JUs> (In Russ.)]
14. Петрухина А.А. Влияние взглядов Дж. Афгани, Х. Аль-Банны, А. Маудуди, С. Кутба на становление и распространение исламистской идеологии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 3 (23). С. 112–118. [Petrushina A.A. Influence of views of J. al-Afgani, H. al-Banna, A. Maududi, S. Qutb on the formation and spread of Islamist ideology. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. 2012. No. 3 (23). Pp. 112–118. (In Russ.)]
15. Раджабов Р.А. Основные конфессиональные противоречия между суфизмом и ваххабизмом // Исламоведение. 2009. № 2. С. 107–115. [Radzhabov R.A. The main confessional contradictions between Sufism and Wahhabism. *Islamic Studies*. 2009. No. 2. Pp. 107–115. (In Russ.)]
16. Родригес-Фернандес А.М. Исламская традиция и стратегии национального развития арабских государств // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 117–128. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-117-128 [Rodriges-Fernandes A.M. Muslim tradition and conceptions of national development of Arab states. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 117–128. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-117-128 (In Russ.)]
17. Священный Коран / Пер. на рус. яз. подгот. Э. Кулиев. М., 2002. [Svyashchennyj Koran [The Holy Quran]. E. Kuliev (translation into Russian). Moscow, 2002.]
18. Семедов С.А. Ислам в политике: идеология и практика. М., 2009. [Semedov S.A. Islam v politike: ideologiya i praktika [Islam in politics: Ideology and practice]. Moscow, 2009.]
19. Фахретдин Р. Ибн Таймийя / Пер. со старотатарского. М., 2018. [Fakhretdin R. Ibn Tajmiya [Ibn Taymiyyah]. Moscow, 2018.]
20. Al Banna H. The Way of Jihad: Complete Text. Militant Islam Monitor. URL: <http://www.militantislammonitor.org/article/id/379> (accessed: 01.04.2020).
21. Bin Laden U.S., al-Zawahiri A., Taha Y.R. et al. World Islamic Front Statement: Jihad against Jews and Crusaders. Federation of American Scientists. URL: <https://fas.org/irp/world/para/docs/980223-fatwa.htm> (accessed: 01.04.2020).
22. Fandy M. Saudi Arabia and the politics of dissent. NY., 1999.
23. Maududi A.A. Islamic law and constitution. Lahore, 1960.
24. Michot Y. Ibn Taymiyya's commentary on the creed of al-Hallaj. *Sufism and Theology*. Ayman Shihadeh (ed.). Edinburgh University Press, 2007. Pp. 123–135.
25. Zargar C. Origins of Wahhabism from Hanbali Fiqh. *Journal of Islamic and Near Eastern Law*. 2017. № 16 (1). Pp. 65–114.

أحمد بن حنبل مسنده الإمام أحمد

Musnad of Ahmad Ibn Hanbal. Cairo, 1995. Vol. 1. URL: <https://ia800302.us.archive.org/10/items/waqmusnda/musnda01.pdf> (accessed: 01.04.2020). (In Arabic)

مجموعه الفتاوى باب التبيينية

Ibn Taymiyyah. Majmu' al-Fatawa. Cairo, 2017. URL: <https://archive.org/details/mfsiaitmmfsiitm/mode/1up> (accessed: 01.04.2020). (In Arabic)

محمد بن عبد الوهاب المبشر في التمييم كتاب التوحيد

Muhammad bin Abdul Wahhab. The Book of Monotheism. Dar-us-Salam Publications, 1996. URL: https://ia800303.us.archive.org/30/items/WAQ97861_154/97861.pdf (accessed: 01.04.2020). (In Arabic)

Статья поступила в редакцию 05.11.2019, принятa к публикации 30.04.2020

The article was received on 05.11.2019, accepted for publication 30.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Маргулис Сергей Борисович – преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения Института общественных наук, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Sergey B. Margulis – lecturer at the Department of International Policy and Regional Studies of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

E-mail: sergeimargulis@mail.ru

Политические проблемы
международных отношений,
глобального
и регионального развития

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-106-118

А.А. Зыков

Дальневосточный федеральный университет,
690950 г. Владивосток, Российская Федерация

Становление
трансграничного сотрудничества России:
дальневосточный аспект

В статье освещается динамика освоения трансграничного формата сотрудничества в России и подключения ее Дальнего Востока к интенсивным связям с сопредельными странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Трансформация конституционных основ российского государства конца XX в. сделала возможным взаимодействие акторов политических отношений сразу на двух уровнях: с иностранными и внутренними партнерами. Автор статьи анализирует динамику становления института трансграничного сотрудничества в контексте юридических и организационных основ государственно-политической системы России. Выделяет четыре этапа неравномерного процесса институционализации, соответствующие четырем периодам политического и социально-пространственного развития дальневосточного приграничного социума. Отечественная модель не получила пока завершающей устойчивой формы, но зато приобрела уникальные характеристики.

Ключевые слова: региональное развитие, Дальний Восток России, политические отношения, трансграничное сотрудничество, институционализация, дальневосточный приграничный социум

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Зыков А.А. Становление трансграничного сотрудничества России: дальневосточный аспект // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 106–118. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-106-118

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-106-118

A.A. Zykov

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, 690950, Russian Federation

Formation of cross-border cooperation of Russia: The Far East aspect

The article highlights the dynamics of the development of cross-border format of cooperation in Russia and the connection of its Far East to intensive relations with neighboring countries of the Asia-Pacific region. The transformation of the constitutional foundations of the Russian state at the end of the XX century made possible the interaction of actors of political relations at two levels: with foreign and domestic partners. The author of the article reconstructs the dynamics of the formation of the reference points of the metamorphosis of the system of public administration and political relations of different actors of cross-border cooperation in Russia. There are four stages of the uneven process of institutionalization, corresponding to the four periods of political and socio-spatial development of the Far Eastern border society. The domestic model has not yet received the final stable form, but it has acquired its unique characteristics.

Key words: regional development, the Far East of Russia, political relations, cross-border cooperation, institutionalization of the trans-frontier cooperation, Far Eastern border society

CITATION: Zykov A.A. Formation of cross-border cooperation of Russia: The Far East aspect. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 106–118. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-106-118

Конец первого десятилетия XXI в. обозначился новым витком глобальной трансформации мировой системы. Глобальный экономический кризис 2008 г. повлек за собой обострение противоречий постсоветского миропорядка. Новые процессы и порождаемые ими проблемы, частью имевшие зарубежные истоки, но в большинстве случаев отягощавшиеся общей отечественной и региональной спецификой, обусловили актуальность исследования институционализации трансграничного формата сотрудничества в системе политических отношений Дальнего Востока России.

Цель статьи заключается в анализе роли трансграничного сотрудничества в развитии отношений между властными структурами различного уровня и другими акторами, стремившимися стать субъектами политического процесса в регионе.

Регионализм как процесс расширения экономического и, как следствие, политического влияния регионов внутри страны и за пределами территории суверенного государства получил мощный импульс развития еще в 1980-е гг. [7]. Активное развитие межгосударственного сотрудничества на региональном уровне в этот период превосходило своими масштабами и динамикой предшествующий мировой опыт, хотя в последующей практике прослеживаются периоды снижения интенсивности, обусловленные различными причинами.

Понятие «регион» является наиболее функциональным в процессе описания исследуемого феномена и охватывает различные его составляющие. Регионом допустимо называть и Северо-Восточную Азию, и Дальний Восток России, и Хабаровский край или любой другой субъект федерации. В составе Приморского края выделяются муниципальные районы, которые в свою очередь могут делиться по географическому признаку, например, северные территории; с точки зрения экономистов и географов их тоже допустимо называть регионами или собственно районами. Регион как пространственно-территориальная целостность, сопряженная с экономической, политической и социокультурной системой, выделяется по критерию научного интереса исследователя.

В целях систематизации применения термина «регион» определим иерархию данных территориальных объектов. По мнению Р.Ф. Туровского, структура соподчиненности территориально-политических taxonomicеских категорий подразделяется на глобальный (макроуровень), национальный (мезоуровень), субнациональный и локальные (микро-) уровни [9, с. 33–34].

Россия своими дальневосточными территориями соприкасается с международным регионом Северо-Восточная Азия (и США), который скреплен географическим, geopolитическим и геоэкономическим факторами.

На национальном (государственном) уровне Дальний Восток России относится к административно-хозяйственному образованию, имеющему собственные государственные органы управления (например, Восточный военный округ и структуры, представляющие федеральную власть) и относительно развитые объекты народного хозяйства. Однако это территориальное образование не имеет собственной политической субъектности, определяемой наличием единого бюджета, законодательных и других эффективных институтов. Дальний Восток представляет собой скорее площадку для апробации федеральных проектов территориального развития и налаживания межрегиональных связей различных субъектов, чем единую социально-экономическую систему.

Исходя из российской специфики функционирования государственно-политической системы, с характерной для нее концентрацией публичных полномочий на уровне субнациональных политических структур, в узком, функциональном смысле регион в Российской Федерации – это административная единица территориального устройства государства, называемая субъектом федерации. Руководство субнациональных регионов (главы субъектов РФ и их команды – региональная власть) является активным участником федеративных отношений и неотъемлемой составляющей местных политических элит, выполняющих роль проводников в региональном политическом и социально-экономическом процессах развития. По наблюдению А.Н. Горской, губернаторский корпус занимает особое место, т.к. участие представителей региональных и местных элит ввиду их политической и экономической заинтересованности прямо или косвенно оказывается на успехе трансграничного сотрудничества [2, с. 114].

Несмотря на то, что регионализм – в первую очередь в своей экономической ипостаси – получил широкое распространение в Азиатско-Тихоокеанском регионе, западный опыт был определяющим в понимании и проектировании международных региональных объединений и трансграничного сотрудничества. Принятие в 1980 г. в Мадриде «Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве между территориальными сообществами или местными властями» (далее – Мадридская конвенция) является ключевым моментом институционализации трансграничного сотрудничества [10]. Конвенция определила административный статус новой формы сотрудничества, пространство распространения которой характеризуется социально-экономической, политической и социокультурной общностью. Впервые территориальные сообщества получили возможность инициативы международной кооперации, что дает нам возможность понимать под трансграничным сотрудничеством систему отношений разновеликих политических

акторов в процессе формирования общего интеграционного пространства с соседними странами.

Заимствование европейского опыта позитивно оценивали некоторые исследователи восточноазиатской интеграции, в его развитии видели залог мирного сосуществования и возможности развития периферийных регионов во многих отраслях жизнедеятельности [11; 12].

Динамика подключения Дальнего Востока России к интенсивным трансграничным связям Азиатско-Тихоокеанского региона по форме и масштабам была неравномерной. В целом, можно выделить четыре этапа институционализации трансграничного сотрудничества в России, соответствующие четырем периодам политического и социально-пространственного развития дальневосточного приграничного социума: 1992–1999 гг. – фрагментации, 1999–2006 гг. – адаптации, 2006–2012 гг. – консолидации, 2012 г. – по настоящее время – «национализации».

Открытие регионов и прозрачные границы

Россия на первом этапе становления нового федерализма с неограниченным союзным уровнем власти суверенитетом регионов получила разбалансированный аппарат государственных органов управления, всеобъемлющий социально-экономический кризис, открытые границы и рвущиеся реализовать свои федеральные и международные амбиции региональные элиты. В прошлом дальневосточные приграничные контакты СССР носили ограниченный характер и имели строго контролируемый государственными и партийными органами принцип организации. Так, объемы прибрежной торговли с Японией были весьма скромными. Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) в ответ на многолетние вливания СССР в экономику дружественного режима поставляла продовольствие и товары легкой промышленности в Приморский край. Мероприятия в культурной, научной и других областях взаимоотношений с КНДР, сама деятельность Общества советско-корейской дружбы, были порой формальными по своему характеру, детально контролировались с обеих сторон. Отношения с Китаем в 1960–1980-е гг. были напряженными.

Усиление центробежных тенденций в 1990-е гг. на этапе стихийной федерализации сыграло неоднозначную роль в развитии системы государственного управления. На основе союзного договора (март 1992 г.) и новой Конституции России (декабрь 1993 г.) произошла децентрализация государственного управления и расширение полномочий субъектов федерации [1, с. 183]. Было конституционно закреплено за субъектами РФ право международной деятельности, получила развитие частная приграничная торговля.

После крушения советских экономических связей с центральными районами России и бывшими республиками СССР жители Дальнего Востока восполняли свои нужды за счет наращивания приграничной торговли с Китаем. Приграничье испытalo всплеск миграционной активности. Ранее закрытая внутренняя территория военно-стратегического назначения с господством военно-промышленной компоненты в структуре хозяйствования стала динамично осваивать возможности внешнеэкономической деятельности. «Челночная торговля» товарами широкого потребления из приграничных городов Китая, импорт подержанных автомобилей из Японии стали существенным сектором экономики и зачастую единственной стратегией выживания для местного населения.

Региональные власти принимали активное участие в институционализации трансграничной системы Северо-Восточной Азии (СВА), взаимодействии субнациональных администраций. Так, была образована группа взаимодействия в зоне Японского моря. В эту группу вошли Приморский и Хабаровский края, японские префектуры Ниигата, Тоттори и Тояма, китайские провинции Цзилинь и Хэйлунцзян, южно-корейские провинции Канвон, Северный и Южный Кёнсан. В 1996 г. на ее основе была создана Ассоциация региональных (субнациональных) администраций стран СВА – АРАССВА [7, с. 110].

Во второй половине 1990-х гг. произошло значительное упорядочение трансграничной деятельности регионов как за счет координационных структур (Департамент по связям с субъектами РФ в составе МИД РФ, Консультативный совет субъектов РФ по международным и внешнеэкономическим связям при МИД РФ), так и за счет усиления правовой базы (были приняты федеральные законы о международных договорах, основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности и др.).

Адаптация к условиям мирового развития

На втором этапе принимается основная общероссийская и региональная нормативная база, регулирующая международную и внешнеэкономическую деятельность субъектов РФ. Постепенно ограничивается мелкая и средняя приграничная торговля, разрабатываются планы переориентации приграничной инфраструктуры с военного на социально-экономическое назначение. На рубеже ХХ–ХХI вв. в обществе и элите оформился запрос на политику консолидации государства и восстановление его административного потенциала, снижение дифференциации и фрагментации форм управления общественными отношениями. В структуре государственных институтов появляются органы,

координирующие трансграничную деятельность субнациональных акторов и региональное развитие. Органы, обеспечивающие пограничный режим и таможенный контроль, разрабатывают новый подход обеспечения своих функций в условиях открытой границы.

Федеральным законом «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» трансграничная деятельность регионов была введена в строгие конституционные рамки, четко прописано распределение полномочий. Главным образом, были исключены сепаратистские устремления регионов политического и военно-политического характера, актуальные для расплюзающейся федерации 1990-х гг. В остальном закон разрешил местным властям устанавливать все виды международных связей. Согласно принятым нормативным положениям, региональная власть обладала достаточными полномочиями, но, с точки зрения представительства интересов местного сообщества, вопрос был открыт.

По мнению экспертов, трансграничная деятельность муниципалитетов не получила необходимого политico-правового статуса [4; 8]. В 1998 г. были ратифицированы Европейская хартия о местном самоуправлении, в 2003 г. – Мадридская конвенция. Но на проект закона о координации международных связей субъектов РФ и муниципальных образований РФ было дано отрицательное заключение Министерства юстиции РФ. Это можно объяснить политическими факторами, заключающимися в недостаточном теоретическом осмыслении приграничного сотрудничества и перегруженности системы государственного управления длительными политico-экономическими реформами. Органы государственной власти стали настаивать на самодостаточности действующего законодательства.

С конца 1990-х гг. наметился отчетливый уклон в сторону секьюризации и укрепления рубежей с соседними странами. Тенденция ужесточения пограничной политики РФ, в силу обострения Чеченского конфликта и угроз терроризма, была во многом вынужденная, затронув почти весь периметр государственной границы. Темпы модернизации приграничной инфраструктуры были недостаточны, предложения от силовых структур о закрытии ряда пунктов пропуска на границе стали звучать все чаще.

Осознание необходимости соблюдения оптимального баланса между политикой российского государства, направленной на развитие международных контактов с соседями, и защитой национальных интересов, пришло только недавно. Навести порядок, предотвратить конкуренцию между центрами власти призван был институт полномочного представителя президента в Дальневосточном федеральном округе (ДФО),

созданный в 2000 г. наряду с другими шестью округами и их кураторами. Границы ДФО совпали с Восточным военным округом. Это свидетельствует об обозначении приоритета вопросов безопасности на предстоящем этапе государственного строительства, повышении значимости силовых структур в вопросах не только стратегического, но и социально-экономического характера.

Перед полпредом стояла задача привести региональное нормотворчество в соответствие с федеральным законодательством. Высокое положение полпреда в вертикали российской власти, прямая связь с высшим руководством страны позволяли ему проводить встречи с региональными властями и с представителями высшего руководства соседних стран, курировать наиболее серьезные вопросы взаимодействия с соседними государствами. Также он выступал в роли посредника в случае возникновения споров между Москвой и регионами, совместно с Межрегиональной ассоциацией экономического взаимодействия «Дальний Восток и Забайкалье» способствовал формированию социально-экономической программы развития регионов. При полпреде образовались различные структуры, координационные советы и комиссии, объединяющие руководителей исполнительных органов власти, региональных и местных политиков и предпринимателей, в т.ч. по вопросам функционирования границы.

В послании Федеральному собранию РФ в мае 2003 г. президент В.В. Путин отметил тесную связь экономических и социальных проблем с неэффективностью политической системы: «До сих пор не удается создать устойчивую политическую модель, котораяправлялась бы и с задачей развития страны, интеграции ее в мировые процессы» [5]. Осенью 2004 г. были отменены прямые выборы глав субъектов РФ, что повысило значение полпреда в жизни регионов.

Консолидация сил перед прорывом

Третий этап отличался консолидацией сил государства, повышением роли федерального центра и декларировался как переходный к новому уровню развития сотрудничества, направленного на социально-экономическое развитие Дальнего Востока и повышение роли России в СВА. Реализуются крупные проекты, курируемые федеральным правительством (нефтепроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и т.д.). Только к середине первого десятилетия 2000-х гг. были приняты масштабные планы модернизации приграничной инфраструктуры, к этому времени состояние многих пропускных пунктов и мостовых переходов было плачевным [3].

Особенности развития системы политических отношений и государственного управления России в 2006–2012 гг. привели к кардинальному изменению структуры региональной политики на Дальнем Востоке и соответствующего сектора трансграничного сотрудничества. Учитывая намерение использовать взаимодействие с азиатскими соседями как рычаг развития всей страны, вполне закономерно был сделан вывод, что экономический прорыв в условиях остроконкурентной среды АТР требует консолидации значительных ресурсов страны. Только государство (в лице федерального руководства) способно мобилизовать соответствующую финансово-организационную поддержку дальневосточным регионам для завоевания достойного места в Азиатско-Тихоокеанской трансграничной региональной системе отношений.

К тому же в это время страна подошла к активной фазе присоединения к Всемирной торговой организации (ВТО). В ходе переговорного процесса по присоединению к ВТО постепенно принимались нормативные акты, совершенствовалось законодательство России. Осложнил этот процесс в 2008 г. мировой финансовый кризис, заставивший множество стран задуматься о регулировании национальных экономик посредством протекционистских мер. Еще до проведения саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. В.В. Путин подписал закон о присоединении к ВТО.

Несмотря на консолидацию всех ресурсов в руках федеральной власти, региональные акторы еще выполняли важную роль в региональном развитии. Да и федеральную власть на Дальнем Востоке в качестве полномочного представителя Президента РФ в ДФО с 2009 по 2012 гг. представлял многолетний губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев.

«Национализация» импортируемых институтов или закрепление отечественной специфики трансграничности

С 2012 г. курс на углубление интеграции в АТР приобрел планомерность, в мае было образовано Министерство РФ по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития). Инструменты, предложенные министерством, легли в основу федеральных целевых программ социально-экономического развития дальневосточных территорий, механизмов территорий опережающего развития и Свободного порта, организации ежегодных Восточных экономических форумов и других инициатив. В 2015 г. была принята концепция развития приграничных территорий ДФО, которая не способствовала развитию новых форм сотрудничества, зато признала плачевное состояние инфраструктуры и социально-

экономической ситуации депрессивных поселений этих пространств. Объекты опеки и декларированного развития выделялись сугубо по географическому критерию: территории муниципальных образований ДФО, прилегающие к государственной границе РФ с КНР и КНДР [6].

К сожалению, богатейшие территории остаются на периферии интеграции в СВА. Мультиплекативный эффект от выполнения Дальним Востоком роли ключевого звена в трансграничной политике России до сих пор не сработал. Реализация продвигаемых мегапроектов территорий опережающего развития и т.п. предполагает существенное увеличение инвестиций. Это обстоятельство дает основание для вывода о незавершенности данного этапа институционализации.

С другой стороны, летом 2017 г. произошло долгожданное принятие федерального закона о приграничном сотрудничестве. Закон предоставил широкие полномочия органам местного самоуправления. Окна возможностей открылись для всех муниципалитетов в составе приграничного региона, а не только для тех, которые примыкают к государственной границе.

Реализованный подход развивает международные связи приграничных муниципальных образований в рамках внешних взаимоотношений РФ. Основной партнер этих отношений – это сопредельный муниципалитет соседней страны. В целом, на органах местного самоуправления лежит непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения, посильное содействие подготовке на своей территории международных мероприятий, инициируемых региональной и федеральной властями. Однако большинство дальневосточных приграничных муниципалитетов не имеют достаточной материально-финансовой базы. До широты спектра возможностей европейских местных сообществ нашим муниципалам еще далеко.

Заключение

Пройден путь от стихийного освоения трансграничных практик, увлечения западным опытом и мировыми стандартами к планомерному курсу упорядочивания трансграничных контактов и согласования региональных инициатив с внешнеполитической траекторией федерального центра с целью концентрации национального потенциала в новых условиях международного контекста. Несмотря на глобальные тренды и мировые трансформации, государство и национальные правительства остаются основными политическими акторами, что четко видно из проведенного обзора российской динамики становления трансграничного сотрудничества как относительно новой сферы деятельности.

В 2010-х гг. произошла условная «национализация» импортируемых институтов, универсалии и мировые стандарты преломили сквозь призму отечественного опыта и местных условий, законодательные инициативы закрепили существующее положение вещей.

Влияние процессов регионализации и глобализации постепенно взяли под контроль, определив приоритет безопасности над трансграничным сотрудничеством. Этому обстоятельству немало способствовало усложнение отношений со странами Запада, введение ограничительных мер со стороны США и их союзников. Международно-политический порядок нестабилен. Федеральное руководство и иные акторы политico-экономического процесса не рассчитывали на закрепление сложившейся ситуации. Более того, были предприняты активные действия по развитию альтернативных направлений трансграничного сотрудничества, в первую очередь, «восточный поворот» к Китаю и азиатским экономикам. Таким образом, происходит поиск оптимального соотношения между заинтересованностью как федерального центра, так и регионов в интенсивных международных (в т.ч. транснациональных) связях и необходимостью в защите национальных интересов. Обеспечение баланса требует постоянного внимания и новых решений. Отечественная модель трансграничного сотрудничества на данном этапе не является стабильной. Как сложная и многоуровневая система, она определяется характером международных отношений и параметрами эволюции российской политической системы, расширяющими или сужающими возможности трансграничного сотрудничества.

Библиографический список / References

1. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М., 2009. [Vardomskiy L.B. Rossiyskoe porubeze v usloviyah globalizacii [Russian felling in the context of globalization]. Moscow, 2009.]
2. Горская А.Н. Трансграничное сотрудничество Псковской области и Республики Беларусь // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 112–122. [Gorskaya A.N. Cross-border cooperation of the Pskov region and the Republic of Belarus. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2019. No. 4. Pp. 112–122). (In Russ.)]
3. Межрегиональное и приграничное сотрудничество государств – участников СНГ: проблемы и перспективы: информационно-аналитический доклад Исполнительного комитета. М., 2006. [Mezregionalnoe i prigranichnoe sotrudnichestvo gosudarstv – uchastnikov SNG: informatsionno-analiticheskiy doklad Ispolnitelnogo komiteta [Interregional and cross-border cooperation of the CIS member States: Problems and prospects: Information and analytical report of the CIS Executive Committee]. Moscow, 2006.]

4. Мирошников С.Н. О проекте закона о координации международных связей субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации. Оренбург, 2004. С. 43–52. [Miroshnichenko S.N. On the draft law on the coordination of international relations of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities. *Mezdunarodnye i vneshneekonomicheskie svyazi subektov Rossiyskoy Federacii*. Orenburg, 2004. Pp. 43–52. (In Russ.)]
5. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 года// Официальный сайт Президента РФ Kremlin.Ru. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21998> (дата обращения: 12.08.2015). [Message to the Federal Assembly of the Russian Federation on 16 may 2003. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21998>. (In Russ.)]
6. Распоряжение Правительства РФ № 2193-р от 28 октября 2015 г. «Об утверждении концепции развития приграничных территорий субъектов Федерации Дальневосточного федерального округа» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/20380/> (дата обращения: 12.08.2019). [Rasporyagenie pravitelstva RF no.2193-r ot 28 oktyabrya 2015 g. «Ob utvergdenii koncepcii razvitiya prigranichnyh territoriy sub'ektov Federacii Dalnevostochnogo federalnogo okruga [Order of the Government of the Russian Federation No. 2193-R of October 28, 2015 “On approval of the concept of development of the border territories of the far Eastern Federal district”]. URL: <http://government.ru/docs/20380/>]
7. Севастьянов С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток, 2009. [Sevastyanov S. Nepravitelstvennye uchastniki sotrudnichestva Vostochnoy Azii: vklad v razvitiye regionalizacii i regionalnoy identichnosti [Non-governmental participants in East Asian cooperation: Contribution to the development of regionalization and regional identity]. Vladivostok, 2009.]
8. Семакина Ю.А. Приграничное сотрудничество муниципальных образований (муниципально-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. [Semakina Yu.A. Prigranichnoe sotrudnichestvo municipal'nyh obrazovaniy (municipalno-pravovoe issledovanie) [Cross-border cooperation of municipalities (municipal legal research]. PhD thesis. Moscow, 2014.]
9. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М., 2006. [Turovskiy R.P. Politicheskaya regionalistika [Political regionalism]. Moscow, 2006.]
10. European outline convention on trans-frontier cooperation between territorial communities or authorities. Madrid, 24.05.1980. European Treaty Series. No. 106. URL: <https://rm.coe.int/1680078b0b> (accessed: 03.12.2019).
11. Lay Hwee Yeo. Institutional regionalism versus networked regionalism: Europe and Asia compared. *International Politics*. 2010. Vol. 47. No. 3/4. Pp. 324–337.
12. Tetsu Sadomoto. Cooperation for peace and development in Northeast Asia: Functional approaches. *The International Journal of Peace Studies*. 1996. No. 2. Pp. 75–83.

Статья поступила в редакцию 28.08.2019, принятa к публикации 25.03.2020

The article was received on 28.08.2019, accepted for publication 25.03.2020

Сведения об авторе / About the author

Зыков Александр Александрович – соискатель кафедры международных отношений Восточного института – Школы международных и региональных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Alexander A. Zykov – applicant at the International Relation Department of the Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University

E-mail: sunych_84@mail.ru

Т.З. Мансуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008 г. Казань, Российская Федерация

Отношение молодежи к проектам национального развития Республики Южная Осетия

В статье рассматриваются особенности отношения молодого поколения Республики Южная Осетия к формированию проектов национального развития республики. Анализируются социальное положение молодежи и существующие в данной сфере проблемы в условиях постконфликтного общества, представления молодежи относительно развития экономических и политических процессов, государственности в «непризнанной республике». Показано отношение и, тем самым, влияние молодежи на построение идентификационно-ценостных основ югоосетинского общества после вооруженного конфликта 2008 г. и признания независимости республики со стороны России и ряда других государств мира. В работе анализируются возможные проекты национального развития Южной Осетии и восприятие молодежью процесса их формирования: построение независимого государства, развитие процессов интеграции, ассоциированных отношений с Россией и политики реинтеграции с Грузией, а также осуществление программы Европейского союза «Вовлечение без признания» на территории Южной Осетии.

Ключевые слова: Южная Осетия, молодежь, проект национального развития, «непризнанное государство», независимость, Россия, политика реинтеграции Грузии, урегулирование конфликта

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Мансуров Т.З. Отношение молодежи к проектам национального развития Республики Южная Осетия // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 119–134. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-119-134

T.Z. Mansurov

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, 420008, Russian Federation

Youth attitude to the formation of national development projects of the Republic of South Ossetia

The article discusses the peculiarities of relations and views of the young generation as a social group of the population on the formation of national development projects of the Republic of South Ossetia. The social situation of young people and existing problems in this field in the context of post-conflict society, their perceptions of the development of economic and political processes and statehood in the "unrecognized republic" are analysed. The attitude and, thus, the influence of young people on the construction of the identification and value bases of South Ossetian society after the 2008 armed conflict and recognition of the independence of the Republic by Russia and a number of other States of the world are shown. The work analyses the possible projects of national development of South Ossetia and the perception of youth of the process of their formation: the construction of an independent state, the development of integration processes, associated relations with Russia and reintegration policy with Georgia, as well as the implementation of the European Union program "Involvement without recognition" in the territory of South Ossetia. The author of the article explores the possibilities and problems of implementing these directions of development of South Ossetia at the present stage.

Key words: South Ossetia, youth, project of national development, "unrecognized state", independence, Russia, policy of reintegration of Georgia, conflict settlement

CITATION: Mansurov T.Z. Youth attitude to the formation of national development projects of the Republic of South Ossetia. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 119–134. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-119-134

Молодежь в постсоветских странах является, с одной стороны, достаточно активным слоем населения, а с другой – очень уязвимым в плане различного спектра опасностей, затрудняющих ее полноценное и гармоничное развитие, а также реализации интересов и ценностей молодого поколения¹. Мнение последнего относительно развития общественно-политических и социально-экономических процессов является значимым фактором в принятии политico-управленческих решений, учитывая особенности формирующейся государственности и отсутствие полноценного международного признания. В подтверждение данного положения указывает тот факт, что молодежь Южной Осетии на сегодняшний день составляет около 40% населения².

После распада советского государства некоторые его бывшие республики оказались втянуты в череду внутригосударственных конфликтов, отягощенных этническим фактором, а появление на их территории «непризнанных государств» осложнило выбор ими того или иного вектора национального развития. Вмешательство региональных и крупных мировых держав в конфликты способствовало изменениям в развитии республик и «отковавшихся» территорий, построении экономических и политических институтов. Данные процессы явились актуальными и для югоосетинской республики, а периодически возобновляемые конфликты и кризисы в различных сферах общества не могли не сказаться на населении, особенно на молодом поколении. Помимо существующих проблем, характерных для любого общества, молодежь Южной Осетии оказалась травмирована последствиями военных действий, а слабость государства способствовала тому, что молодое поколение, по сути, оказалось предоставлено само себе [11, с. 2–3].

На сегодняшний день актуальным вопросом развития молодежной политики в республике остаются проблемы социально-психологической адаптации, самореализации, развития личностного потенциала. Как верно замечают исследователи, существует необходимость «прохождения социально-психологической адаптации такой возрастной группы как “молодежь” в социально-экономических условиях послевоенного, послеконфликтного развития общества, характеризующихся, с одной стороны, интенсивностью и динамичностью перемен,

¹ В данной работе автор рассматривает молодежь как одну из социальных групп общества в возрастном диапазоне от 14 до 35 лет. Это сделано с целью наиболее широкого охвата мнений и представлений, чтобы более детально показать отношение молодого поколения, восприятие им процессов формирования проектов национального развития республики.

² Подсчитано автором по данным таблицы 1.3 издания «Статистический сборник за 2018 г.» Управления государственной статистики Республики Южная Осетия (URL: <http://ugosstat.ru/statisticheskij-sbornik-za-2018-g/> (дата обращения: 25.06.2019)).

а с другой – неопределенностью, нестабильностью, повышенными рисками» [10, с. 30]. Важным условием адаптации молодежи должно стать не только стремление к самоактуализации и самореализации, но и осознание необходимости борьбы с последствиями разрушений, причиненных войной. При этом личностное развитие должно определяться не только преследованием собственных интересов и целей, но и ориентироваться на созидание, участие в формировании и реализации планов и программ социально-экономического и политического развития, тесно связанных с будущим своего государства.

Отношение молодежи к формированию проектов национального развития Республики Южная Осетия проявляется, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, молодежь является значительной группой населения, представители которой участвуют в социально-политической жизни общества и тем самым оказывают влияние на принятие политico-управленческих решений. Во-вторых, молодым поколением разделяются те или иные идеи, ценности, приоритеты относительно государственного развития Южной Осетии как внутри страны, так и за ее пределами.

На сегодняшний день внутригосударственное развитие Южной Осетии во многом определяется влиянием внешних факторов, среди которых Россия занимает ведущее положение. Признание независимости республики, инициируемое Россией, и изменение политической и правовой ситуации в регионе Южного Кавказа способствовало тому, что экономическое и политическое развитие Южной Осетии, как и урегулирование грузино-югоосетинского конфликта, осуществляется уже в новых политических реалиях. Получение частичной самостоятельности было воспринято всем населением республики, в том числе молодежью, с большим воодушевлением и понималось как продолжение политики независимого развития страны. Вместе с тем, стремление стать самостоятельным субъектом международного права в сознании молодежи значительно уступает ориентации на воссоединение республики с Россией.

Стоит отметить, что проект независимого развития в ценностных приоритетах молодежи имел особую актуальность в период с 1992 по 2000 гг., когда Россия безоговорочно поддерживала территориальную целостность Грузии и накладывала санкции на Южную Осетию и Абхазию. Однако переориентация грузинского государства на евроатлантические структуры способствовала тому, что ситуация в зоне конфликта стала меняться, а Россия начала развивать отношения с «непризнанными государствами». На сегодняшний день Россия воспринимается молодежью как единственный гарант обеспечения

безопасного и стабильного существования Южной Осетии, а также значимый источник материальной, финансовой, политической и военной помощи. При этом чем дольше не разрешается конфликт, тем больше укрепляются идентичность и ценностно-мировоззренческие связи молодежи по обе стороны кавказского хребта.

Отмеченные выше положения подтверждают результаты одного из эмпирических исследований, проведенных в августе-сентябре 2010 г. югоосетинским Медиа-центром «ИР», целью которого явилось выявление образа России в общественном мнении граждан Южной Осетии³. Опрос показал, что существует сильная идентификация жителей «непризнанного государства» с историческим и социально-культурным пространством России. Так полагают 97% граждан Южной Осетии и 95% представителей диаспоры в столице России. Респонденты аргументировали свои позиции тем, что кавказские народы имеют богатый исторический опыт взаимодействия друг с другом, мирного сосуществования, помохи друг другу в различные периоды истории, а также богатое культурно-духовное наследие, которое их объединяет [8].

Исследование показало, что респонденты, в том числе молодое поколение, оказались единодушны в плане проведения Россией в 2008 г. операции по принуждению Грузии к миру, а более половины опрошенных высказались за необходимость расширения военных действий вплоть до взятия войсками Тбилиси и наказания виновных за военную кампанию, проведенную грузинскими властями. Однако относительно целей, преследуемых Россией в конфликте, мнения граждан разделились. 15% от количества опрошенных полагают, что Россия реализовывала собственные политические цели, а 30% посчитали, что «Россия во избежание такого количества жертв с нашей стороны должна была бы раньше защитить нас» [Там же]. Более половины респондентов отметили, что Россия вмешательством в конфликт способствовала укреплению своего военно-политического и международного престижа.

Небезынтересными представляются мнения молодого поколения осетин относительно развития отдельных сфер с Россией. Позитивное отношение и благодарность за предоставляемую экономическую помощь высказывают практически все опрошенные, которые также полагают, что «Россия должна способствовать культурному возрождению

³ Исследование проводилось в трех районах Южной Осетии – Джавском, Квайсинском и Цхинвальском, а также среди представителей югоосетинской диаспоры в г. Москве. Респондентами опроса выступили 150 чел., из них 100 граждан Южной Осетии, проживающие на территории республики, и 50 чел. – представителей диаспоры в столице России. В исследовании приняли участие граждане разных возрастных групп, в т.ч. молодежи, а в Москве, в основном, представители молодого поколения в возрасте от 22 до 35 лет.

Осетии, ее обычаях и традиций, ибо это пойдет на пользу самой России, патриотическому воспитанию молодежи Кавказа в рамках общероссийской солидарности» [Там же]. При этом 70% респондентов, т.е. абсолютное большинство, приоритетом национального развития республики считает объединение Северной и Южной Осетии в составе России. Одновременно нельзя не отметить, что 20% опрошенных продолжают испытывать страхи и опасения, связанные с возможным изменением российской позиции по вопросу признания независимости республики и стратегической линии поведения по отношению к «непризнанным государствам». В связи с этим, значимыми векторами национального развития Южной Осетии выступают формирование экономического потенциала и укрепление силовых структур в республике [8].

Таким образом, как показали данные этого исследования, граждане Южной Осетии, в основном, молодое поколение, видят дальнейшее существование республики в тесной интеграции с Россией вплоть до вхождения в ее состав в том или ином виде, а проект независимого развития продолжает сохранять свою актуальность. Определенная часть молодежи не исключает в долгосрочной перспективе трансформацию вектора политico-экономического развития Южной Осетии, а само молодое поколение будет являться важным фактором проведения этих изменений в жизнь.

Об ориентировании молодежи на выстраивание интеграции с Россией говорят не только результаты социологического исследования, но и сам процесс развития отношений двух стран после признания независимости Южной Осетии. В частности, позитивно и без каких-либо широких дискуссий было воспринято подписание ряда нормативно-правовых актов, способствующих формированию ассоциированных отношений между странами. Значительную роль в этом процессе сыграли два договора: «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия» и «Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции».

Данные документы, как и ряд других, в значительной степени уточняющих и реализующих их отдельные положения, открыли новые возможности и ресурсы для молодого поколения. Договоры затронули, прежде всего, такие актуальные для молодежи сферы, как образование и здравоохранение, научно-исследовательскую деятельность и социальное обеспечение, предоставили благоприятные правовые и финансовые условия для занятия предпринимательством и другой хозяйственной деятельностью, способствовали появлению новых перспектив в области государственной и муниципальной службы. Повышение уровня развития

Южной Осетии до аналогичных показателей республик Северного Кавказа предоставило широкие возможности, средства и определенные гарантии самоактуализации, личностного развития и социально-психологической реабилитации молодежи в постконфликтный период. По сути, молодежь Южной Осетии получила такие же условия и возможности деятельности, как и любой гражданин Российской Федерации. Все эти изменения, безусловно, нацеливают молодое поколение на более активное участие в социально-экономической, политической и любой другой деятельности республики, построение культурно-духовных связей с Россией и формируют тем самым специфику ее национального развития.

Если говорить о возможностях развития национальных проектов, предполагающих становление Южной Осетии самостоятельным субъектом международного права или вхождения в состав России, то на сегодняшний день они представляются труднореализуемыми, несмотря на их весомую поддержку молодым поколением. В первом случае это связано с непризнанным статусом самой югоосетинской республики, а во втором – кризисными отношениями между Россией и странами Запада и накладываемых в отношении нее экономических санкций.

Исследование отношения молодежи к формированию каких-либо проектов, определяющих особенности национального развития Южной Осетии, предполагает анализ протекания внутригосударственных процессов и взглядов на них молодого поколения. Как показывает изучение различных источников, отношение молодежи к данным процессам оказалось весьма неоднозначным. Интересными в этом плане представляются результаты эмпирического исследования «Оценка ситуации и электоральные настроения населения Республики Южная Осетия», проведенного Институтом социального маркетинга в сентябре 2011 г.⁴ Согласно данным опроса, 58% жителей республики не удовлетворены уровнем своей жизни, но при этом с оптимизмом смотрят на перспективы развития государства. Но такого мнения придерживается в основном старшее поколение, а молодежь (47%) полагает, что жизнь становится лучше. Остальные мнения распределились следующим образом: 23% респондентов не знают, что их ждет в будущем, 17% считают, что ничего не изменится, а 2% опрошенных ждут ухудшений [6].

⁴ Исследование было проведено методом интервью взрослого населения республики в возрасте от 18 лет и старше. Объем выборки составил 1 тыс. респондентов. Опрос проходил в столице республики и 38 населенных пунктах всех 4 районов Южной Осетии. Исследование проводилось пропорционально численности населения и ее социально-демографическому составу.

Сложившейся ситуации во многом способствуют существующие в обществе проблемы, среди которых выделяются безработица, низкий уровень заработной платы, рост цен на продукты питания. Относительно этих вопросов мнения молодежи распределились следующим образом: 29, 26 и 16% соответственно. Такое положение делает молодежь уязвимой в социальном плане, вызывает зависимость от действий властей и способствует появлению эмиграционных настроений. Так, например, почти каждый второй молодой человек (48%) хотел бы эмигрировать из республики, если бы появилась такая возможность, а около трети молодых людей (29%) полагают возможным в течение года покинуть Южную Осетию. Среди русских и армян этот показатель достигает 50% [6]. На мой взгляд, данные факты говорят о весьма непростой социально-экономической и политической ситуации в республике, но на сегодняшний день она обстоит несколько лучше в связи с углублением процессов интеграции между Россией и Южной Осетией и реализацией планов и программ финансовой и материальной поддержки молодежи.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что эмиграционные процессы являются значимым индикатором общего положения дел в республике. От молодежи зависит общенациональное развитие страны, а активные миграционные настроения могут осложнить процесс постконфликтного восстановления и участия в нем молодого поколения.

Говоря об отношении и оценке деятельности органов государственной власти и общественных институтов населением, которые во многом влияют на стабильность политической власти, то ситуация в данной области обстоит несколько иначе. Население республики, а особенно молодежь, не очень доверяет большинству государственных институтов и общественных структур. Если посмотреть на конкретные цифры, то число респондентов, которые доверяют и не доверяют органам власти следующее: парламенту (33 и 31%), президенту (39 и 30%) и правительству (31 и 35%). При этом 56% жителей удовлетворены эффективностью работы руководства республики, а 27% высказывают противоположные позиции. Склонны не доверять общественным организациям 41–43% граждан. Молодежь, в свою очередь, более критично относится к восприятию и поддержке органов государственной власти. Если говорить о других институтах, то крупному бизнесу не оказывают доверия 40% респондентов, религиозным организациям – 46%, судам – 44%. Единственным институтом, пользующимся значительным доверием, и, прежде всего, у молодежи, выступают СМИ (44%) [6]. Исходя из этих данных, можно заключить, что достаточно низкий уровень доверия к государственным институтам формирует и соответствующий процент эlectorата на парламентских или президентских выборах.

Таким образом, как показало исследование, отношение молодежи к процессу формирования национального развития Южной Осетии, и, как следствие, влияние на него, достаточно специфично. Вместе с тем, как и в любых развивающихся странах, в республике существует ряд проблем социально-экономического характера (безработица, низкий уровень заработной платы, жилищные проблемы, проблемы со здоровьем населения, коррупция, преступность и отсутствие безопасности и др.), от которых зависит успешность построения государственности в Южной Осетии. Все эти аспекты в сочетании с факторами внешнего характера (получение независимости, интеграция с Россией) формируют контуры проекта национального развития Южной Осетии на сегодняшний день.

Как верно заметила отечественный исследователь И.В. Лескова, отношение молодого поколения, в том числе образованной молодежи к интеграции с Россией, носит многовекторный характер. Одним из таких векторов, представляющий интерес в рамках данной проблематики, является следующий: «Стремление: 1) к культурной самоидентичности и дистанцированности от России и 2) к государственно-территориальной суверенности при понимании, в общем, того, что самостоятельно, без политического оформления государственно-территориального союза с Россией в той или иной форме их стране не сохраниться в условиях перманентных реваншистских попыток Грузии, пользующейся определенной благосклонностью США и ряда ключевых европейских государств» [4, с. 31]. На мой взгляд, с данным положением можно согласиться, но лишь отчасти. Да, развитие интеграционных связей с Россией в определенной степени является вынужденной мерой, учитывая наличие неурегулированного этнополитического конфликта и связанных с ним вопросов безопасности. Насущной остается и политика расширения международного признания Южной Осетии. Но последняя не пытается дистанцироваться от России, а развивает с ней тесные связи и отношения и даже предпринимает периодические попытки войти в ее состав, а интеграция между двумя странами является взаимовыгодным процессом. К тому же, национальная идентичность «непризнанного государства», в формировании которой молодое поколение играет значимую роль, все больше ориентируется на развитие соответствующих «идентичностей» республик Северного Кавказа.

Для большей части населения Южной Осетии стремление к независимому развитию не противоречит идеи вхождения в состав России. Если вновь обратиться к результатам исследования, проведенного Институтом социального маркетинга, то они показывают, что 77% респондентов согласны с тем, что для республики лучше стать частью Российской

Федерации. Не согласной с данной позицией остается половина грузинского населения (45%) [6]. Среди молодого поколения идею воссоединения с Россией одобряют более 85% [4, с. 32]. При этом у молодежи, как и у остального населения республики, сложились устойчивые негативные представления о Грузии и США. Так, 71% опрошенных осетин отрицательно относятся к США, полагая, что примерно такое же отношение к ним испытывают американцы. К Грузии отрицательное отношение, как показало исследование, еще выше – 82%. Не принимают данную точку зрения лишь 9% грузинского населения Южной Осетии [6], что вполне объясняется разногласиями, существующими между грузинским и югоосетинским обществами.

Если посмотреть на результаты эмпирического исследования в целом по отношению к правильности вектора развития республики, имея в виду независимое развитие в сочетании с интеграцией с Россией, то положительно на это смотрят 46% респондентов, о неправильности подобного пути говорит каждый пятый опрошенный респондент (21%) и каждый четвертый молодой человек (26%), а 31% осетин не смогли определиться с выбором. При этом 58% граждан Южной Осетии и особенно молодежь полагают, что если страна получит международное признание, то вывод российских войск с ее территории будет являться неправильным шагом [6].

Таким образом, на сегодняшний день путь на интеграцию с Россией и обретение независимости можно считать наиболее реалистичным, но в долгосрочной перспективе – не единственным вариантом полноценного развития Южной Осетии. Изменение ситуации может произойти в двух случаях: во-первых, если к процессу развития политических и экономических процессов подключатся другие крупные международные игроки и потеснят в этом плане Россию; во-вторых, в случае провала по разным причинам проекта построения отношений союзничества и стратегического партнерства с югоосетинской республикой и изменения позиции России по вопросу развития международно-правового статуса Южной Осетии ввиду ряда внешних фоновых факторов. Молодежь Южной Осетии, как показали результаты исследования, более критично относится к перспективам национального развития республики, но именно она, выросшая в постсоветских условиях, будет оказывать решающее влияние на данный процесс.

Нельзя не отметить, что существуют альтернативные проекты национального развития Республики Южная Осетия, но в силу ряда причин, в том числе в плане их поддержки среди молодежи, они являются малореалистичными. Начиная с 2008 г. грузинские власти стали осуществлять политику мирной реинтеграции Южной Осетии, выраженную

в различных планах, программах, стратегиях по возвращению «отколовшихся» регионов [2]. Поддержка данной стратегической линии, как и ориентация Грузии на евроатлантические структуры, очень слаба среди молодого поколения и разделяется в основном этническими грузинами, проживающими в республике. Главная причина – разное видение грузинским и осетинским обществами путей урегулирования конфликта и содержание позиций, которых они продолжают придерживаться. Не менее важными видятся социально-психологические травмы, причиненные конфликтом, начиная с 1990-х гг., а также отсутствие необходимо уровня доверия и взаимопонимания между сторонами, которые могли бы вывести их отношения на совершенно другой уровень.

Значимым в плане политики реинтеграции Южной Осетии является документ «Стратегия в отношении оккупированных территорий: Вовлечение путем сотрудничества», утвержденный правительством Грузии в 2010 г. Это своеобразный аналог договоров и соглашений, подписанных между Россией и Южной Осетией, способствующих формированию между ними интеграционных процессов. Стратегия преследует целью восстановить и углубить отношения между разделенными обществами и предоставить молодым осетинам те права и привилегии, которыми пользуются граждане Грузии [3]. Для ее реализации предлагаются направить значительные средства и ресурсы, создать необходимые форматы и механизмы сотрудничества для вовлечения Южной Осетии в развитие отношений с Грузией в различных сферах. При этом грузинские власти считают данную проводимую политику проактивной и ориентированной на человека. Неоценимым достоинством Стратегии, по мнению ее авторов, является предоставление осетинам благ и привилегий, которые Грузия может получить в случае вступления в ЕС и НАТО, а сама модель европейской интеграции видится фактором конфликторазрешения.

Несмотря на внушительный потенциал Стратегии, ее развитие так и не получило какой-либо реализации в Южной Осетии, а в самой Грузии чувствуется все большее разочарование политикой реинтеграции, и особенно среди молодежи, которая в долгосрочной перспективе не исключает возможность формирования евразийского вектора внешней политики Грузии. На сегодняшний день на территории страны существует ряд неправительственных организаций и общественных движений, отличающихся пророссийской риторикой и направленностью деятельности («Евразийский институт», «Евразийский выбор», «Клуб молодых политологов», «Народное движение за грузино-российской диалог и сотрудничество» и др.), в которых грузинская молодежь принимает активное участие [7].

Диалог и взаимодействие населения разделенных обществ, молодежи, осуществляется в основном в сферах, затрагивающих вопросы безопасности и гуманитарного сотрудничества (например, определение границы в зоне конфликта, безопасность передвижения через границу грузинских и осетинских граждан, решение социально-бытовых вопросов, проблема доступа к образованию, медицинскому обслуживанию, возвращение беженцев и вынужденных переселенцев и др.) [7]. Вместе с тем, существенных изменений в плане трансформации конфликта и его урегулирования не происходит. Стороны не могут преодолеть так называемые «красные линии» политического противостояния. Во многом усугубляет ситуацию политика односторонних уступок, проводимая как грузинской, так и югоосетинской стороной, отсутствие в их действиях компромиссов, уступок, разменов, необходимых для создания атмосферы доверия и взаимопонимания сторон конфликта. В связи с этим, различные слои молодежи Южной Осетии очень критично относятся к политике «мягкой силы», не разделяют идеи, ценности, постулаты, пропагандируемые грузинскими властями, выражаемые, в свою очередь, в различных планах и программах (например, «Шаг к лучшему будущему», «Программа мирной политики Грузии» и др.).

Не более перспективными выглядят попытки европейских стран каким-либо образом применить «Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом» и «Договор о зоне углубленной и всеобъемлющей свободной торговли в Южной Осетии», подписанные Грузией в 2013 г. Не получает реализацию и политика ЕС в отношении «непризнанных государств» «Вовлечение без признания». Она предполагает действия по сохранению территориальной целостности Грузии и параллельное развитие отношений с Южной Осетией в таких сферах, как здравоохранение, образование, формирование безвизового режима, экономическая и социально-психологическая реабилитация региона и проживающих там граждан. Несмотря на значительный потенциал, эта политика затронула лишь единицы, и, прежде всего, молодежь, которая хочет получить качественное образование или продолжить обучение в европейских университетах. Причиной тому является неурегулированный межэтнический конфликт. К тому же, молодое поколение, обладая российским паспортом и имея необходимые финансовые ресурсы, может самостоятельно обучаться в любом европейском или американском вузе, а помочь, предлагаемая Россией в образовательной сфере, оказывается не менее существенной, чем европейская.

Говоря о европейском векторе развития Южной Осетии, необходимо отметить, что на сегодняшний день он является слабореализуемым в связи с наличием нерешенных межэтнических противоречий

и неопределенного политического статуса республики, но продолжает сохранять достаточную актуальность среди молодежи, привлекаемой европейскими ценностями. Сами европейские политики неохотно идут на взаимодействие с властями республики из-за нежелания каким-либо образом навредить отношениям с Грузией, стремящейся стать членом ЕС и НАТО. Ведущим фактором, также удерживающим Южную Осетию от развития по пути европейской интеграции, выступает Россия. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением исследователя А. Дудайти, который отметил, что «ситуация в Закавказье может достаточно быстро измениться. Если Тбилиси, воспользовавшись украинским кризисом, сумеет добиться вхождения Грузии в НАТО, вопрос о дальнейшей судьбе Республики Южная Осетия получит совершенно иную перспективу» [9].

Определенным достижением в рамках политики реинтеграции Южной Осетии можно назвать развитие торговли по обе стороны конфликта, правда, в основном нелегальной, т.к. закон «Об оккупированных территориях» Грузии запрещает развитие официальных торговых связей между странами. Значимым продвижением в дальнейшем может явиться реализация «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Грузии об основных принципах механизма таможенного администрирования и мониторинга торговли товарами», в котором европейские страны принимают активное участие. Соглашение предполагает создание торговых коридоров, проходящих через территории «непризнанных республик», преимуществами которого могут воспользоваться как молодые жители Южной Осетии, так и других государств кавказского региона [1].

На мой взгляд, в условиях отсутствия продвижения в урегулировании конфликта и сближении его участников, актуальным в плане укрепления доверия и усиления взаимопонимания сторон является взаимодействие на уровне неправительственных организаций, гражданского и экспертного сообществ. Рассмотрение этого аспекта представляется важным, т.к. молодежь, и об этом свидетельствует ее деятельность в подобных организациях, является очень активным слоем населения, а ценные предложения и рекомендации экспертов органам власти двух стран позволяют определить пути разрешения существующих проблем и принимать эффективные решения, удовлетворяющие интересы сторон противоборства [5, с. 35]. Положительное отношение к участию молодежи в различных дискуссионных площадках, форматах, форумах, конференциях, деятельности общественных организаций обеспечит значительный вклад в национальное развитие югоосетинской республики.

Исходя из проведенного анализа, представляется необходимым сделать следующие выводы. Несмотря на позитивное отношение югоосетинской молодежи к участию в различных социально-экономических и политических процессах развития страны, она испытывает на себе значительный спектр опасностей, вызванных неурегулированным этнополитическим конфликтом и особенностями социально-психологической адаптации и самореализации в постконфликтный период. Насущным проектом национального развития Южной Осетии на сегодняшний день являются действия по расширению международного признания и построения интеграционных процессов с Россией. Идеи и ценности такого вектора развития «непризнанной республики» поддерживаются и разделяются почти всеми слоями молодежи в силу его реалистичности и предоставляемых преимуществ социально-экономического и политического характера.

Другие проекты развития Южной Осетии видятся сложнореализуемыми в связи с отсутствием международного признания республики и слабости ее экономических и политических институтов. Изменению взглядов молодежи и ее ценностно-культурных ориентаций могут способствовать только внешние фоновые факторы и позиции самой России в плане развития отношений с «непризнанной республикой». Вместе с тем, нельзя не отметить, что в перспективе именно различные интеграционные проекты, их возможности, конкуренция между ними на постсоветском пространстве будут определять пути урегулирования конфликта и дальнейшее национальное развитие республики.

Библиографический список / References

1. Абхазия и Южная Осетия: Пора говорить о торговле. Доклад № 249 Европа. 24 мая 2018 г. URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/caucasus/georgia/249-abkhazia-and-south-ossetia-time-talk-trade> (дата обращения: 14.07.2019). [Abkhazia and South Ossetia: Time to talk trade. Report of the Crisis Group No. 249 Europe. May 24, 2018. URL: [https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/georgia/249-abkhazia-and-south-ossetia-time-talk-trade.\].](https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/georgia/249-abkhazia-and-south-ossetia-time-talk-trade)
2. Арешев А. Грузия – Абхазия – Южная Осетия: что такое «вовлечение без признания»? 04.06.2018. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/06/04/gruzia-abkhazia-uzhnaja-osetia-cto-takoe-vovlechenie-bez-priznania-46252.html> (дата обращения: 04.07.2019). [Areshev A. Gruziya – Abkhaziya – Yuzhnaya Osetiya: chto takoe «vovlechenie bez priznaniya»? [Georgia – Abkhazia – South Ossetia: What is “involvement without recognition”?]. 04.06.2018. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/06/04/gruzia-abkhazia-uzhnaja-osetia-cto-takoe-vovlechenie-bez-priznania-46252.html>].

- mnenii [Russia as an object of reflection in the South Ossetian information space and public opinion]. 04.09.2013. URL: <http://mc-ir.ru/rossiya-kak-ob-ekt-otrazheniya-v-yuzhnoosetinskom-informatsionnom-prostranstve-i-obshhestvennom-mnenii/>
9. Сергеев А. Южная Осетия: реалии послевоенного времени. URL: <http://osinform.org/37584-aleksandr-sergeev-yuzhnaya-osetiya-realii-poslevoennogo-vremeni.html> (дата обращения: 11.07.2019). [Sergeev A. Yuzhnaya Osetiya: realii poslevoennogo vremeni [South Ossetia: Realities of post-war time]. URL: <http://osinform.org/37584-aleksandr-sergeev-yuzhnaya-osetiya-realii-poslevoennogo-vremeni.html>]
10. Проблемы социально-психологической адаптации современной молодежи Южной Осетии / Хабаева Л.М., Абаева И.В., Гиоева И.П. и др. // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 7. № 11. С. 30–33. [Habayeva L.M., Abayeva I.V., Gioyeva I.P. et al. Problems of socio-psychological adaptation of modern youth of South Ossetia. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2016. Vol. 7. No. 11. Pp. 30–33. (In Russ.)]
11. Хабаева Л.М. Экспериментальное исследование ценностно-смысовых ориентаций (этнических ценностей) молодежи Южной Осетии // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6. С. 1–9. [Khabayeva L.M. Experimental study of value-sense orientations (ethnic values) of youth of South Ossetia. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2011. No. 6. Pp. 1–9. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 18.07.2019, принята к публикации 21.10.2019
 The article was received on 18.07.2019, accepted for publication 21.10.2019

Сведения об авторе / About the author

Мансуров Тимур Зуфарович – кандидат политических наук; доцент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Timur Z. Mansurov – PhD in Political Sciences; Associate Professor at the Department of Conflict Resolution Studies of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: timur-man333@mail.ru

Н.В. Шахмин

Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко,
3300 г. Тирасполь, Республика Молдова

Евразийский проект в многополярной системе координат: постановка вопроса

В статье проводится анализ тенденций смены однополярной модели миропорядка на многополярную. Приводятся наиболее существенные характеристики либерализма как характерного выражения однополярной модели миропорядка. В процессе исследования особое внимание уделено анализу знаковых событий, знаменующих собой процесс смены модели мироустройства. В качестве предполагаемой структуры мироустройства автор постулирует «порядок Большых пространств» как вероятный концепт легитимности нового мироустройства. Автор особое внимание акцентирует на возможностях России по консолидации Большого Евразийского пространства и на экзистенциальной необходимости этого процесса. Результатом данного исследования можно считать обоснование евразийского проекта как выражение сущности Большого пространства, процесса интеграции постсоветского пространства, ключевого цивилизационного и внешнеполитического курса России.

Ключевые слова: либерализм, глобализация, Большое пространство, постсоветское пространство, евразийский проект

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Шахмин Н.В. Евразийский проект в многополярной системе координат: постановка вопроса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 135–144. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-135-144

N.V. Shahmin

Shevchenko Transnistria State University,
Tiraspol, 3300, Republic of Moldova

The Eurasian project in a multi-polar system of coordinates: Formulation of the problem

In this article the analysis of process, tendencies of change of unipolar model of a world order on multipolar is carried out. The most essential characteristics of liberalism as the most characteristic expression of the unipolar model of the world order are given. In the course of the study, special attention is paid to the analysis of the most significant events that mark the process of changing the model of the world order. The "Order of Large Spaces" as a supposed concept of legitimacy of the new world order is presented as a proposed structure of the world order. The author pays special attention to the potential of Russia to consolidate the Large Eurasian space and to the existential necessity of this process. The result of this study can be considered the justification of the Eurasian project as an expression of the essence of a Large space, the process of integration of the post-Soviet space, the key civilizational and foreign policy of Russia.

Key words: liberalism, globalization, Large space, post-Soviet space, Eurasian project

CITATION: Shamin N.V. The Eurasian project in a multi-polar system of coordinates: Formulation of the problem. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 135–144. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-135-144

Сегодня все более актуальным становится вопрос об образе мира, который должен прийти на смену однополярной модели миропорядка, связующим элементом которой является либерализм. В этом отношении становятся актуальными ключевые тенденции смены миропорядка. Также немаловажным является определение ключевой внешнеполитической стратегии России в пределах интеграционной, цивилизационной зоны влияния.

Проблемы формирования внешнеполитической стратегии России интенсивно обсуждаются российскими учеными и политиками начиная с 1990-х гг. В ходе многочисленных дискуссий достаточно четко определились два принципиально различных подхода к внешнеполитическому выбору России. Первый подход можно условно определить как либерально-прозападный, второй – как национально-патриотический.

Одной из самых главных черт либеральной концепции внешнеполитического выбора России является ее жесткая прозападная ориентация. Если в начале 1990-х гг. эта ориентация обосновывалась представителями данного течения, в основном, необходимостью преодоления последствий тоталитарного прошлого, то в конце 1990-х гг. она все больше обосновывается аргументацией «от будущего», понимание которого либеральными авторами тесно увязывалось с их концепцией глобализации. Отказавшись от своей идеологии, которая держала возглавляемый СССР мощный международный блок государств, препятствовавший безраздельному мировому господству Запада, Россия оказалась перед необходимостью выработки новой международной стратегии с учетом оценки своего положения. В результате постулат либеральной концепции стратегического выбора России в условиях глобализации может быть сформулирован так: чтобы успешно вписаться в глобализацию, необходима прежде всего «готовность сотрудничать с ведущими государствами мира на основе присущих им ценностей» [12, с. 34]. Главное возражение против этой позиции состоит, на наш взгляд, в том, что некорректно призывать Россию к объединению с «сообществом демократии», не выяснив прежде, желает ли само это «сообщество» такого объединения. Напротив, существует немало признаков того, что это сообщество (по крайней мере, его лидер) объединяться с Россией не хочет, будь она хоть демократической, хоть даже и либеральной.

Избегая самых общих постулатов либерализма о незыблемости прав человека, неприкосновенности частной собственности и т.д., следует отметить, что самым сущностным его проявлением является идеологическое закрепление господства власти финансистов, или, как отмечает Ф.А. Папаяни, – «международной олигархии и ее тайных структур» [10, с. 362], основу могущества которых составляет транснациональный капитал, который, обладая монопольным господством в СМИ, формирует устойчивые ценностные установки, необходимые для образования нужного информационного поля, удобной им повестки дня, стереотипизации мышления населения для облегчения управления социальными и политическими процессами. Поэтому де-факто не допускается какая-либо альтернативная точка зрения, могущая в хоть какой-либо мере поставить под сомнение эту монополию [13]. Наглядным примером

тому служат гонения в странах Запада на российский государственный телеканал RussiaToday (RT).

Также либерализм идеологически закрепляет экономическую модель, в рамках которой основным выгодоприобретателем является тот, кто находится на самой вершине финансовой пирамиды, в которой «ростовщики, сосредотачивая богатства, приобретают неограниченную власть над человечеством» [5, с. 27], т.е. остальная масса как бы «отсекается» от доступа к основным благам. Этим объясняется все более растущее социальное неравенство в западных странах, что приводит ко все более нарастающей напряженности, характерным индикатором которой являются протесты «желтых жилетов» во Франции. Подобное развитие событий является ответом на давно спрогнозированный процесс краха капитализма [6, с. 387–388], который, будучи экстенсивно направленной по своему развитию системой, нуждается в постоянной экспансии, приобретении новых рынков. Исчерпание пределов экспансии ведет к перераспределению прибавочной стоимости, что приводит к еще более заметному ухудшению положения населения. В этой связи нынешнее состояние процесса глобализации является и отражением процесса кризиса капитализма.

Если обратить внимание на динамику развития процессов глобализации, то нетрудно заметить, что с концом глобализации происходит и конец либерализма [2, с. 422]. В этом ключе необходимо констатировать, что с концом глобализации происходит переход от однополярной модели мироустройства к многополярной. Многополярная модель предполагает несколько эпицентров концентрации глобального управления и центров консолидации geopolитических пространств, что неизбежно влечет за собой и изменение «правил игры» в мировой политике.

Представляется, что именно по этой причине произошла такая острая реакция со стороны мировых СМИ и западных элит на интервью президента России В.В. Путина британской газете «Financial Times» о конце эпохи либерализма. Целесообразно предположить, что данное интервью является своеобразным метасообщением элитам Запада о смене мироустройства.

Достаточно обозначить следующие «реперные точки», чтобы с достаточной долей вероятности можно было утверждать о нарастающей динамике этого процесса.

На Петербургском международном экономическом форуме 8–9 июня 2019 г. в ряде заявлений В.В. Путина и председателя Госсовета КНР Си Цзиньпина было фактически заявлено о недопущении доминирования одной финансовой системы [16]. По результатам форума можно констатировать беспрецедентное сближение Китая и России. Вероятно,

это вызвало негодование Запада, т.к. впоследствии были инспирированы массовые беспорядки в Гонконге. Подобная последовательность событий является далеко не случайной, учитывая исторически сложившееся влияние западного капитала и культуры на этот особый административный район КНР.

Действительно, подобное сближение двух стран является взаимовыгодным: для Китая – это прикрытие своего «геополитического тыла» на севере и в Центральной Азии, возможность концентрации на более решительное противостояние с США ввиду обретения достаточной степени надежности отношений с Россией; для России – это минимизация потенциальных угроз в своем «мягком подбрюшье» Центральной Азии, более тесная экономическая интеграция с переходом на внешнеторговые взаиморасчеты с Китаем в национальной валюте с 28 июня 2019 г. Последнее является крайне важным, т.к. в перспективе это может привести к демонтажу Бреттон-Вудской системы и, как следствие, удару по «долларовой системе», которая является основой могущества Запада, что крайне болезненно для него.

На саммите ШОС в Бишкеке 13–14 июня 2019 г. была принята совместная декларация Совета глав государств, в которой провозглашается формирование «полицентричного миропорядка» [15], что также является довольно знаковым событием, предваряющим грядущее изменение мировой геополитической конъюнктуры.

Саммит стран «Большой двадцатки» (G 20) в Осаке 28–29 июня 2019 г., по мнению И. Панарина [9], зафиксировал момент серьезного изменения динамики международных отношений. Во-первых, произошла «сверка позиций» по ключевым вопросам мировой политики. Во-вторых, наметилась поляризация «большой тройки» Путин–Си–Трамп, в рамках которой взят курс на изменение существующей архитектуры соотношения сил: несмотря на чрезвычайную разницу страновых интересов, есть одна крайне существенная точка их пересечения – каждой из сторон выгоден демонтаж глобалистской системы миропорядка. Так, Д. Трамп является выразителем идей той части истеблишмента, которая взяла курс на возрождение «Доктрины Монро», но и не следует забывать о грядущих выборах в 2020 г., где ему необходимо будет позиционировать себя в качестве лидера нации и «мастера сделок». Для Китая это открывает возможности в виде дальнейшего строительства мегапроекта «Один пояс, один путь», реализации задач развития страны до 2050 г., которые были поставлены на съезде Компартии Китая в октябре 2017 г. Перед Россией открываются широкие возможности развития экономики ввиду начавшихся внешнеторговых расчетов в своей национальной валюте, укреплении интеграции

на постсоветском пространстве. Кроме того, крайне важна перспектива выхода из системы «Вашингтонского консенсуса» [1], который предполагает колоссальную валютную и экономическую зависимость от Запада.

В политическом плане это приведет к неизбежной минимизации влияния либеральной части истеблишмента России, которая и ментально, и финансово, и идеологически ориентирована на Запад. Поскольку подобный вектор является существенным препятствием для реализации наиболее тесной интеграции на постсоветском пространстве как в России, так и в других странах постсоветского пространства, то впоследствии это приведет к выходу из «патового» положения интеграционного процесса: почти сформировано общее экономическое пространство, в той или иной степени функционируют надгосударственные институты, но недостаточно выработан элитный консенсус.

Таким образом, в рамках «большой тройки» Путин–Си–Трамп может возникнуть в дальнейшем вопрос о наиболее ясно очерченном переделе влияния в мире. Так, высказывается довольно небезосновательное предположение о новой «Ялте 2.0» в 2020 г. [9]. Необходимо констатировать, что данная точка зрения устойчиво набирает силу как в публицистической, так и научной среде. В связи с этим, целесообразно ставить вопрос о месте и роли России в новом соотношении сил, смене эпох и правил игры в глобальной политике.

Представляется, что зона консолидации вокруг России наиболее обоснована в пределах постсоветского пространства, для которого наиболее подходит концепт Большого пространства как выражение некой цивилизационной общности и консолидации в пределах, сопряженных с другими Большиими пространствами, которые образуют своеобразный «порядок Больших пространств» [3, с. 249]. Аналогичное содержание представляет собой понятие «срединное пространство», которое включает в себя географические, социальные, политические особенности, претендует на создание «собственного геополитического силового поля» [4, с. 117] и обладает способностью к самостоятельности и независимости, что создает устойчивую тенденцию к противостоянию поглощения соседними геополитическими пространствами [Там же, с. 119]. В качестве наиболее полной по содержанию трактовки целесообразно привести следующие характеристики феномена Больших пространств: во-первых, предрасположенность к экспансионистской политике и расширению своего «жизненного пространства» (К. Хаусхофер); во-вторых, иерархичность пространственной организации (наличие Центра и Периферии; миросистемность И. Валлерстайна); в-третьих, мультиэтническая структура с доминированием пассивонарного этноса (Л.Н. Гумилев); в-четвертых, формирование общих

ментальных установок, определяющих поведенческие стереотипы; наконец, в-пятых, имперские амбиции.

Евразия начала XXI в. является сосредоточением нескольких Больших пространств: Евразийского, Европейского и Азиатского, «цивилизационное столкновение» (С. Хантингтон) которых объясняет периоды экспансии, единства, отступления, дробления, сосредоточения и вновь экспансии – т.е. интеграции и дезинтеграции. Таким образом, анализ элементов Большого евразийского пространства позволяет сделать следующее умозаключение: каждое Большое пространство будет структурным, силовым элементом структуры многополярного мира.

В процессе кризиса глобализации, когда предположительно будет происходить переформатирование мира на макрорегионы, в пределах которых и проявятся скрытые черты империй [11], России необходима значительная степень присутствия в евразийском регионе, что органически согласуется с многовековой имперской традицией [8, с. 20], во избежание поглощения Большого Евразийского пространства другими цивилизационными центрами. Дело в том, что, согласно цивилизационной теории, если соседняя геоцивилизация оказывается мощнее в каком-либо компоненте или, тем более, сильнее в целом, то с ее стороны можно ожидать экспансию (расширение влияния), осуществляемую в разных формах: демографической, экономической, технологической, культурной, информационной, территориальной, военной и др.

Таким образом, в случае отсутствия подобного вектора России придется столкнуться с ухудшением как внутриполитического, так и внешнеполитического положения ввиду «вытеснения» другими цивилизациями. Например, Китай, несмотря на очевидные тенденции сближения, является и соперником России в Шанхайской организации сотрудничества в Центральной Азии также наблюдается негласное соперничество двух стран.

Россия обладает достаточным потенциалом для предложения евразийского интеграционного проекта, т.к. в конце 1990-х гг., когда был актуален вопрос о ее распаде, невозможно было даже гипотетически предположить, что сейчас она займет такие внушительные позиции на международной арене. Следуя такой логике, несмотря на то, что на долю России приходится всего 1,5% мирового ВВП, также затруднительно сделать предположение о возможном потенциале к созданию подобного интеграционного проекта.

Также нужно принять во внимание очевидную, но постепенную утрату лидерства Запада, что констатировал в своем выступлении президент Франции Э. Макрон 27 августа 2019 г. [7]. Но, по нашему мнению, это является лишь констатацией постфактум существенного ослабления

позиций США как главного оппонента России и лидера западного мира в ближайшей перспективе, учитывая и увеличивающуюся скорость протекания всех процессов в мире.

К тому же, есть основания полагать, что в период смены эпох, правил игры решающую роль будет играть не столько экономический вес, а, скорее, способность идеологически, цивилизационно предложить и отстоять новый проект [14], т.к. все же наступило время феномена «всплытия цивилизаций», которое в свое время предрекал С. Хантингтон, интуитивно осознавая несовершенство западной цивилизации.

Евразийский интеграционный проект, исходя из этого, представляется альтернативной глобализму моделью мироустройства в Евразии, порядком Больших пространств, внешние пределы которых будут очерчены цивилизационными ареалами влияния.

Таким образом, необходимо констатировать, что тенденции смены миропорядка говорят о характерной динамике образования многополярной системы мироустройства, образованной системой взаимодействия Больших пространств, одним из которых будет евразийское Большое пространство, процессы интеграции в его пределах – евразийским цивилизационным интеграционным проектом.

Библиографический список / References

- Глазьев С. Россия 25 лет не может выбраться из ловушки Вашингтонского консенсуса. URL: https://tsargrad.tv/news/sergej-glazev-rossija-25-let-ne-mozhet-vybratsja-iz-lovushki-vashingtonskogo-konsensusa_57905 (дата обращения: 01.08.2019). [Glaziev S. Rossiya 25 let ne mozhet vybrat'sya iz lovushki Vashingtonskogo konsensusa [Russia 25 years can not get out of the trap of the Washington consensus]. URL: https://tsargrad.tv/news/sergej-glazev-rossija-25-let-ne-mozhet-vybratsja-iz-lovushki-vashingtonskogo-konsensusa_57905]
- Делягин М.Г. Конец эпохи. Осторожно: двери открываются! Т. 1. Общая теория глобализации. М., 2019. [Delyagin M.G. Konets epokhi. Ostorozhno: dveri otkryvayutsya! [The end of an era. Caution: The doors open!]. Vol. 1. General theory of globalization. Moscow, 2019.]
- Дутин А.Г. Теория многополярного мира. М., 2013. [Dugin A.G. Teoriya mnogopolyarnogo mira [The theory of a multipolar world]. Moscow, 2013.]
- Зеленёва И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2005. [Zelenova I.V. Geopolitika i geostrategiya Rossii (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Geopolitics and geostrategy of Russia (XVIII – first half of the XIX century)]. St. Petersburg, 2005.]
- Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013. [Katasonov V.Yu. Kapitalizm. Istorija i ideologija «denezhnoj tsivilizatsii» [Capitalism. The history and ideology of “monetary civilization”]. Moscow, 2013.]

6. Люксембург Р. Накопление капитала. В 2-х т. Л., 1934. [Luxemburg R. Nakopleniye kapitala [The accumulation of capital]. In 2 vols. Leningrad, 1934.]
7. Макрон заявил о конце гегемонии Запада // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190827/1557952804.html> (дата обращения: 05.09.2019). [Macron announced the end of Western hegemony. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20190827/1557952804.html> (In Russ.)]
8. Панарин А.С. Евразийский проект в постиндустриальную эпоху. М., 1995. [Panarin A.S. Yevraziyskiy proyekt v postindustrial'nyuyu epokhu [The Eurasian project in the post-industrial era]. Moscow, 1995.]
9. Панарин И. Мировая политика #20. URL: https://www.youtube.com/channel/UCXhA8SwxOW_3kMUXNKdFeiQ (дата обращения: 16.08.2019). [Panarin I. Mirovaya politika # 20 [World Politics # 20]. URL: [https://www.youtube.com/channel/UCXhA8SwxOW_3kMUXNKdFeiQ\]](https://www.youtube.com/channel/UCXhA8SwxOW_3kMUXNKdFeiQ)
10. Папаяни Ф.А. Имперское будущее России. Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв. М., 2019. [Papayani F.A. Imperskoye budushcheye Rossii. Protivoborstvo ideologicheskikh proyektov XIX–XXI vv. [The imperial future of Russia. The confrontation of ideological projects of the XIX–XXI centuries]. Moscow, 2019.]
11. «Стратегия “Большого рывка”» (доклад Изборского клуба). URL: <https://izborsk-club.ru/975> (дата обращения: 16.08.2019). [«Strategiya “Bol'shogo ryvka”» (doklad Izborskogo kluba) [“The Strategy of the Big Jerk” (report of the Izborsk Club)]. URL: <https://izborsk-club.ru/975>]
12. Федоров Ю.Е. Критический вызов для России // Pro et Contra. Проблемы глобализации. 1999. Т. 4. № 4. С. 26–39. [Fedorov Yu.E. A critical challenge for Russia. *Pro et Contra. Problemy globalizatsii*. 1999. Vol. 4. No. 4. Pp. 26–39. (In Russ.)]
13. Хазин М. Либерализм – это новый тоталитаризм. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/s/tsargrad.tv/articles/mihail-hazin-liberalizm-jeto-novyj-totalitarizm_80569 (дата обращения: 01.08.2019). [Khazin M. Liberalizm – eto novyy totalitarizm [Liberalism is a new totalitarianism]. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/s/tsargrad.tv/articles/mihail-hazin-liberalizm-jeto-novyj-totalitarizm_80569.]
14. Хазин М. Мир на пороге новых перемен. URL: <http://vpa.su/mixail-hazin-mir-na-poroge-novyx-peremen.html> (дата обращения: 05.09.2019). [Khazin M. Mir na poroge novykh peremen [The world is on the verge of new changes]. URL: <http://vpa.su/mixail-hazin-mir-na-poroge-novyx-peremen.html>]
15. ШОС может стать прообразом многополярного мира // Российский институт стратегических исследований. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mQbS2jEeKYg> (дата обращения: 01.08.2019). [ShOS mozhet stat proobrazom mnogopolyarnogo mira [The SCO can become a prototype of a multipolar world]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mQbS2jEeKYg>]
16. Экономический форум и «Прямая линия» в свете будущего. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2019/06/21/ekonomicheskij_forum_i_pryamaya_liniya_v_svete_buduwego/ (дата обращения: 01.08.2019). [Ekonomicheskiy forum i «Pryamaya liniya» v svete budushchego [The Economic Forum and the Straight Line in the light of the future]. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2019/06/21/ekonomicheskij_forum_i_pryamaya_liniya_v_svete_buduwego/]

Статья поступила в редакцию 02.08.2019, принята к публикации 14.05.2020
The article was received on 02.08.2019, accepted for publication 14.05.2020

Сведения об авторе / About the author

Шахмин Николай Вячеславович – аспирант кафедры политологии и государственного управления Института государственного управления и социогуманитарных наук, Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Республика Молдова

Nikolay V. Shahmin – post-graduate student of the Department of Political Science and Public Administration of the Institute of Public Administration and Social Sciences, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Republic of Moldova

E-mail: nicolay.shahmin@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы» — всероссийский междисциплинарный журнал, посвященный изучению актуальных проблем истории и политологии.

Постоянные рубрики журнала (появляются в конкретном номере по мере появления статей данной тематики):

- Отечественная история
- Всеобщая история
- Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- История международных отношений и внешней политики
- Теория и философия политики, история и методология политической науки
- Политические институты, процессы и технологии
- Политическая культура и идеологии
- Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
- Политическая регионалистика. Этнополитика
- Конфликтология
- Документ с комментарием
- Критика. Библиография

Редакции журнала неинтересны материалы, основанные на компиляции давно известных фактов! Это не может считаться научной статьей!

Все присланные материалы проверяются при помощи программы «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна превышать 75%.

На любое утверждение (наблюдение, вывод или аргумент), опубликованное ранее, в рукописи должна быть соответствующая библиографическая ссылка.

Журнал строго следит за соблюдением следующих положений этики научных публикаций

Автор не должен публиковать рукопись, по большей части посвященную одному и тому же исследованию, более чем в одном журнале как оригиналную публикацию.

Представление одной и той же рукописи одновременно более чем в один журнал воспринимается как неэтичное поведение и неприемлемо.

Авторами публикации могут выступать только лица, которые внесли значительный вклад в формирование замысла работы, разработку, исполнение или интерпретацию представленного исследования. Все те, кто внес значительный вклад, должны быть обозначены как соавторы. В тех случаях, когда участники исследования внесли существенный вклад по определенному направлению в исследовательском проекте, они должны быть указаны как лица, внесшие значительный вклад в данное исследование указываются в разделе «Благодарности».

Все соавторы должны одобрить окончательную версию работы и согласиться с представлением ее к публикации.

Рецензирование

Помогает членам редакционной коллегии принять решение о публикации и, при соответствующем взаимодействии с автором, также может помочь ему повысить качество работы. Таким образом, рецензирование — не просто инструмент отбора, но и средство, повышающее научный уровень статьи.

Рецензент определяет актуальность темы, четкость определения целей и задач исследования, обоснованность выбора методов исследования, структурированность материала, логику доказательной базы, убедительность, стиль изложения материала, обоснованность выводов и т.д. Отмечается также личный вклад автора в решение обозначенной проблемы, логичность и доступность изложения, корректность использования привлекаемых источников. Рецензент выявляет значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не указанные автором. Рецензент также обращает внимание редакционной коллегии на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере его научной компетенции.

Язык публикаций

Журнал принимает к рассмотрению и публикует материалы на русском и английском языке.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2020.2

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность
приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 28.06.2020 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 9,125 п. л. Тираж 1000 экз.